

НИКОЛАЙ ТОМАН
РАЗВЕДЧИКИ

ДЕТГИЗ 1952

Въсѣмъ чинамъ и чинамъ въ чинахъ и чинахъ
въ чинахъ и чинахъ въ чинахъ и чинахъ

Въ чинахъ и чинахъ въ чинахъ и чинахъ

Н. ТОМАН

РАЗВЕДЧИКИ

Въ чинахъ и чинахъ въ чинахъ и чинахъ

Въ чинахъ и чинахъ въ чинахъ и чинахъ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА 1952 ЛЕНИНГРАД

НИКОЛАЙ ТОМАН

РАЗВЕДЧИКИ

РАССКАЗЫ

Рисунки К. Арцезулова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

НА ПРИФРОНТОВОЙ СТАНЦИИ

Задание группенфюрера Кресса

Генерал-майор фон Гейм, хмурясь, перелистывал документы в объемистой коричневой папке, лежавшей у него на столе. Продолговатое желчное лицо его то и дело подергивалось нервной судорогой. Просмотрев последнюю страницу, отпечатанную на машинке, он раздраженно захлопнул папку и решительно встал из-за стола. В длинном, костлявом теле его от этого энергичного движения послышался сухой хруст.

Донесения тайных агентов за последнее время не удовлетворяли фон Гейма. Их разрозненные и во многом противоречивые данные не позволяли генералу построить более или менее достоверную догадку о намерениях противника, а фон Гейму предстояло сегодня доложить свои соображения группенфюреру Крессу. При одной только

мысли об этом по тощему телу фон Гейма пробегала легкая дрожь и ошутимее давала себя знать щемящая боль в желудке, разъедаемом язвой.

Чорт знает, до чего эти оптимисты вроде группенфюрера Кресса могут действовать на нервы! Они всегда полны радужных надежд, им все кажется чрезвычайно простым и ясным, хотя никто не заблуждается больше их и никто не совершает больших глупостей, чем они. И ведь всего досаднее, что почти все сходит им безнаказанно.

Вот взять хотя бы почти сказочную карьеру этого Густава Кресса. Начав свою службу в разведке со скромного поста в «Отделении III Б» Вальтера Николаи, прозванного «Молчаливым полковником», и ничем особенным не блеснув там, он, по протекции Гиммлера, возглавил вскоре один из отделов стратегической разведки главного штаба вооруженных сил и дослужился до высокого чина группенфюрера, равного армейскому званию генерал-лейтенанта. И вот теперь этот выскочка будет поучать его, генерала фон Гейма, прослужившего более тридцати лет в различных разведывательных органах германской армии!

Минут пять генерал торопливо вымерял своими длинными ногами мягкий ковер кабинета, затем энергично распахнул дверь в комнату адъютанта и повелительно произнес:

— Приготовьте всю необходимую документацию для доклада группенфюреру Крессу.

— Все уже сделано, господин генерал.

— Я выезжаю через пять минут. Приготовьте машину.

— Машина готова, господин генерал.

У этого капитана Геппеля всегда все было готово, и фон Гейму никогда не удавалось сорвать на нем злость, отчитав за нерасторопность.

Полчаса спустя фон Гейм уже входил в огромный

кабинет группенфюрера, обставленный мебелью, вывезенной из Парижа. Густав Кресс снисходительно улыбнулся ему, небрежным кивком головы приглашая в кресло.

«Хотел бы я сказать этому толстяку что-нибудь такое, чтобы он потерял эту дурацкую охоту улыбаться!..» — мрачно подумал фон Гейм, опускаясь на мягкое кожаное сиденье.

— Ну, что удалось вам выудить из донесений ваших молодцов? — спросил Кресс, протягивая фон Гейму коробку с сигарами.

— Ничего путного, — отозвался фон Гейм, поджимая ноздри тонкого длинного носа и принюхиваясь к запаху сигар, в которых понимал толк.

— А ведь мы стоим у преддверия больших событий, — заметил группенфюрер, положив на стол руки с короткими, пухлыми пальцами, покрытыми рыжеватой щетиной.

Фон Гейм, с сосредоточенным видом отрезавший кончик сигары, нахмурился.

— Наши друзья из американской разведки извещают нас, что русские намерены начать подготовку к операции большого масштаба. Скорее всего, события эти разыграются на участке армии генерала Боланда, — продолжал Кресс, небрежно откинувшись на спинку кресла и явно стараясь блеснуть своей осведомленностью.

— Стоит ли так полагаться на американскую разведку? — с сомнением произнес фон Гейм.

— Почему же? — удивился группенфюрер. — Нас снабжают информацией не только американцы, но и англичане и французы. Их сведения не расходятся с утверждением американцев. Да им и нет смысла вводить нас в заблуждение: они ведь жаждут истощения своего русского союзника.

Пристально посмотрев на постную физиономию фон Гейма, группенфюрер торжественно заключил:

— Получается, мой дорогой фон Гейм, что представители чуть ли не всех европейских разведок обеспечивают нас информацией о действиях нашего противника. В достоверности сведений о подготовке советским командованием большой операции на участке генерала Боланда у нас нет никаких сомнений. Но, к сожалению, эти сведения носят пока самый общий характер. Ваша задача — уточнить их и определить район нанесения главного удара советскими войсками. Что вы можете доложить по этому вопросу?

Что мог доложить фон Гейм? Еще не так давно он не задумываясь изложил бы Крессу свой план. По наивности, он полагал когда-то, что цель стратегической разведки состоит лишь в определении количества людских ресурсов, состояния военной техники и промышленности врага. Этого, конечно, было бы вполне достаточно для оценки военной силы любой буржуазной страны. При оценке же мощи Советской Армии (в этом фон Гейм убедился на собственном опыте) всякий раз оказывалось, что разведка в чем-то просчиталась, хотя собранные ею данные не страдали большими погрешностями. Было, следовательно, что-то еще кроме этих данных, чем определялась мощь такого противника, как Советский Союз. Но разве мог фон Гейм открыто высказать все эти соображения группенфюреру Крессу, не рискуя поплатиться не только своей должностью, но, может быть, и чем-то еще более существенным?

Группенфюрер Кресс между тем упрямо смотрел на генерала, ожидая ответа, и фон Гейм решился наконец осторожно высказать свою точку зрения, готовый при первых же признаках недовольства со стороны группенфюрера перестроиться и согласиться с ним во всем.

— Мы располагаем надежной агентурой на некоторых прифронтовых железнодорожных станциях Советско-

го Союза, — негромким, хрипловатым голосом начал фон Гейм, внимательно наблюдая за выражением холеного лица группенфюрера. — Имеем мы таких агентов и на двух важных станциях в районе предполагаемых действий Советской Армии.

— Надеюсь, это люди опытные в таком виде разведки? — спросил группенфюрер.

— Вне всяких сомнений, — уверенно подтвердил фон Гейм. — Агент номер тридцать три, например, долгое время служил в России еще до революции в дирекции одной из железнодорожных дорог. Во время первой мировой войны он аккуратно снабжал нас важными сведениями о военных перевозках и пропускной способности этой дороги. Однако вскоре после революции в России нам пришлось срочно перебросить его в Германию, так как Чека неожиданно напала на его след. У нас он прошел переподготовку в специальной школе полковника Шеффельвейса. Дважды после этого пытались мы снова забросить его в Россию, но лишь в первые дни войны нам удалось это сделать. — Фон Гейм тяжело перевел дух, прислушиваясь к ноющей боли в желудке, и продолжал: — Агент номер двадцать семь, обосновавшийся на другом участке железной дороги, менее опытен, чем тридцать третий, но и он прошел специальную подготовку в школе Шеффельвейса. Связь с этими агентами мы осуществляем через агента номер тринадцать, о котором я вам уже докладывал.

— Так-с, — одобрительно кивнул головой Густав Кресс, хлопнув пухлой ладонью по столу. — Надеюсь, что их информация об интенсивности работы прифронтовых железных дорог раскроет нам все карты русских. Крупная переброска войск по железной дороге не ускользает ведь от внимания ваших агентов? Видимо, это достаточно ловкие ребята, раз им удалось уцелеть до сих пор.

— Да, конечно, — поспешно согласился фон Гейм. — Но тут я должен раскрыть вам секрет их неуязвимости. Дело, видите ли, в том, что до сих пор перед ними ставилась очень узкая задача. Они сообщали нам только те данные, которые получали в порядке, так сказать, выполнения своего легального служебного долга.

— Уточните, — коротко приказал группенфюрер.

— Один из наших агентов, например, — ответил фон Гейм, — устроился в паровозном депо и сообщает нам только номера паровозов, проставленные на проходящих через его руки документах. Это дает нам возможность знать численность всего паровозного парка депо. Агенту приказано пока ничем больше не интересоваться, чтобы не вызывать у советской контрразведки ни малейших подозрений. — Фон Гейм сделал короткую паузу. — Этот метод, — продолжал он уже менее уверенно, — хороший с точки зрения маскировки агента, имеет и свои недостатки. Я бы назвал его пассивным методом, в том смысле, что он дает только ограниченные, формальные сведения о противнике.

— А вы считаете, что этого недостаточно? — слегка прищурив маленькие, ставшие вдруг колючими глаза, спросил группенфюрер.

— В какой-то мере, видите ли... — начал было фон Гейм.

Но Кресс решительно перебил его:

— Нет, нет, генерал! Метод этот — лучший из возможных. Вы что же, хотите, чтобы ваши великолепно законспирированные агенты занимались еще и прощупыванием настроений русских рабочих или, может быть, даже пропагандой в нашу пользу? Да ведь стоит им только задать один неосторожный вопрос, как их тотчас же спяет советская разведка! Да и что, собственно, представляет собой этот советский дух, советская идео-

логия? Разве не материальными факторами объясняется она? А мы ведь и ведем как раз разведку этих материальных факторов. Не так ли, генерал?

Фон Гейм мог бы ответить на это, что нельзя забывать и обратного явления — влияния идеологии на материальные факторы, но у него хватило благоразумия не говорить подобных вещей, ибо это значило бы признать почти марксистскую точку зрения. И фон Гейм поспешил согласиться во всем с Крессом.

— Совершенно верно, господин группенфюрер, — покорно произнес он.

— Мой вам совет, генерал, — продолжал Кресс, повышая голос: — не мудрите, не ищите лучших методов. Этот вполне нас устраивает: он объективен, так как дает только строгие статистические данные, которые позволяют нам сделать безошибочный вывод.

Группенфюрер говорил теперь жестко, отрывисто. Все сказанное им фон Гейм понял как строжайшее предписание.

— Слушаюсь, господин группенфюрер, — произнес он.

— Пусть ваши агенты делают только то, что делали до сих пор, — продолжал Кресс. — Им незачем ходить на станцию и подсчитывать количество проходящих составов. Это только вызовет подозрения советской контрразведки, а нам вполне достаточно сведений и об одном только паровозном парке. Мы-то ведь знаем мощности всех советских паровозов и нормы их коммерческих скоростей.

— Да, конечно, господин группенфюрер, — не очень уверенно поддакнул фон Гейм.

Кресс встал из-за стола, давая этим понять генералу фон Гейму, что аудиенция закончена.

— У вас, значит, нет больше никаких сомнений?

— Нет, господин группенфюрер, — теперь уже уверенно ответил фон Гейм, решив, что лучше все-таки выпол-

нять чужие приказы, чем предлагать собственные рискованные эксперименты.

— Желаю успеха, в таком случае. Пусть вас поддерживает в борьбе с врагом сознание, что мы не одни, что нам помогают и даже, если хотите, на нас работают разведки некоторых союзников Советской России. А русские совсем одиноки (мы-то знаем истинную цену этим союзникам!). У нас не должно быть сомнения в исходе борьбы; нужно только предусмотреть всякую случайность. Ну, вот хотя бы возможность ареста кого-нибудь из наших агентов. Их участки не должны оставаться оголенными. На место ликвидированных агентов немедленно высылайте новых. Мы не можем ни единого дня оставаться без информации.

Заботы майора Булавина

Майор Евгений Андреевич Булавин, возвращаясь с совещания в Управлении генерала Привалова, добрался пассажирским поездом только до станции Низовье. Дальше, до Воеводина, где служил майор Булавин, местный поезд ходил только по четным числам.

На станции Низовье был конец участка, обслуживаемого паровозным депо, находящимся в Воеводине. Локомотивы этого депо доставляли в Низовье порожняк и забирали груженные поезда, направлявшиеся к фронту. С одним из таких поездов и намеревался теперь Булавин добраться до своего отделения, так как число сегодня было нечетное и пассажирского поезда следовало ждать около суток.

Пасмурный осенний день был на исходе. Грязно-серые облака, похожие на дым далекого пожара, низко плыли над землей. Майор Булавин постоял немного на платформе, рассматривая станцию, забитую составами, и по-

думал с тревогой, что будет с грузами, если прорвутся к Низовью немецкие самолеты.

Хотя этот участок дороги находился довольно далеко от фронта, авиация противника часто бомбила его. Следы недавних налетов виднелись в Низовье почти на каждом шагу. Вот несколько обгоревших большегрузных вагонов с дырами в обшивке, сквозь которые видны обуглившиеся стойки и раскосы, составляющие остов вагонов. Длинное, потерявшее свою форму от пятен камуфляжа тело цистерны, стоящей рядом, насквозь прошито пулеметной очередью. Тяжелая сварная рама пятидесятитонной платформы так исковеркана взрывом, что не могла уже держаться на рельсах, и ее опрокинули на землю в стороне от путей.

Заметил Булавин следы авиационных бомбежек и на вокзальном здании. Многие стекла в его окнах были выбиты и заделаны фанерой. Осколки бомб, как оспой, изрыли все стены станции и сильно изуродовали угол не работающей теперь багажной кассы.

Булавин с болью в сердце смотрел на эти разрушения, к которым все еще никак не мог привыкнуть.

Даже новые заботы, всю дорогу занимавшие его мысли, не заглушили в нем тягостного впечатления от этой картины. А заботы у Булавина были очень серьезные. Они возникли после разговора с полковником Муратовым в Управлении генерала Привалова, и майор теперь напряженно думал о них, пытаясь найти решение поставленной перед ним трудной задачи.

Нужно было бы зайти к начальнику станции, спросить, скоро ли пойдет на Воеводино какой-нибудь поезд, а он все прохаживался по платформе — десять шагов в одну сторону, десять в другую. Давно уже потухла папироса, но он все еще крепко держал ее в зубах.

Булавин догадывался, конечно, что скоро начнется подготовка к наступлению. Разве только масштаб ее был

неясен... Перехваченная радиogramма гитлеровской разведки ее тайным агентам, о которой сообщил сегодня полковник Муратов, не была для него неожиданностью в связи со сложившейся обстановкой на фронте.

Враги всегда проявляли интерес к работе советских железных дорог, и майор Булавин не раз уже задерживал подозрительных субъектов на своей станции. Но сейчас на его участке все как будто было благополучно. Почему же полковник Муратов уверяет, что и на станции Воеводино непременно должен быть вражеский агент?

Мимо платформы прошел маневровый паровоз. Короткий, пронзительный гудок его заставил Булавина вздрогнуть. Майор остановился, выплюнул потухшую папиросу и торопливо закурил новую. Взглянув на небо, он заметил просветы в сплошном фронте облаков. Они шли теперь в два яруса: нижние быстро плыли на юг большими рваными хлопьями, верхние, казалось, двигались в обратную сторону.

На позициях зенитных артиллерийских батарей, расположенных за станцией, поднялись к небу длинные стволы орудий, вышли из укрытий наблюдатели с биноклями. Видимо, посты наблюдения за воздухом сообщили артиллеристам об изменении метеорологической обстановки и возможности неожиданного налета вражеской авиации.

Северный ветер все более свежел. Майор застегнул шинель на все пуговицы и зашагал в сторону помещения дежурного станции. У самых дверей он чуть было не столкнулся с пожилым железнодорожником, спешившим куда-то.

— Никандр Филимонович! — обрадованно воскликнул Булавин, узнав главного кондуктора Сотникова. — Не к поезду ли?

Сотников остановился, торопливо вскинул прищурен-

ные глаза на рослую фигуру Булавина и, улыбаясь, приложил руку к козырьку:

— А, товарищ майор! Здравия желаю. Если в Воеводино собираетесь, то мы через пять минут трогаемся.

— В Воеводино; в Воеводино, Никандр Филимонович! — обрадованно проговорил Булавин и поспешил вслед за главным кондуктором.

— Ну что ж, пожалуйста, — отозвался Сотников, на ходу пряча разноцветные листки поездных документов в кожаную сумку, висевшую у него через плечо. — За комфорт не ручаюсь, а насчет скорости — не хуже курьерского прокатим.

Повернувшись к майору, он не без гордости добавил:

— А берем мы сегодня, между прочим, три тысячи четыреста тонн! — Улыбнувшись и молодецки подкрутив седые жесткие усы, Никандр Филимонович пояснил: — Решили станцию разгрузить. Погода-то выправляется вроде. Того и гляди, неожиданные гости пожалуют. Посоветовались мы с Дорониным и решили забрать на Воеводино сверхтяжеловесный состав. Машинист-то, Сергей Доронин, сами знаете, что за человек. Орел! Диспетчер усомнился было: осилим ли такую махину, не споткнемся ли на крутом подъеме? А Сергей Иванович его и спрашивает: «Был разве случай такой, чтобы мы споткнулись?» Тому на это и возразить нечего.

— Разве не Рощина дежурит сегодня? — спросил Булавин, хорошо знавший всех диспетчеров своего участка дороги.

— Да нет. Анна Петровна и спрашивать бы нас не стала. Всякое смелое решение ей по душе. К тому же возможности наших машинистов ей хорошо известны и на наш счет у нее нет сомнений, — не без гордости заключил главный кондуктор.

Разговаривая, он то торопливо шагал по шпалам, то перелезал через тормозные площадки преграждавших

ему дорогу вагонов, пока, наконец, не вышел к длинному товарному составу из большегрузных вагонов и платформ. Майор едва поспевал за ним. У выходного семафора мощный паровоз серии «ФД» обдал Булавина множеством мельчайших брызг.

— Ну как, Филимоныч, поехали? — высунувшись из окна паровозной будки, крикнул молодой человек с крупными чертами лица. — Приветствую вас, Евгений Андреевич! — кивнул он Булавину, с которым был в дружеских отношениях. — Домой, значит?

— Домой, Сергей Иванович, — ответил Булавин, разглядывая следы свежих царапин на обшивке котла паровоза.

«Опять, видимо, попал Сергей под бомбежку...» — подумал он и хотел было спросить Доронина, все ли обошлось благополучно, но в это время Никандр Филимонович дал протяжный, залиvistый свисток. На него тотчас же отозвался внушительный баритон паровозного гудка.

— Садитесь, пожалуйста, товарищ майор! — Сотников кивнул Булавину на тормозную площадку вагона.

Едва Евгений Андреевич взялся за поручни вагонной лесенки, как паровоз с сердитым шипеньем стал медленно осаживать тяжелый состав. Легонько звякнули буферные тарелки, скрипнули пружины автосцепки, долгий ноющий звук побежал по рычагам и тягам тормозной системы вагонов.

— Обратите внимание, как Сережа возьмет эту машину, — торопливо проговорил Сотников, взбираясь на площадку вагона вслед за Евгением Андреевичем.

Замолчав, Никандр Филимонович затаил дыхание и нахмурился, прислушиваясь к металлическому звону, бежавшему, затихая, по составу. Медленно, будто потягиваясь после долгой стоянки, оседали вагон за вагоном, сжимая пружины сцепных приборов поезда. Затем так

же медленно подались они назад, пока не ощутился вдруг резкий толчок, вслед за которым раздался громкий, как пушечный выстрел, выхлоп пара и газов из дымовой трубы паровоза.

— Ну, теперь взяли, — с облегчением вздохнул главный кондуктор, поправляя широкой ладонью седые пушистые усы с рыжевато-желтыми подпалинами от табачного дыма. Улыбнувшись, он добавил: — Великое это искусство — взять с места тяжеловесный состав!

На тормозной площадке

Поезд, набирая скорость, все чаще постукивал колесами на стыках рельсов. Усевшись на жесткую скамейку тормозной площадки, майор достал папиросы и угостил Сотникова. Встречный ветер крепчал с каждой минутой. Булавин поднял воротник шинели и задумался.

Мысли были всё те же. Неизвестно еще, где будет наноситься главный удар и через какую станцию пойдет основной поток грузов для обеспечения этого удара, но противник уже настороже: в перехваченной директиве резидентам вражеской агентурной разведки прямо говорилось: «Усиьте наблюдение за прифронтовыми железнодорожными станциями».

«Но кто же и как ведет наблюдение за моей станцией?» — напряженно думал майор.

Погруженный в эти размышления, он не замечал уже ни главного кондуктора, ни покачивающейся перед тормозной площадкой стенки переднего вагона, ни пейзажа, быстро мелькавшего в просвете между вагонами.

— Вы вот на дымок обратите внимание, товарищ майор, — вывел Булавина из задумчивости голос Сотникова.

Поезд шел теперь по закруглению, и паровоз хорошо

был виден с площадки вагона, на которой находились Булавин с Сотниковым. Майор взглянул на трубу локомотива и заметил лишь частые выхлопы отработанного пара, слегка сизоватого от легких примесей дыма.

— Отличное сгорание, — удовлетворенно заметил главный кондуктор. — Умеют топить ребята! У них топливо не выбрасывается через дымовую трубу на ветер.

Булаvinу понравилась эта глубокая заинтересованность главного кондуктора в работе паровозной бригады, и он стал внимательнее прислушиваться к его словам.

— С такой бригадой, — продолжал Сотников, — не страшно даже, когда фашистские стервятники вдруг с неба обрушатся. Вы не думайте, товарищ майор, что раз мы накрепко с рельсами связаны, то беспомощны перед врагом.

Старик нахмурился, вспоминая что-то. В уголках его глаз резче обозначились глубокие, похожие на трещины морщины. Помолчав немного, он продолжал, слегка повысив голос:

— За примером недалеко ходить. В прошлом месяце везли мы в своем составе цистерну с авиационным бензином, и вдруг, откуда ни возьмись, — фашистский бомбардировщик. Спикировал раз, другой — и все мимо. Но вот одна бомба разорвалась все же неподалеку от поезда и пробила осколками цистерну с бензином. Что делать? Течет драгоценный авиационный бензин на землю, а его ждут наши самолеты на прифронтовых аэродромах. Взобрался я на цистерну, заделал мелкие отверстия деревянными колышками, которые всегда ношу с собой в сумке, а ту пробоину, что побольше была, решил собственной спиной закрыть. Уперся ногами в выступ рамы, схватился руками за лесенку, ведущую к люку цистерны, и доехал так до ближайшей станции. Правда, после этого от паров бензина я почти сознание потерял, но горячее спас все-таки.

«Позавидуешь такому старику!» — невольно подумал майор Булавин.

Поезд шел теперь под уклон, и скорость его все возрастала. Хмурый сосновый бор в легкой дымке тумана, голые серые поля, не прикрытые еще снегом, небольшие поселки с дымящимися трубами, отдельные домики и группы деревьев, черные от грязи дороги — все это, медленно у горизонта и стремительно вблизи полотна железной дороги, разворачивалось перед глазами Евгения Булавина.

Майор Булавин не упускал случая поговорить с местными железнодорожниками и потому был в курсе всех событий на станции.

С главным кондуктором Сотниковым он всегда разговаривал с особенным удовольствием, так как старик нравился ему.

— Не слышали, Никандр Филимонович, — обратился он к Сотникову, — как там у паровозников с их стахановским лекториумом? Не охладели еще к этому делу?

— Ну что вы, товарищ майор! — воскликнул Сотников. — Большой размах оно получило. В самом-то начале, когда Сергей Доронин подал мысль о таком лекториум, с большой опаской отнеслись к ней некоторые. Война, мол, а вы академии тут какие-то затеаете. Мыслимое ли это дело? А Сергей им в ответ: потому, говорит, и затеваем, что война. Хотим, говорит, через лекторий опыт передовых машинистов обнародовать, научить всех лучше работать и тем помочь фронту.

Булавин давно уже знал и от самого Доронина и от других машинистов об этом лекториум, созданном при техническом кабинете паровозного депо, но ему любопытно было теперь послушать, как к этой затее относится главный кондуктор — человек другой железнодорожной профессии.

— По-вашему, значит, дело это стоящее? — спросил Булавин, внимательно разглядывая суровое, обветренное лицо Никандра Филимоновича.

— Как же не стоящее, если в депо нашем каждый день растет число тяжеловесников? А знали бы вы, с каким трудом это новое дело рождалось! Чего только не говорили вначале: лекторий, мол, серьезное учебное заведение, кто же в нем лекции-то читать будет? Где профессоров раздобудете? А зачем, спрашивается, профессора для такого дела? Разве профессор лучше машиниста-стахановца сможет рассказать все тонкости ухода за паровозом, умение использовать профиль пути нашего участка дороги и многие другие практические вещи?

Никандр Филимонович испытующе посмотрел на Булавина, как бы прикидывая, согласен ли он с его словами.

Заметив улыбку на его губах и не зная, как расценить ее, он торопливо добавил:

— Я, конечно, не к тому это говорю, чтобы охаять профессоров. И в мыслях такого у меня нет. По теоретической части нам с ними не тягаться, а вот практику они у нас заимствуют, потому как наша практика, надо полагать, помогает им двигать вперед теорию. Верно я говорю, товарищ майор?

— Верно, — согласился Булавин, дивясь юношескому задору старика.

— И когда приходит Сергей Иванович Доронин в наш лекторий, — продолжал Никандр Филимонович, ободренный вниманием, с которым слушал его майор Булавин, — и читает свои беседы-лекции о том, как лучше провести по нашему участку тяжеловесный поезд, как вы думаете, верят ему или не верят другие машинисты? Верят конечно, потому что Доронин под это дело не только теоретическую базу подводит, а и сам такие поезда регулярно водит.

Сказав это, старший кондуктор поднялся с места и, держась за металлическую скобу, высунулся с площадки. Поезд шел сейчас по закруглению пути, и весь состав его был теперь на виду. Никандр Филимонович воспользовался этим, чтобы посмотреть состояние вагонов и поездной сигнализации.

— Ну, а вы-то почему же лекторием машинистов так интересуетесь? — спросил Булавин, когда старший кондуктор вернулся на свое место.

— А потому, видите ли, что прямая у нас, у поездной бригады, связь с паровозниками, — убежденно ответил Сотников. — Ведь стоит мне, или поездному мастеру из моей бригады, или, к примеру, хвостовому кондуктору недосмотреть за составом — и сразу вся успешная работа машиниста пойдет насмарку. Поезд из-за неисправности любого вагона придется остановить на ближайшей станции, а то и вовсе в пути, и он неминуемо выбьется тогда из графика.

Помолчав немного, прислушиваясь к паровозному гудку, Никандр Филимонович продолжал:

— Ну, а мы, поездная бригада то-есть, от паровозной зависим еще больше. Поэтому разве можем мы не интересоваться, каким образом собираются машинисты водить скоростные тяжеловесные поезда? Я вот аккуратно хожу в их лекторий. И можете не сомневаться: хорошо теперь знаю, где Сергей Иванович думает разгон поезду дать, где придержать его. А на остановках я теперь вместе с поездным вагонным мастером ускоренный осмотр всем буксам произвожу, чтобы любую неисправность во-время ликвидировать.

— Значит, выходит, что вам от этого лектория немало хлопот прибавилось? — усмехнулся Булавин.

— Прибавилось конечно, как же иначе. Со стороны можно подумать: к чему бы старику эти дополнительные хлопоты на себя брать? Вот, к примеру, сосед мой по

квартире, расценщик паровозного депо Аркадий Илларионович Гаевой, так рассуждает. А секрет ведь тут совсем простой.

Никандр Филимонович, прищурясь, пристально посмотрел на Евгения Булавина и, расстегнув шинель, достал из кармана гимнастерки аккуратно сложенную бумажку.

— Вот письмо от сына с фронта получил, — сказал он, протягивая майору исписанный листок. — Пишет, что орденом Славы его наградили. Чем я могу ответить на это, как не стахановской работой на своем посту?

Расценщик Гаевой

Комната, в которой работал расценщик паровозного депо Аркадий Гаевой, была очень маленькая. В ней стояли всего два стола да шкаф с делами. Единственное окно ее было до половины занавешено газетой, так как комната находилась на первом этаже и в окно часто заглядывали любопытные.

Лысоватый, гладко выбритый, в застегнутой на все крючки и пуговицы форменной тужурке, расценщик Гаевой сидел за столом и, улыбаясь, смотрел на своего помощника Семена Алехина, худощавого парня с всклоченной яркорыжей шевелюрой и сердитым выражением лица.

— Ну и наивный же ты детина, Семен! — добродушно говорил Гаевой, подавая Алехину замусоленные листки нарядов. — Все за чистую монету принимаешь! Сам посуди: мыслимое ли дело и без того жесткую норму выработки перевыполнить? А у Галкина, изволь полюбоваться, двести пятнадцать процентов набежал. Чудеса да и только!

— Под сомнение, значит, ставите эту цифру? — сдвиг-

нув рыжие брови, спросил Алехин, склонившись над бумагами и исподлобья глядя на Гаевого.

— Наше дело маленькое, — усмехнулся Гаевой, длинной, узкой ладонью приглаживая жиденькие волосы на затылке: — наше дело расценить выполненную Галкиным работу, а уж начальство само пусть уточняет, каким путем этот процент достигнут.

— Да что вы говорите такое! — воскликнул Алехин, до того покраснев от волнения, что даже веснушек на его лице не стало видно. — Можно подумать, что вы или не понимаете, или не хотите ничего понимать в стахановском движении... Разве случайно Галкин эти двести пятнадцать процентов выработал? У него ведь и раньше было около двухсот. Вот, пожалуйста...

Алехин торопливо стал листать толстую канцелярскую книгу, но Гаевой пренебрежительно махнул на него рукой:

— Брось ты это, Семен! Я и без того помню, сколько он вырабатывает, но мне-то что до этого? Мне ведь не жалко, что парень наловчился проценты нагонять, — не из моего кармана ему деньги платят...

Алехин сердито захлопнул книгу и негодуя проговорил:

— Зарылись вы тут, как крот, в своих ценниках и нормативах и ничего дальше носа своего не хотите видеть! А пошли бы в депо да посмотрели, как Галкин усовершенствовал проверку котельной арматуры, сразу ясно бы стало, откуда у него выработка такая.

— Молод ты еще, Семен, нотации мне читать! — проворчал Гаевой. — Сбегал бы лучше в депо к мастеру или бригадире — уточнить номера паровозов на сегодняшних нарядах.

— Да что бегать-то? — недовольно проговорил Алехин. — Вечно вы меня гоняете, как мальчишку! Наше дело — правильно работу расценить, а номера па-

ровозов и без нас уточнят. Остапчук ведь этим занимается.

Гаевой укоризненно покачал головой:

— Эх, Семен, Семен! Ты ведь вот все о высоких материях толкуешь, о стахановском движении рассуждаешь, а сам лишний шаг ленишься сделать, чтобы работу другим облегчить. Нехорошо это, Семен, не по-комсомольски.

Ничего не ответив, Алехин вышел из маленькой комнатки расценщика, сердито хлопнув дверью. Проходя длинным темным коридором конторы, он раздраженно подумал:

«Что за странное любопытство к номерам паровозов? И с чего бы это вдруг такая трогательная забота об Остапчуке? Ведь для других Гаевой никогда палец о палец не ударит!» Вспомнилось, как тщательно уточнял Аркадий Илларионович несколько дней назад номер на одном из рядов, запачканном масляными руками слесарей. Гаевому тогда показалось почему-то, что это был новый паровоз, только что прибывший в депо. Алехин хорошо заметил, как был взволнован Гаевой этим обстоятельством. Успокоился старик только после того, как выяснилось, что паровоз был старый, давно приписанный к депо Воеводино.

«Нужно будет, пожалуй, посоветоваться с секретарем комсомольского комитета», — решил после некоторого размышления Алехин, подходя к паровозному депо, расположенному довольно далеко от помещения конторы.

Вечером в тот же день он зашел в комсомольский комитет и высказал секретарю все свои опасения.

— Подозрительного тут, пожалуй, ничего нет, — задумчиво произнес секретарь комсомольского комитета, выслушав Алехина, — но я все же посоветуюсь с кем следует.

Семен протянул руку секретарю, у которого был очень озабоченный вид, и произнес нерешительно:

— Ты, видно, занят сейчас, так что я не буду тебя отрывать от работы. Зайду лучше в другой раз. Есть небольшой разговор по личному делу.

Алехин направился было к двери, но секретарь остановил его:

— Постой, Семен. Выкладывай сейчас.

Алехин помялся немного и произнес:

— Может быть, ты поговоришь с начальником отдела кадров о моем переводе на другую работу? С удовольствием ушел бы я в депо...

— Так ведь мы же совсем недавно перевели тебя из депо в контору по состоянию здоровья, — заметил секретарь, удивленно разглядывая маленького, худощавого Алехина.

— Там воздух почище все же, чем в комнатухе этого Гаевого, — хмуро ответил Алехин. — Притом я хочу делать для фронта что-нибудь полезное, а не быть на побегушках у Аркадия Илларионовича.

— Ладно, Семен, — пообещал секретарь, сочувственно взглянув на Алехина, — сделаем для тебя что-нибудь, ты только не нервничай так, держи себя в руках и не подавай виду, что подозреваешь в чем-нибудь Гаевого. Присматривай за ним осторожно: кто знает, может быть и есть основания для твоих подозрений.

Кто же такой Гаевой?

Вернувшись из Управления генерала Привалова, майор Булавин вызвал к себе в кабинет капитана Варгина. Капитан явился тотчас же. Это был высокий, стройный офицер с безукоризненной выправкой. Опытный военный не задумываясь признал бы в нем строевика и немало был бы удивлен, узнав, что Варгин — специалист по дешифровке секретных документов и большую часть

своего служебного времени проводит за письменным столом. Сейчас, правда, в связи с болезнью начальника оперативной части, он по совместительству исполнял и его обязанности.

Выслушав доклад Варгина о порученном ему оперативном задании, майор предложил капитану сесть.

— Серьезная работа предстоит нам с вами, Виктор Ильич, — негромко произнес он и пристально посмотрел на Варгина.

У капитана был широкий лоб, глубоко сидящие черные глаза, длинный нос с горбинкой, рано поседевшие волосы на висках. Слегка откинувшись на спинку стула, он внимательно смотрел в глаза майору, ожидая пояснений.

— Вы знаете, конечно, какой интерес проявляет военная разведка к железнодорожному транспорту, — начал майор Булавин издалика. — Вспомните, сколько неприятностей причинил французскому железнодорожному транспорту известный прусский агент Штибер. Тот самый Вильгельм Штибер, которого Бисмарк представил императору Вильгельму как «короля шпионов». Известно, что и японцы перед началом русско-японской войны хотели вывести из строя Сибирскую железную дорогу, но им помешала бдительность русской железнодорожной охраны. Но перейдем ближе к делу. По имеющимся у меня сведениям, на нашей станции действует тайный агент гитлеровцев, и нам необходимо возможно скорее напасть на его след.

— А что вы скажете о сообщении секретаря комсомольского комитета паровозного депо, о котором я вам докладывал? — спросил Варгин, настороженно глядя в глаза майору.

Булавин задумался. Он знал Гаевого и не питал к нему особенного доверия, однако и подозревать его не было пока достаточных оснований.

Встав из-за стола, Булавин прошелся по скрипучему деревянному паркету кабинета и остановился возле большой карты Советского Союза, висевшей на стене. Он сам ежедневно отмечал на ней каждый новый советский город, отвоеванный у врага. Извилистая линия фронта, все более прогибавшаяся на юге в сторону противника, как бы застыла теперь в ожидании грозных событий.

Разглядывая карту, Евгений Андреевич отыскивал глазами тот участок огромного фронта, к которому вела железная дорога от станции Воеводино, и подумал невольно, что, может быть, именно здесь разыграются эти события. Многое в какой-то мере будет зависеть тогда от его проницательности, от его умения во-время обнаружить притаившегося врага. Но мысль эта не толкала к поспешным действиям, которые губили иногда все дело. Напротив, ответственность вынуждала к осторожности, к всестороннему взвешиванию каждого шага, каждого поступка.

Постояв немного у карты, Евгений Андреевич еще несколько раз прошелся по кабинету и снова уселся за стол.

— Мне кажется, — задумчиво произнес он, — что в заявлении комсомольца Алехина слишком уж сказывается его личная неприязнь к Гаевому. Я не вижу пока ничего подозрительного в том, что Гаевой так тщательно уточняет номера отремонтированных паровозов, нечетко поставленные на нарядях.

Варгин удивленно поднял брови и заметил:

— Странно, что вам не кажется это подозрительным! Позвольте мне, в таком случае, высказать свои соображения?

Майор молча кивнул головой, с любопытством посмотрев на капитана. Интересно, что за доводы приведет он в подтверждение своих подозрений?

— Вот вы говорите о неприязни Алехина к Гаевому,

но что это за неприязнь? — начал Варгин. — Мелкая обывательская склока или политические разногласия?

— Это слишком громко сказано — политические разногласия! — улыбаясь, заметил Булавин. — Алехин, видимо, еще очень молодой человек. Не слишком ли он торопится делать выводы?

Варгин сделал протестующий жест и энергично возразил:

— Я хорошо знаю этого парня, товарищ майор. Алехин молод, конечно, но у него уже есть политическое чутье, и его возмущает неверие Гаевого в стахановское движение. Гаевой, оказывается, готов подозревать в жульничестве всякого, кто перевыполняет производственные нормы. Разве это не характеризует в какой-то мере политическую физиономию Гаевого?

Булавину нравился горячий характер Варгина, близко принимавшего к сердцу все, чем приходилось ему заниматься, но Евгений Андреевич считал своим долгом несколько охладить его.

— А не кажется ли вам, товарищ капитан, — чуть прищурившись, спокойно заметил майор, — что Гаевой вел бы себя осторожнее и уж, во всяком случае, не высказывал бы открыто своих взглядов, если бы действительно был нашим врагом?

— А он и не высказывает своих взглядов открыто, — поспешно ответил Варгин. — Ограничивается шуточками да намеками.

Булавин сидел, глубоко задумавшись, и, казалось, вовсе не слушал собеседника.

«Неужели он равнодушен ко всему, что я рассказывал ему?» — с досадой подумал Варгин и спросил вслух:

— А вам разве не кажется, товарищ майор, что Гаевой мог бы оказать разведке врага неоценимую услугу, сообщая сведения о численности нашего паровозного парка?

— В этом не может быть никаких сомнений, — спокойно согласился Булавин, перекладывая бумаги на столе, — но у нас нет ведь пока никаких доказательств причастности Гаевого к вражеской разведке. А подозревать его в этом только потому, что он располагает важными для врагов сведениями, по меньшей мере легкомысленно.

Выслушивая этот упрек в легкомыслии, Варгин слегка покраснел.

— Это не совсем так, товарищ майор, — произнес он, с трудом сдерживая волнение. — Гаевой вовсе не располагает полными сведениями о паровозном парке, но он может собирать их, и фактически собирает, не вызывая ничьих подозрений. Мне, например, непонятно, зачем ему так тщательно уточнять неразборчивые номера паровозов на нарядах, не нужные для его основной работы. В конторе ведь есть специальные люди, которые и без Гаевого уточнили бы эти номера. Допустить же, что он делает эту работу для облегчения труда других сотрудников конторы, просто немыслимо, если только правильно заключение Алехина об эгоистичном характере Гаевого. Разве все это не настораживает вас, товарищ майор?

— Настораживает, — согласился Булавин. — Но пока только настораживает. Делать выводы я не спешу. Нужно будет, однако, заняться этим Гаевым. Раздобудьте мне сегодня же его личное дело в отделе кадров конторы паровозного депо. Нам не мешает познакомиться с ним.

Никандр Филимонович сообщает важные сведения

В тот же день дело Аркадия Илларионовича Гаевого лежало на столе майора Булавина. Евгений Андреевич тщательно прочитал его несколько раз, но ни один пункт

заполненной Гаевым анкеты не вызывал у него сомнения. Согласно этим данным, Гаевой родился в 1886 году в Западной Белоруссии, в городе Молодечно. Окончив там же церковноприходскую школу, работал по ремонту пути на железной дороге, затем — слесарем и нарядчиком паровозного депо. В самом начале войны эвакуировался из Молодечно сначала в Великие Луки, а позже — на станцию Боеводино, где поступил расценщиком конторы паровозного депо. Все перечисленные в его послужном списке данные подтверждались справками, достоверность которых не вызвала сомнений.

— Конечно, раздобыть такие справки гитлеровскому шпиону не стоило бы большого труда, — произнес майор Булавин, откладывая в сторону личное дело Гаевого. — Заняв Молодечно в 1941 году, гитлеровцы могли обзавестись такими справками в неограниченном количестве.

— И кто знает, — горячо подхватил Варгин, — может быть, подлинный Гаевой томится где-нибудь на фашистской каторге в Германии или давно уже замучен в одном из концлагерей, а агент фашистской разведки орудует тут у нас, прикрываясь его документами.

— Не исключена и такая возможность, — согласился Булавин. — Однако где доказательства, что это именно так?

— Но ведь эти доказательства можно искать неопределенно долго, — заметил Варгин, — а нам дорога каждая минута.

— Да, нам дорога каждая минута, — повторил Булавин, — и именно поэтому мы обязаны раздобыть эти доказательства возможно скорее. Не знаете ли вы, кто близок с этим Гаевым?

Варгин с сомнением покачал головой:

— Едва ли найдется такой человек. По словам Алехина, Гаевой живет настоящим отшельником. Гово-

рит, будто бы стал таким нелюдимым после смерти жены и детей, погибших от фашистской бомбы.

— Позвольте! — воскликнул майор, вспомнив свой недавний разговор с главным кондуктором. — Никандр Филимонович Сотников, кажется, сможет нам рассказать кое-что о нем.

Булавин торопливо надел шинель и, застегиваясь на ходу, направился к двери.

— Нет, не годится мне идти к нему: он ведь в одном доме с Гаевым живет, — проговорил он, внезапно оставившись у порога.

— Но ведь Гаевой сейчас на службе, наверно, — заметил Варгин.

— Все равно не следует мне показываться в их доме.

— Тогда, может быть, послать кого-нибудь?

— Тоже не следует. Говорить с Никандром Филимоновичем нужно мне лично. Мы ведь с ним почти приятели, и разговор у нас будет неофициальный. Вот что, пожалуй: я пойду сейчас на станцию. Недавно прибыл санитарный поезд, и я уверен, что встречу там Сотникова: старик любит поговорить с ранеными, ободрить их, угостить табачком.

С этими словами майор вышел из своего кабинета.

...Постояв немного на перроне, Булавин медленно пошел вдоль санитарного поезда, поглядывая на окна вагонов, в которых виднелись то забинтованные головы раненых, то белые платочки медицинских сестер. На ступеньках одного из вагонов заметил он пожилую женщину — подполковника медицинской службы — и отдал ей честь. Женщина, близоруко щурясь, внимательно посмотрела на Булавина и молча кивнула в ответ, продолжая отыскивать глазами кого-то на станции.

Булавин отвел свой взгляд от врача и, посмотрев вдоль состава, почти тотчас же увидел высокую, худощавую фигуру Никандра Филимоновича, идущего ему на-

встречу. Он еще издали закивал майору, а поравнявшись, приложил руку к козырьку своей железнодорожной фуражки.

— Прогуливаетесь? — улыбаясь, спросил Булавин и пожал руку главному кондуктору.

— Всякий раз к таким поездкам выхожу, — ответил Сотников, всматриваясь в какого-то молодого солдата с забинтованной головой, показавшегося в окне вагона. — Все думается, что, может быть, Васю своего встречу. Всякое ведь случается... Я уже второй раз тут прохожу. Спрашивал у медицинских сестер, нет ли у них старшего сержанта Сотникова, кавалера ордена Славы. Нет, говорят, не слыхали про такого. Значит, слава богу, воюет. А вы, может быть, тоже кого высматриваете?

— Да нет, так просто вышел, — ответил Булавин. — Хотя и у меня близкие люди есть на фронте: жена военным врачом в полевом госпитале работает. Но она на другом участке, далеко отсюда.

— Да, уж вряд ли найдешь теперь человека, у которого никого на фронте не было бы, — вздохнул Никандр Филимонович.

— А не вы ли мне рассказывали, — заметил Булавин, — что сосед ваш, Гаевой, совсем одинокий?

— Может быть, и я, — неохотно ответил Сотников. — Гаевой мне действительно рассказывал, что он в первый же год войны всю свою семью потерял.

— Потому, видно, и нелюдимым таким стал?

Никандр Филимонович ответил не сразу. Видимо, ему было неприятно говорить о расценщике.

— Непонятный какой-то он человек, — задумчиво, словно рассуждая вслух, произнес Никандр Филимонович. — Станешь с ним о фронтовых новостях говорить, так он вроде полное равнодушие к ним испытывает. Разве не странно это для человека, вся семья которого от фашистов погибла?

— Да, пожалуй, — согласился Булавин.

— И больше того, товарищ майор, — ненатурально это.

— Не совсем понимаю вас, Никандр Филимонович, — осторожно заметил Булавин (внутренне он похвалил Сотникова за проницательность).

— Похоже, что притворство все это со стороны Гаевого, — пояснил Сотников. — А к чему оно, вам виднее, я полагаю.

«Перестарался, значит, мерзавец, — настороженно слушая Никандра Филимоновича, подумал Булавин о Гаевом. — Роль нейтрального обывателя вздумал играть, да не учел, что не в фашистской Германии находится, а в Советском Союзе, для граждан которого чужд такой нейтралитет...»

— И не одно только это показалось мне подозрительным, товарищ майор, — продолжал Никандр Филимонович. — Хотя и не очень разговорчив этот Гаевой, но о наших железнодорожных делах поговорить не прочь, и кажется мне, что технику транспортную знает он куда лучше, чем мог бы знать ее простой расценщик.

— Что, в серьезных технических проблемах разбирается? — спросил Булавин, все более удивляясь проницательности Сотникова.

— Да нет, о таком разговора между нами не было, — ответил Никандр Филимонович. — Но по всему чувствуется, что в транспортной технике Гаевой вполне сведущ. Вот я и подумал невольно: с чего бы человеку с такими знаниями и, видно, довольно толковому в простых расценщиках состоять? У нас толковым людям дорога широко открыта. Вы взвесьте-ка все это, товарищ майор; может быть, его проверить надо. Время ведь военное...

— Спасибо вам, Никандр Филимонович, — Булавин

протянул Сотникову руку и крепко пожал ее. — Может быть, и пригодится все рассказанное вами. Попрошу только никому не говорить о нашей беседе.

— Ну, это само собой, — ответил Никандр Филимонович и, козырнув Булавину, зашагал к дежурному по станции.

Три с половиной тысячи тонн

Когда машинист Сергей Доронин вошел в столовую депо станции Низовье, с ним приветливо раскланялись почти все обедавшие там машинисты, хотя со многими из них он даже не был знаком. Сергей только что прибыл из Воеводина с порожняком и теперь должен был забрать в сторону фронта воинский эшелон. До обратного рейса оставалось еще минут тридцать, и Доронин со своим помощником Алексеем Брежневым решили наскоро пообедать.

Быстрым взглядом окинув помещение столовой, Сергей заметил в самом углу у окна пожилого машиниста из Воеводина, Петра Петровича Рощина.

— Позвольте к вам пристроиться, Петр Петрович? — весело спросил он, подходя к столику Рощина, за которым были свободные места.

— А, Сергей Иванович, мое почтение! — отозвался Рощин, протягивая руку Доронину. — Присаживайся, пожалуйста. У меня, кстати, разговор к тебе есть. — Торопливо проглотив несколько ложек супа, он добавил: — За лекции твои поблагодарить хочу. Для меня лично много поучительного в них оказалось.

Сергею приятно было услышать похвалу от придирчивого, скуповатого на слова Петра Петровича, за плечами которого был долголетний опыт машиниста.

— Могу похвалиться даже, — продолжал Петр Петрович, наклоня тарелку, чтобы доесть остатки супа: —

повысил и я, по твоему примеру, интенсивность парообразования на своем паровозе. Целых пять килограммов пара на квадратный метр испаряющейся поверхности прибавил.

— Приятно слышать это, Петр Петрович! — одобрительно заметил Сергей, не в силах сдержать довольную улыбку.

— Больше того тебе скажу, — продолжал Петр Петрович, отодвигая тарелку и наклоняясь слегка над столом в сторону Сергея: — тяжеловесный хочу взять сегодня. — Он посмотрел по сторонам и добавил, понизив голос почти до шопота: — Тонн этак тысячи на три.

Затем, удовлетворившись впечатлением, какое произвели эти слова на Доронина и Брежнева, заметил:

— Не знаю, как другие, а я не стыжусь поблагодарить вас, молодежь, за учебу. Не мешало бы, однако, и вам кое-чему у нас поучиться. Знаешь ли ты, к примеру, что крупный специалист по теплотехнике, инженер Камышин, специально приезжал ко мне советоваться относительно угольных смесей?

— Так ведь мы, Петр Петрович, ни перед кем двери в наш лекторий не закрываем, — удивленно заметил Сергей Доронин. — Сами же знаете... Всякий может у нас своим опытом поделиться. Меня, например, никто специально не просил лекции читать. Я сам почувствовал, что надо.

— Но ты ведь инициатор этого дела, — улыбнулся Петр Петрович. — А мы, старики, люди, как говорится, старой формации, нас не грех было бы и попросить иной раз.

— Виноваты, Петр Петрович, — смутился Доронин. — Не учили как-то...

— Вот то-то, а надо было бы учесть, — добродушно рассмеялся Рошин. — Ну, да я не к тому этот разговор

завел, чтобы вы меня упрашивали. Я не себя имел в виду. Прошу, однако, запланировать на декабрь месяц лекцию мою по теплотехнике...

Когда, пообедав, Доронин с Брежневым пробирались между столиками к выходу, торопясь на паровоз, Алексей легонько толкнул Сергея в бок локтем, заметив:

— Видал, что творится? А мы-то Петра Петровича заядлым консерватором считали! Сказать по совести, я думал, что он на лекторий ходит затем только, чтобы вопросы каверзные задавать.

— Чему тут удивляться? У старика два сына на войне, разве он не понимает, что значит для фронта наша стахановская работа?

— Работа-то работой, а я ведь об учебе говорю, — пояснил Брежнев.

— Выходит, значит, что Петр Петрович понял, как важна учеба для стахановской работы, — усмехнулся Сергей, укоризненно глянув на своего помощника, — а ты все еще, видно, не очень понимаешь это.

— Уж очень ты придиричив стал в последнее время! — проворчал Алексей.

Когда, миновав многочисленные запасные пути и перебравшись через несколько составов, Доронин с Брежневым увидели свой локомотив, им навстречу прыгнул из паровозной будки кочегар Телегин.

— Случилось что-нибудь, Никифор? — озабоченно спросил Доронин, дивясь возбужденному виду флегматичного Телегина.

— Угля нам на складе паршивого дали, Сергей Иванович, — с досадой ответил Телегин, сплевывая черную от угольной пыли слюну. — Такой только подкинь в топку — в момент всю колосниковую решетку зашлакует.

— Что они, подвести нас хотят, что ли? — проворчал

Брежнев, взбираясь вслед за Дорониным на паровоз. — Мы же дежурному слово дали тяжеловесный состав взять. Как же на таком угле вывезем?

— Постой, Алексей, не шуми без толку! — недовольно заметил Сергей Доронин, заглядывая в тендер. — Не весь же мы уголь сожгли, которым в Воеводине заправились?

— Осталось немного, — ответил Телегин, разгребая лопатой бурую массу угля.

— Не хватит его даже мало-мальски сносную смесь приготовить, — хмуро добавил Брежнев.

— Эй, есть тут кто? — раздался в это время голос дежурного по станции Низовье.

Сергей спустился из тендера в будку и выглянул в окно. К его удивлению, дежурный был не один. С ним рядом стоял Петр Петрович Рошин.

— Пришел попрощаться с вами и пожелать счастливого пути, — с какой-то торжественностью сказал Петр Петрович. — Две тысячи девятьсот тонн беру. Через пять минут тронусь в путь.

— Товарища Рошина мы сейчас отправляем, — подтвердил дежурный, — а вас — за ним следом. Пришел только вес поезда согласовать. Как вы насчет трех с половиной?

— Три тысячи с половиной на таком угле? — дрогнувшим голосом спросил Брежнев.

Сергей отстранил Алексея от окна:

— Хорошо, мы возьмем три тысячи с половиной, — и, повернувшись к Рошину, добавил: — Только и вы учтите это, Петр Петрович...

— Понятное дело, — кивнул головой Рошин. — Не задержу вас, можете не беспокоиться. А насчет угля вот что посоветую: смешайте его с нашим, воеводинским, в пропорции один к трем да следите, чтобы он ровным слоем на колосниковую решетку ложился, и все будет в са-

мый раз. А что касается химической стороны дела, то я вам в лектории на формулах все это объясню... Ты что ж это, Сергей, заходить к нам редко стал? — неожиданно спросил он.

— Занят все... — смутившись и даже покраснев слегка, ответил Доронин.

Петр Петрович сделал вид, что не заметил его смущения:

— Освободишься — заходи. Мы тебе всегда рады. Ну, а пока — счастливо!

И он торопливо зашагал к своему паровозу, уже стоявшему в голове состава.

— Договорились, значит, насчет веса поезда? — спросил дежурный, тоже собираясь уходить.

— Прежде еще один вопрос, — остановил его Доронин: — кто дежурный диспетчер сегодня?

— Анна Рощина.

— Рощина? — переспросил Сергей. — Согласовать с ней нужно бы...

— Согласовано уже, — поспешно перебил его дежурный. — «Зеленую улицу» обещает до самого Воеводина. Хороший диспетчер эта Рощина, хотя я ее и в глаза ни разу не видел.

— Увидели, так не то бы еще сказали, — улыбнулся Брежнев и слегка толкнул локтем Сергея.

Доронин сердито посмотрел на него и решительно заявил:

— Ну, раз с диспетчером все улажено, один последний вопрос: когда паровоз можно подавать?

— Минут через пятнадцать, — ответил дежурный, посмотрев на часы, и, по-военному откозыряв Доронину, ушел.

— Ну, хлопцы, — обратился Сергей к своей бригаде, — срочно поднимайте пары до предела. Времени у нас в обрез.

Квартирант тети Маши

Рано утром, когда Варгин еще спал, кто-то негромко, но решительно постучался в дверь его комнаты. Нащупав ногами ночные туфли под кроватью и набросив на плечи шинель, капитан подошел к двери.

— Кто там? — спросил он хриловатым со сна голосом.

— Простите, Виктор Ильич, что беспокою вас в такую рань, — услышал он знакомый голос. — Вас ведь вечером никогда не застанешь, вот и решил утром пораньше зайти.

Варгин открыл дверь и увидел на пороге Семена Алехина.

— Здравствуйте, Виктор Ильич, — улыбаясь, сказал Алевин, протягивая руку. — Дело у меня важное, а на службу к вам я не решился зайти.

Капитан усадил Алехина на диван и, попросив подождать несколько минут, ушел одеваться. Семен внимательно осмотрел обстановку комнаты и решил, что капитан мало в ней бывает, может быть даже не всегда приходит сюда ночевать.

«Вот уж кто буквально день и ночь на работе! И работа какая...» — с уважением подумал Семен, прислушиваясь, как в соседней комнате капитан надевает сапоги.

Варгин оделся очень быстро и вышел к Семену Алехину веселый, подтянутый, как всегда, с папиросой в зубах.

— Закуривайте, Сеня. — Он протянул коробку папирос юноше, но тут же спохватился: — Ах да, вы же не курите, совсем забыл. Ну, выкладывайте, что за дело у вас.

Варгин уселся напротив Алехина, закинув ногу на ногу и внимательно глядя в глаза Семену.

— Я по поводу Гаевого, — негромко, будто опасаясь, что кто-нибудь может услышать, произнес Алехин.

— А, это любопытно! — оживился Варгин, придвигаясь поближе к гостю.

— Мне, кажется, удалось обнаружить одно весьма подозрительное его действие, — слегка волнуясь и тщательно подбирая выражения, продолжал Алехин. — Оно, конечно, не позволяет еще инкриминировать...

— Давайте, Сеня, без этого... без инкриминирования, — улыбнулся Варгин. — Так ведь только в плохих детективных романах разговаривают, а в жизни объясняются куда проще.

— Да, верно, — согласился Алехин. — Мне и самому нелегко такие слова выговаривать.

— Еще бы! — рассмеялся Варгин. — Ну, так что же такое подметили вы за этим Гаевым?

— На службе у него все попрежнему. Только перестал меня в депо посылать для уточнения паровозных номеров: сам теперь проверяет номера у Остапчука. Но не в этом дело. По другой линии стал я его прощупывать. Он ведь живет на квартире у тетки моей, Марии Марковны. К ней-то я и направился на разведку, так как понял из разговора с вами, что Гаевой может оказаться опасным врагом.

«Любопытно, как это он решил, что я подозреваю в Гаевом опасного врага? — подумал Варгин. — Сообразительный, видно, парнишка...»

— К тете я явился, конечно, под предлогом беспокойства о ее здоровье, а сам осторожно завел разговор о Гаевом. Очень одобрительно о нем отозвалась тетя Маша. Любезный, говорит, человек. Всякие мелкие услуги ей оказывает и, между прочим, письма за нее пишет сестре ее, Глафире Марковне Добряковой, то-есть другой моей тете, проживающей в нашем областном центре. Тетя Маша рада, конечно, что такой добровольный писец на-

шелся, так как она уже старуха и плохо стала видеть, а переписываться большая любительница.

— Так-так, — настороженно проговорил Варгин. — Значит, он письма за вашу тетю пишет? А вы не интересовались, диктует она ему или он сам их сочиняет?

— Интересовался, — ответил Алехин. — Тетя говорит, что она диктует только основные мысли, а Аркадий Илларионович, будучи своим человеком у нее в доме, вносит детали в письма уже по своему усмотрению и это будто бы получается у него куда ловчее, чем у самой тети Маши. Не кажется вам подозрительным все это, Виктор Ильич, учитывая, что такой эгоист, как Гаевой, никому не станет зря одолжения делать?

Варгин задумался и, не отвечая на вопрос Алехина, спросил:

— А сам-то он переписывается с кем-нибудь?

— Тетя уверяет, что ни с кем не переписывается, так как вся его семья погибла. Тетя — старушка очень чувствительная, и ей кажется, что «бедный Аркадий Илларионович», как она говорит, рад хоть на чужих письмах душу отвести.

— Ну, а кто ваша тетя Глаша, которой письма адресуются? — снова спросил Варгин.

— Тоже старушка, вроде тети Маши, даже постарше немного. Это-то меня и смущает очень, хотя, правда, в доме ее полно всяких внушек, племянниц и иных родичей. Я даже не знаю всех толком. Вот и все, что я хотел сообщить вам, Виктор Ильич. Нет у меня сомнений, что неспроста Гаевой тетиной корреспонденцией ведает.

— А вы не узнали случайно, когда последнее письмо было послано? — спросил Варгин.

— По словам тети Маши, — ответил Семен, — вчера весь вечер они какое-то очень чувствительное послание

сочиняли и Аркадий Илларионович сам обещал бросить его сегодня утром в почтовый ящик.

Узнав у Алехина адрес тети Глаши и поблагодарив его, Варгин поспешил на квартиру к майору Булавину.

Евгений Андреевич уже встал, когда к нему поступался капитан. Он писал письмо к жене на Северо-Кавказский фронт.

— Что так рано, Виктор Ильич? — удивился он, впуская Варгина в комнату.

— Получены важные сведения о Гаевом. Пришел вам доложить, товарищ майор, — ответил Варгин, торопливо снимая шинель и вешая ее на крючок в нише возле дверей.

Булавин заложил недописанное письмо в книгу и спрятал в письменный стол.

— Присаживайтесь, Виктор Ильич, — сказал он, подавая капитану стул.

Варгин присел к столу и, облокотясь о край его, возбужденно стал рассказывать Булавину все, что услышал от Алехина.

— Нет сомнений, товарищ майор, — решительно заключил он, — что Гаевой ухитрится каким-то образом использовать переписку теток Алехина для своих шпионских донесений фашистскому резиденту, видимо обосновавшемуся где-то у нас в области.

Булавин задумался.

— Что же вы предлагаете? — спросил он наконец, еле удерживаясь от желания попросить у Варгина папиросу. (Булавин давно уже делал попытки бросить курить, но, погружившись в служебные заботы и размышления, большей частью забывал об этом.)

— Я предлагаю, — не задумываясь, ответил Варгин, — ознакомиться с письмом Марии Марковны. Это поможет нам во многом разобраться.

«Да, пожалуй, это на многое откроет нам глаза, — подумал и Булавин, постукивая кончиками пальцев по столу. — Гаевой, видимо, чертовски осторожен и не решается заводить собственную легальную переписку».

Евгений Андреевич встал из-за стола и медленно подошел к окну, продолжая размышлять о гитлеровских шпионах, педантично продумывающих тончайшие детали своей работы, но всякий раз упускающих что-нибудь главное. Они исходят всегда только из опыта своей многолетней шпионской работы в условиях буржуазных государств и не понимают принципиально новых условий социалистического государства. Это и губит их, в конце концов.

Евгений Андреевич задумчиво посмотрел в окно. По улице шли в школу малыши с портфелями, со связками книжек, и так же остро, как вчера у карты с линией фронта, он почувствовал вдруг, что и жизнь этих малышей, и труд их родителей, и вся станция с крупным железнодорожным поселком — все теперь будет зависеть от решительности его действий. Не раздумывая более, Булавин подошел к телефону и набрал номер местного почтового отделения.

— Приветствую вас, Михаил Васильевич, — поздоровался Евгений Андреевич с начальником почтового отделения Кашириным. — Булавин говорит. Скажите, не ушла еще от вас иногородняя почта?.. Завтра утром уходит?.. Тогда у меня просьба: проверьте, пожалуйста, нет ли среди полученной вами корреспонденции письма на имя Глафиры Марковны Добряковой. Когда смогу получить ответ?.. Через пятнадцать минут? Хорошо. Позвоните мне на квартиру.

Спустя несколько минут раздался звонок. Булавин нетерпеливо снял трубку.

— Слушаю вас, — произнес он громко. — А, Михаил

Васильевич! Ну, какие успехи? Есть письмо на имя Глафиры Добряковой? Очень хорошо. Срочно пришлите его ко мне.

Диспетчер Анна Рощина

У диспетчера станции Воеводино Анны Рощиной был сегодня тяжелый день. Почти ни один поезд не удавалось ей провести по графику. То налеты фашистских бомбардировщиков задерживали поезда в пути, то неисправность вагонов, требующая отцепки, мешала отправить их со станции во-время, то с паровозами происходила какая-нибудь задержка. А тут еще на линии был паровоз Сергея Доронина, который вел тяжеловесный поезд, и ему нужно было обеспечить «зеленую улицу» — сплошной свободный путь.

Анна всегда радовалась успехам Доронина, лучшего машиниста дороги. Но ее не покидало чувство тревоги всякий раз, когда она должна была обеспечить ему «зеленую улицу». Ведь это не так-то просто — беспрепятственно пропустить один поезд вне всяких графиков!

Анна хорошо знала, что станция Низовье, на которой находилось оборотное депо, постоянно была забита составами. Рядовой машинист мог взять с этой станции лишь до двух тысяч тонн груза, а Сергей брал по три тысячи с лишним и этим разгружал станцию, всегда находившуюся под угрозой налета вражеской авиации. А раз уж он брал тяжеловесный поезд, ему нужен был беспрепятственный, свободный путь. Паровоз Доронина не мог останавливаться на промежуточных пунктах, на которых не всегда даже помещался его состав длиной более километра.

Все, что делала Анна для Сергея, делалось для пользы большого общего дела, и все-таки все чаще приходи-

ла к ней мысль, что на транспорте, где все находится в такой сложной взаимозависимости, рекорды одиночек вступают в какое-то противоречие с ритмом работы многих участков железной дороги.

Нужно было разобраться в этих противоречиях, найти какой-то выход, но Анна ничего пока не могла придумать.

Сегодня Анну беспокоил не один только Сергей Доронин. Сегодня отец ее, Петр Петрович Рошин, впервые вел тяжеловесный поезд. Это одновременно и радовало и тревожило ее. Она, правда, высоко ставила мастерство своего отца, старого, опытного машиниста, но все-таки он вел поезд с таким весом впервые, и мало ли что могло приключиться в пути...

А тут еще Сергей шел за ним следом, и если почему-либо застрянет вдруг отец, застрянет и Сергей. Как же тут было не волноваться? Но сейчас, кажется, самое страшное уже миновало: и отец и Сергей благополучно проследовали через станцию Грибово, перед которой был самый тяжелый на участке Анны подъем пути. Теперь нужно было только обеспечить им свободный проход до станции Воеводино.

В диспетчерской комнате, в которой работала Анна, был идеальный порядок. Тут находились лишь крайне необходимые для связи и контроля приборы и предметы. Ничто не должно было отвлекать внимания диспетчера от его главной обязанности — командовать движением поездов.

На столе перед Анной лежал диспетчерский график, покрытый тонкой сеткой вертикальных и горизонтальных линий, по которым она с помощью диспетчерского лекала цветными карандашами наносила пройденный путь поездов своего участка. Прямо перед ней на длинной складной подставке висел микрофон, слева — продолговатый черный ящик с названиями станций и маленьки-

ми ручками-ключами селекторного аппарата для вызова станций. В складках материи, драпирующей стены диспетчерской, потрескивал репродуктор. На стене висели большие электрические часы, пониже — расписание движения поездов.

Повернув селекторный ключ, Анна вызвала Песочную.

— Как двенадцать сорок два? — спросила она в микрофон.

— Прибыл по расписанию, — отозвался из репродуктора голос дежурного по станции Песочная.

— У него набор воды в Городище, а за ним следом Доронин идет с тремя с половиной тысячами. Не задержит он Доронина? — спросила Анна.

— Роцин — хороший машинист, не задержит, товарищ диспетчер.

«Что же делать? — напряженно думала Анна. — Отец в самом деле хороший машинист. Зачем же ломать его график и задерживать на промежуточной станции больше положенного времени? У него ведь тоже около трех тысяч тонн, и он не мешает пока Сергею, идущему следом. Да, но он впервые ведет такой тяжелый состав... Что будет, если он все-таки не выдержит скорости и Сергей с тремя с половиной тысячами нагонит его в пути?»

Анна нажала ногой педаль под столом и снова включила в сеть свой микрофон.

— Вызовите Роцина, — приказала она дежурному по станции Песочная, на которой у Петра Петровича была стоянка.

— Понял вас, — ответил дежурный.

Спустя несколько минут из репродуктора послышался голос:

— Машинист Роцин у селектора.

Анне хотелось бы сказать ему просто: «Папа, постарайся не подвести Сергея», и еще что-нибудь теплое,

ободряющее. Но вместо этого пришлось спросить официально:

— Вы знаете, Петр Петрович, что следом за вами идет Доронин с тяжеловесным?

— Знаю, товарищ диспетчер. Не подведу Доронина.

— Но у вас набор воды в Городище.

— Воды хватит. Обойдусь без набора.

«Молодец папа!» — радостно подумала Анна и сказала в микрофон:

— Пропущу вас через Городище с хода. Помните только, Петр Петрович, что следом за вами идет Доронин с тремя с половиной тысячами.

Анна снова щелкнула селекторным ключом:

— Городище!

— Городище слушает.

— Тринадцать тридцать четыре ставьте на обгон. Двенадцать сорок два пропустите с хода.

— Понял вас.

— Доложите, когда проследует.

— Понятно.

Медленно текли минуты. Поезд Рощина по графику только в пятнадцать часов сорок минут должен был проследовать через Городище. За окном гремели зенитки, сотрясая стены здания, но Анна, казалось, не слышала ничего. Ее беспокоили отец, впервые взявший тяжеловесный состав, да Сергей Доронин с его тремя с половиной тысячами тонн важного для фронта груза. Сам командарм уже не раз справлялся о нем у начальника станции, и Анна знала об этом. А Сергей мог прийти во-время только в том случае, если отец не задержит его. И Анна теперь напряженно следила за временем, когда поезд отца должен был проследовать через Городище.

Трижды тяжело грохнуло что-то неподалеку от станции. С потолка на голову Анны посыпалась известка.

«Бомбят, наверное», — подумала Анна.

Но в это время раздался голос из репродуктора, она уже ничего не слышала, кроме него.

— Диспетчер!

— Я диспетчер.

— У селектора Городище. Двенадцать сорок два прошел тридцать пять.

«Наконец-то!» — облегченно вздохнула Анна, взглянув на часы. Стрелки их были на пятнадцати часах тридцати пяти минутах, но дежурный по станции Городище доложил Анне только минуты, так как в диспетчерской службе для лаконичности не принято было называть часы.

Выходило, что отец прошел Городище на пять минут раньше времени, предусмотренного графиком, и это обрадовало Анну.

«Молодцом оказался папа! — пронеслась торопливая мысль в голове Анны. — Он, конечно, всегда был хорошим машинистом, но зато уж слишком осторожным. А теперь помолодел словно. Непременно нужно написать Алеше и Лене на фронт о нашем чудесном старике!»

И тут мысли ее снова перешли к Сергею, и она подумала невольно, что это он, наверно, вдохновил отца на трудовой подвиг.

«А ведь это вообще идея, — обрадовалась Рощина, — пускать более слабого машиниста впереди сильного. Папа ведь только хороший машинист, а Сергей отличный, и он, папа, конечно, понимает это. Вот он и выжал все из своего паровоза, чтобы не подвести Сергея. Тут и чувство собственного достоинства заговорило, конечно. Да, это определенно удачная идея!»

Весь день у Анны было хорошее настроение. Она увереннее командовала своим диспетчерским участком, смелее принимала оперативные решения и к концу смены многие опаздывавшие поезда ввела в график.

Разгадка крапленого письма

Капитан Варгин был специалист по расшифровке секретных донесений. Ему и поручил майор Булавин заняться письмом Марии Марковны, написанным рукою Гаевого. Капитан тотчас же тщательно исследовал его, но ему долго не удавалось обнаружить никаких следов шифровки. Лишь после того, как письмо было сфотографировано, снимок его оказался покрытым множеством мелких крапинок, беспорядочно разбросанных по всему полю фотографии. Решив, что крапинки получились на снимке случайно, вследствие недоброкачественной фотопленки или фотобумаги, Варгин повторил опыт, но результат оказался тот же.

«Выходит, что крапинки тут не случайные», — решил Варгин и принялся размышлять, что бы они могли означать.

Было несомненно, что Гаевой нанес их на текст каким-то составом, воспринимаемым только фотопленкой, и они скрывали, видимо, второй, тайный смысл письма.

Сначала Варгин пытался обнаружить в расположении подозрительных крапинок какую-нибудь систему, но после нескольких часов напряженной работы вынужден был отказаться от подобной попытки. Расположение крапинок на письме попрежнему казалось капитану совершенно хаотическим, хотя не было сомнений в том, что именно в них заключался ключ к шифру письма.

Был уже поздний вечер, когда майор вызвал Варгина к себе.

— Ну как, Виктор Ильич, поддается разгадке шифrogramма Гаевого?

— Не поддается, товарищ майор, — ответил Варгин, нервно теребя в руках фотографии и листки исчерчен-

ной непонятными знаками бумаги. — Никак не могу нащупать систему в этом сумбуре загадочных крапинок.

Варгин был умный, серьезный офицер и прекрасно разбирался во всех тонкостях искусства дешифровки, но бывали моменты, когда ему, переутомленному напряженной работой, начинало вдруг казаться, что он зашел в тупик, и тогда инициатива покидала его, и он прекращал поиски.

Майор знал этот недостаток Варгина и всегда старался чем-нибудь ободрить его.

— Дайте-ка мне посмотреть эти таинственные крапинки, — попросил майор, протягивая руку за снимками письма. — Быть не может, чтобы тут так уж все было неприступно.

— Я перепробовал все, — пожал плечами капитан. — Сначала пытался читать буквы письма, на которых были крапинки, справа налево, потом слева направо, затем через букву и через строчку и вообще самыми невероятными способами, однако у меня все еще нет ни малейшей зацепки, ни малейшей ниточки, по которой удалось бы распутать весь клубок.

Капитан замолчал, ожидая, что скажет Булавин.

Не отвечая Варгину, майор все еще разглядывал снимки. Он знал, как любит капитан хитроумные головоломки, как мог он сутками, без сна и отдыха, сидеть над группами цифр или замысловатыми рисунками орнамента, в графических линиях которого были запрятаны схемы дорог и станций, зарисованных шпионами. Ему можно было поверить, что он перепробовал все возможные комбинации читки крапленых букв на снимке письма. Видимо, в самом деле шифрограмма была замысловатой.

— Я бы отпустил вас спать, капитан, — медленно, будто все еще раздумывая о чем-то, произнес Булавин, —

однако к утру мы должны возвратить на почту это письмо.

— Но ведь у нас останутся фотографии, — заметил Варгин.

— Фотоснимки останутся, — согласился майор, потирая усталые глаза, — а письмо нужно возвратить на почту и отправить по адресу без задержки, и для этого необходимо знать его тайный текст.

Майор достал из стола сильную лупу и, внимательно просмотрев через нее снимки, произнес:

— Нам нужно, товарищ Варгин, чтобы ни Гаевой, ни его адресат не подозревали о том, что мы напали на их след. Малейшая задержка письма может их насторожить. А что касается замысловатости шифра, — продолжал Булавин, перетасовав, будто карты, фотографии письма и веером разложив их перед Варгиным, — то, мне думается, не хитроумнее он всех прочих разгаданных нами.

Капитан, задумавшись, низко склонил голову над снимками. Не поднимая глаз на майора, спросил:

— Профессиональное чутье вам это подсказывает или есть более убедительные доводы?

Булавин, ничего не ответив, встал и не спеша прошелся по комнате, с удовольствием разминая затекшие от долгого сидения ноги.

Варгин терпеливо ждал объяснений, рассеянно перебирая фотографии и изредка поглядывая на Булавина.

Прошло уже несколько минут, а Булавин все еще ходил вдоль письменного стола, сосредоточенно размышляя.

Щуря глаза, будто всматриваясь во что-то, он изредка решительно проводил ладонью ото лба к затылку, приглаживая тонкие русые волосы. Остановившись перед Варгиным, снова взял из рук капитана фотоснимки пись-

ма. Долго, внимательно рассматривал их и наконец заявил убежденно:

— Ведь это только кажется, капитан, что крапинки беспорядочно разбросаны по фотографии. Присмотритесь-ка повнимательнее, и вы увидите, что в строчках письма нет ни одного пятнышка между буквами. Они только между строками и словами расположены беспорядочно, а в словах точно пронизывают центры отдельных букв.

— Да, это действительно так, — согласился капитан, — это я и сам заметил.

— Случайность это или тут есть какая-то система? — спросил майор, садясь на свое место.

— Похоже, что в этом есть система, — подумав, не очень уверенно ответил Варгин.

— Так-с, — удовлетворенно произнес майор, — выходит, значит, что какая-то система нами уже обнаружена, а это ведь не пустяк. В решении шифрограммы это, по моему, самое главное. Не так ли?

Капитан еле заметно пожал плечами.

— Думается мне, — помолчав немного, продолжал майор, — я смогу подсказать вам и еще одну мысль.

Взяв со стола письмо Гаевого, он добавил:

— Попробуйте-ка читать крапленые буквы не на всей развернутой странице, а по площадям, образованным складками письма. Да учтите к тому же, что тайный текст может быть написан и по-немецки, хотя и русскими буквами.

— Это единственный способ, который я еще не испробовал, — признался Варгин и торопливо стал собирать со стола фотографии и бумаги, на которых делал свои заметки.

...Майор Булавин дремал в кресле за своим письменным столом, когда на рассвете Варгин осторожно дотронулся до его плеча.

Открыв глаза и увидев улыбающееся лицо капитана, Булавин быстро поднялся и спросил оживленно:

— Разгадали?

— Разгадал, товарищ майор!

Варгин все еще не мог справиться со счастливой улыбкой, выдававшей его чувства. Он расшифровал за время своей службы в контрразведке не одну головоломку, но всякий раз при этом торжествовал, как школьник.

— Ну, читайте же, — нетерпеливо произнес майор Булавин, торопливо закуривая папиросу, предложенную Варгиным, и совсем забыв, что дал себе слово не курить.

— «В депо появился новый локомотив ФД 327-13».

— Чутье, значит, не обмануло нас, — задумчиво произнес Булавин, затягиваясь папиросой.

— Прикажете арестовать Гаевого? — спросил Варгин, невольно подтягиваясь, будто собираясь к немедленным решительным действиям.

— Нет, зачем же! Это мы всегда успеем сделать, — спокойно заметил Булавин и кивнул Варгину на стул, приглашая сесть. — Арестом Гаевого мы лишь спугнем его сообщников, а нам нужно постараться с его помощью раскрыть всю эту компанию. Пусть побудет пока на свободе. Следует только взять мерзавца под наблюдение, а всю его корреспонденцию строжайше контролировать. Нам непременно нужно выяснить, каким образом ухитряется он получать задания от своего начальства.

— А как же с письмом? Задержать его или отправить?

— Отправьте. Видно, Гаевой уже раньше успел сообщить своим хозяевам численность нашего паровозного парка. Положение мало чем изменится, если они узнают и об этом новом паровозе.

Решение Военного совета

Длинный стол Военного совета фронта был завален оперативными картами. Пятнистые поля их были расчерчены ломаными линиями переднего края фронта, дугами и овалами расположения войск, стрелками намечаемых ударов.

Начальник штаба фронта, высокий, худощавый генерал с коротко стриженной седой головой, положил на стол указку, которой только что водил по карте, разостланной на столе.

— Ну-с, значит все ясно? — спросил он и испытующе обвел глазами присутствующих. — Товарищ Быстров, — обратился он к начальнику военных сообщений фронта, — что вам нужно для обеспечения военных перевозок в связи с подготовкой к наступлению на левом фланге фронта?

Быстров поспешно встал, оправляя китель. В блокноте у него были сделаны все необходимые расчеты. Он быстро перелистал несколько страниц и ответил:

— Паровозный парк ближайшего к фронту основного паровозного депо необходимо значительно увеличить. В противном случае депо не справится с перевозкой срочных грузов, поток которых сильно возрастет. Нужно также подбросить кое-что из разгрузочных механизмов на прифронтовые станции. Разрешите мне, товарищ генерал, позже доложить вам свои соображения подробнее!

Начальник фронтовой контрразведки, сидевший рядом с полковником Муратовым, шепнул ему на ухо:

— Сегодня же свяжитесь с майором Булавиным. Поставьте его в известность, что снабжение наших армий, готовящихся к наступлению, будет идти через станцию Воеводино.

В тот же день состоялся разговор полковника Муратова с майором Булавиным. Разговор шел по телетайпу,

буквопечатающему телеграфному аппарату, условным кодом.

«На днях начнется переброска военных грузов через вашу станцию в направлении главного удара предстоящей наступательной операции, — медленно читал майор Булавин на узкой ленте телетайпа. — В связи с этим значительно увеличат ваш паровозный парк».

«Получили ли вы мое донесение о Гаевом?» — запросил Булавин полковника Муратова, как только прекратилось судорожное движение ленты у него меж пальцев и умолк дробный стук клавиатуры аппарата.

«Да, получил, — ответил полковник Муратов. — Вы полагаете, значит, что его можно оставить пока на свободе без особого риска?»

«Пока Гаевой на свободе, нам легче будет проследить систему связи, а следовательно, и местонахождение основного гитлеровского резидента у нас в тылу. Арест же Гаевого только насторожит вражескую агентуру».

«Но ведь, оставаясь на свободе, Гаевой донесет тотчас же об увеличении паровозного парка Воеводина, и гитлеровцам все станет ясно», — высказал свое опасение полковник Муратов.

«Донесение его пойдет через нас, и мы посмотрим, как обезвредить его. Мы ведь контролируем теперь каждый шаг Гаевого и всю его переписку. В случае нужды мы можем взять его в любую минуту».

Несколько секунд клавиатура телетайпа была неподвижна. Видимо, полковник Муратов обдумывал предложение майора. Затем пусковым сигналом передающий аппарат снова привел в действие механизм принимающего телетайпа. Глухо защелкали клавиши, лента пришла в движение, и майор Булавин, с нетерпением ожидавший ответа, прочел наконец:

«Хорошо. Оставьте Гаевого на свободе до особого распоряжения. Я доложу начальству о вашем предложении».

Доклад капитана Варгина

Вернувшись к себе, майор Булавин приказал вызвать капитана Варгина. В ожидании его прихода он нервно ходил по кабинету, обдумывая события последних дней. Обстановка становилась все сложнее. Теперь, когда было принято решение снабжать готовящиеся к наступлению армии через Воеводино, Гаевой мог, конечно, причинить много неприятностей. Имея доступ к документам конторы паровозного депо, он легко узнает об увеличении паровозного парка, даже не выходя из помещения конторы, и, конечно, сообразит, с чем это связано. И все-таки это пока не очень пугало Булавина, так как он не считал особенно страшным того врага, которого видел перед собой.

«А может быть, на нашей станции есть еще и другой агент?..» — пронеслась вдруг тревожная мысль, но Булавин тотчас же отверг ее. Гитлеровцам вовсе не нужен был второй агент на станции Воеводино. Лишний человек мог только испортить им все дело. С скромные сведения о паровозном парке, которыми располагает расценщик Гаевой, должны вполне устраивать врагов. Численность парка дает им полную возможность безошибочно судить о замыслах на этом участке фронта. Как только будет увеличен паровозный парк, у них не возникнет никаких сомнений, что наступление начнется на том фланге армии, к которому ведет железная дорога от станции Воеводино. Останется парк неизменным — значит, наступление будет готовиться где-то на другом участке фронта.

Когда явился капитан Варгин, майор Булавин все еще озабоченно ходил по кабинету, не приняв никакого решения.

— Ну-с, докладывайте, что еще вам удалось раз-
узнать о Гаевом, — обратился он к капитану, приглашая его сесть.

По выражению лица Варгина майор почувствовал, что капитан доволен результатом последней разведки. Подтянутость Варгина и его безукоризненная выправка теперь не бросались в глаза так, как обычно. Он держался проще, непринужденней. Нарочито неторопливо уселся в кресло, достал папиросы и закурил.

— Ну, ладно уж, не тяните, — добродушно усмехаясь, поторопил его Булавин.

— Могу доложить вам, товарищ майор, — не без удовольствия произнес Варгин, откладывая в пепельницу только что закуренную папиросу, — нам удалось основательно прощупать этого гуся. Повышенный интерес его к номерам паровозов и особенно ко всякому новому паровозу установлен теперь абсолютно точно. Следует отметить также, что Гаевой собирает все эти сведения совершенно легально, то-есть в порядке исполнения своих служебных обязанностей. Собственно, мы предполагали это в самом начале, но теперь вся система шпионской работы Гаевого совершенно ясна: на столе его лежат замусоленные бумажки — выполненные слесарями депо наряды, по которым он с помощью справочника норм труда рассчитывает стоимость ремонта различных паровозных деталей...

— Но позвольте, — перебил капитана Булавин, — а если паровоз не заходит в депо на ремонт, значит Гаевой тогда не имеет сведений о таком паровозе?

— Ну, если паровоз и не заходит в депо, то ему кое-какой мелкий ремонт производят на путях, а на это тоже выписывается наряд. Таким образом, Гаевой располагает исчерпывающими сведениями обо всем паровозном парке нашего депо.

Размышляя над сообщением Варгина, майор Булавин задумчиво постучал пальцами по настольному стеклу, переставил пепельницу с дымящейся папиросой поближе к капитану и спросил:

— Вот еще что меня беспокоит, Виктор Ильич: как вы думаете, только на нашу станцию шпион заброшен или есть и на соседних? Давайте прикинем, куда бы еще противник мог забросить своего агента. Держать двух шпионов вблизи друг от друга немцы не станут. Наша станция — самая крупная на всем участке от Низовья до фронта, и с точки зрения маскировки позиции шпиона она наиболее безопасная. Ведь на маленьких промежуточных станциях обслуживающий персонал невелик и каждый человек все время на виду. Втереться шпиону в такой коллектив, конечно, неизмеримо труднее.

— А не могли разве гитлеровцы заслать своего агента на узловую станцию? — спросил Варгин, беря дымящуюся папиросу.

— В Низовье?

— Так точно. Там ведь разветвление дороги, и одна линия ее идет к правому, другая к левому флангу фронта. Позиция для шпиона в Низовье, пожалуй, даже более выгодная, чем у нас.

— А по-моему, напротив, не очень-то выгодная, так как там нелегко ориентироваться, — заметил Булавин. — Расположение станции Низовье таково, что уследить за дальнейшим направлением поездов, прибывших из тыла, почти невозможно. Только начальник станции да ближайшие помощники его знают в точности, к левому или к правому флангу фронта пойдут оттуда поезда. Тот факт, что Гаевой заброшен на нашу станцию, как раз и свидетельствует, что Низовье непригодно для наблюдения за грузопотоком, идущим к фронту. — Помолчав, Булавин добавил убежденно: — Нет, уж если и имеется еще один шпион на нашей дороге, то только на станции Озерная. Она такая же примерно, как и наша по масштабу, но находится на разветвлении пути, ведущем к противоположному флангу фронта.

На следующий день вечером

Сергей Доронин и Анна Рощина встретились вечером возле железнодорожного клуба и направились вдоль тихой привокзальной улицы, в конце которой находился так хорошо знакомый Сергею домик Рощинных с молодыми кленами под окнами.

Погода была пасмурная, но первый легкий морозец хорошо подсушил землю. Под ногами шуршали опавшие листья деревьев, хрустели тонкие пленки льда на не просохших за день лужицах. Анна любила эти первые заморозки поздней осени и с удовольствием глубоко вдыхала холодный воздух, еще полный разнообразных запахов осенней прели.

Сергей был задумчив, и они некоторое время шли молча. Сначала это даже нравилось Анне. Приятно было идти рядом с любимым человеком и чувствовать его сильную руку у себя под локтем. Она прислушивалась к шороху листвы под ногами, с каким-то детским озорством давила хрупкие льдинки на лужицах и изо всех сил старалась согреть своей теплой рукой большую холодную руку Сергея. Однако понемногу его молчание начало тяготить Анну, и, не выдержав, она спросила:

— Что это ты такой неразговорчивый сегодня, Сережа?

Доронин ответил не сразу. Казалось, он даже не слышал ее вопроса.

«Крутой у Сережи характер, — невольно подумала девушка, — нелегко мне с ним будет...»

— Хочу поговорить с тобой, Аня, по очень серьезному делу, — наконец отозвался Сергей, замедляя шаг.

Опять молчание. Но Анна знала, что теперь Сергей выскажет все.

Странно как-то сложилась у них любовь, не так, как у других. Ни слова не было сказано об их чувстве, одна-

ко они уже давно любили друг друга. Анна рано потеряла мать. Ее воспитывал отец, суровая доброта которого не способствовала развитию в ней сентиментальности. Ее чувства были сильны и мужественны и не нуждались в словоизлияниях. Она не ждала нежных признаний и от Сергея. Но теперь, когда Сергей сказал, что ему нужно поговорить с ней о чем-то очень важном, она невольно решила, что, наверно, «об этом», и заволновалась.

«Как это получится у него?..» — думала Анна, но шум машины, вынырнувшей из-за угла, прервал ее мысли. Машина шла медленно, освещая себе дорогу тусклым светом подфарников и то и дело ныряя в выбоины дороги.

— Знаешь, — заговорил Сергей после довольно длительной паузы, — нехорошо как-то получается у нас с графиком.

«Опять, значит, не решился Сережа...» — разочарованно подумала Анна. Однако ее удивил этот неожиданный разговор о графике, и она насторожилась.

— Я иду у тебя, да и у других диспетчеров, большей частью вне графика, — медленно, будто рассуждая вслух, продолжал Сергей, — и, конечно, путаю вам все диспетчерские планы.

Он помолчал немного, ожидая, не скажет ли чего-нибудь Анна, но она не отзывалась на его слова, все еще не понимая, к чему он клонит разговор. Не дождавшись вопроса, Сергей продолжал:

— Но я не могу идти по вашему графику. В нем запланирована остановка в Городище, а там профиль пути таков, что не возьмешь с места ни одного тяжеловесного состава. Этот участок можно брать такими поездами только с ходу. Тут «зеленая улица», которую вы мне обеспечиваете, совершенно необходима. Но, с другой стороны, это вносит разлад в систему движения на нашем

участке дороги. «Зеленая улица» для меня ведь не предусмотрена графиком.

— Чего же ты хочешь, Сережа? — удивленно пожала плечами Анна.

— Я хорошо представляю себе, как вам трудно, — все так же спокойно продолжал Сергей, — и я хочу уточнить, в чем причина. Может быть, ты выскажешь свое мнение по этому поводу?

— Во-первых, это, конечно, результат неравномерности потока военных грузов, — ответила Анна, стараясь идти в ногу с Сергеем, который снова пошел быстрее.

— А во-вторых?

— Во-вторых, следствие разнобоя в работе машинистов. Ведь одни из вас водят поезда очень хорошо, на больших скоростях и без аварии в пути, другие посредственно, а третьи просто плохо. Надеюсь, ты не станешь возражать против этого? — с легкой усмешкой заметила Анна.

— Как же можно возражать против истины? — удивился Сергей. — Но не об этом сейчас речь. Пришло время и нам, паровозникам, и вам, движенцам, подумать над тем, как избавиться от этого разнобоя.

Привокзальная улица была совершенно темна. Из замаскированных окон не проникало на ее тротуары ни одного луча света, и от этого создавалось впечатление глубокой ночи, хотя на самом деле не было еще и девяти часов вечера. Сергей и Анна шли некоторое время молча, прислушиваясь к далекому, но все нарастающему шуму авиационного мотора. Когда самолет летел уже над их головами, Анна остановилась и, крепко сжав руку Сергея, спросила:

— Чей это, Сережа?

— Наш, по-моему, — ответил Сергей, всматриваясь в непроглядно черное небо, будто в нем можно было увидеть что-то. — У фашистского тон другой, ниже

гораздо и какой-то охающий. А ты что, испугалась разве?

— Нет, мне не страшно, но неприятно как-то... — ответила Анна. — Вот когда я на дежурстве — совсем другое дело. Там некогда думать об этом, даже если бомбят. Тогда только одна мысль: вывести скорее поезда со станции, спасти военные грузы, санитарные поезда. В такие минуты всегда чувствуешь себя, как в строю, из которого ни шагу нельзя ступить ни вправо, ни влево, а только вперед, только против врага. — Помолчав, она вздохнула и спросила: — Когда же все-таки война кончится, Сережа?

В эту минуту властный диспетчер, беспрекословно распоряжавшийся поездами на своем участке, показался Сергею маленькой девочкой, которой вдруг стало страшно, что так долго идет война. Ему захотелось сказать что-нибудь утешительное, но нужных слов как-то не находилось, и он сказал только:

— Война кончится, Аня, когда мы победим.

— Не мастер ты говорить, Сережа! — тихо засмеялась Анна и добавила: — А вот лекции твои большим успехом у машинистов пользуются. Даже отец похвалил тебя на днях, а ты ведь знаешь, что он не любит зря расточать комплименты.

— Хорошо, что ты о лектории вспомнила, — смущенно заметил Сергей, которому всегда как-то неловко было выслушивать похвалы по своему адресу. — Лекторий, по-моему, сыграл некоторую роль в последних успехах наших машинистов. Не пора ли из этого практические выводы сделать? Я полагаю, что пришло время пересмотреть ваш диспетчерский график.

— Мы уже подумываем об этом, — ответила Анна. — Зайдем, может быть, к нам, поговорим серьезнее? Да и с отцом посоветуемся. У старика ведь большой опыт за плечами.

Жизнь подсказывает майору решение

Майор Булавин был теперь занят одной мыслью: как скрыть от врага замысел советского командования. Не раз приходило на ум назойливое желание арестовать Гаевого, но майор всякий раз отвергал его. Арест Гаевого представлялся самым легким решением задачи, но это была линия наименьшего сопротивления, а Евгений Булавин по опыту знал, что она никогда не бывала надежной.

Ясным казалось пока только одно: нужно использовать во что бы то ни стало незнание вражеским агентом того, что все его действия находятся под контролем советской контрразведки.

Долго ходил сегодня Евгений Булавин по станции, наблюдая за отправкой поездов. Это не входило в его обязанности, но мысль работала четче, когда он прохаживался на свежем воздухе, наблюдая за слаженными действиями станционных рабочих. Особенно привлекали его осматрщики. Молотками на длинных рукоятках постукивали они по ободам вагонных колес и стальным листам рессор, чутко прислушиваясь к звучанию металла. Работа их требовала изошренного слуха, способного по оттенкам звуков дрожащей стали угадывать неисправность ходовых частей и рессорного подвешивания вагонов с его сложной системой пружин и балансиров.

Тут же, рядом, трудились и другие осматрщики, занимавшиеся автоматическими тормозами и тормозными передачами. Знал Булавин и их работу и работу пролазчиков, залезавших под вагоны для осмотра «подбрюшной» части, состоящей из балок, связей, болтов и гаек.

— Говорят, Максимыч, — услышал Булавин голос из-под вагонов, — бригада Семенова обязательство взяла: осматривать в смену три лишних состава.

— Не отстанем и мы от них, — отозвался рослый

старик, заливая смазку в буксу — чугунную коробку с подшипниками вагонной оси.

— Если так пойдет дело, — засмеялся кто-то под вагоном, — нам просто составов не хватит.

— Не беспокойся, Василий, за паровозниками дело не станет. Они, по почину Сергея Доронина, с каждым днем все больше тяжеловесных поездов приводят.

«Выходит, что Доронин не только у паровозников популярен», — подумал Евгений Булавин, прислушиваясь к разговору.

Постояв еще немного возле осматривших поезд к отправке, он задумчиво зашагал по шпалам, пахнущим нефтью и креозотом, мимо длинных составов большегрузных вагонов, санитарных поездов, стрелочных будок и станционных постов. Раза два прошелся мимо депо и уже собрался возвратиться назад, как вдруг услышал знакомый голос, окликнувший его.

Булавин обернулся. Позади него, улыбаясь, стоял секретарь партийного комитета паровозного депо Иван Петрович Мельников, спрыгнувший с подножки маневрового паровоза.

— Мое почтение, товарищ майор, — весело сказал он, протягивая Булавину руку. — Давненько вы к нам не заглядывали.

— Здравствуйте, Иван Петрович, — обрадованно отозвался Булавин, пожимая крепкую, мускулистую руку Мельникова, сохранившую еще следы мозолей от рычагов управления паровозом.

Евгений Андреевич хорошо знал этого плотного, невысокого человека в кожаной куртке с форменными железнодорожными пуговицами: часто встречался с ним в райкоме партии, не раз заходил к нему в партийный комитет.

— А у нас тут интересные дела творятся! — возбужденно заговорил секретарь партийного комитета. — Дви-

жение тяжеловесников достигло уже такого размаха, что мы подумываем о сокращении паровозного парка процентов на тридцать пять—сорок. Неплохо ведь, а? Что вы на это скажете?

Булавин задумался. У него мелькнула вдруг заманчивая мысль.

— А что, если бы ваши машинисты, Иван Петрович, взяли бы на себя обязательство перевезти в полтора-два раза больше грузов, чем они возят сейчас? — спросил он, пытливо вглядываясь в серые глаза Мельникова.

Пока секретарь партийного комитета раздумывал, Булавин добавил:

— Это сейчас очень важно для фронта, Иван Петрович.

— Понимаю, Евгений Андреевич, — задумчиво ответил Мельников. — Сейчас все мысли у нас только о фронте. А что касается предложения вашего, то с народом нужно об этом потолковать. И, пожалуй, не с одними только машинистами. Постараюсь к завтрашнему дню поговорить кое с кем.

...В тот же день вечером Булавин зашел к Доронину на квартиру. Сергея дома не оказалось.

— Где бы мне разыскать его, Елена Николаевна? — спросил он мать Доронина.

— Не сказал он мне ничего, — ответила Елена Николаевна и добавила, улыбаясь: — Думается мне, однако, что у Роциных.

«Это даже, пожалуй, к лучшему, — решил Булавин дорогой, направляясь к дому Роциных. — Не мешает и с Петром Петровичем посоветоваться. Да ведь и дочка его, Анна Петровна, — лучший диспетчер на участке. Может быть, и она что-нибудь подскажет...»

Двери Булавиному открыл сам Петр Петрович.

Указывая дорогу, он проводил Булавина в просторную комнату, в которой за большим столом, скло-

нившись над какими-то чертежами, сидели Сергей и Анна. Они были настолько увлечены своим занятием, что даже не заметили прихода Булавина.

— Добрый вечер, друзья! — громко произнес Евгений Андреевич, переступая порог комнаты.

— А, Евгений Андреевич! — удивленно воскликнул Сергей, подымаясь из-за стола.

Встала и Анна.

— Здравствуйте, Анна Петровна! — Булавин протянул ей руку и спросил, кивнув на стол: — Что это вы бумаги столько извели? Какие стратегические планы решаете?

— Наши транспортные оперативные задачи обсуждаем, товарищ майор, — ответила Анна. — Да вам это вряд ли интересно.

— Почему же? — улыбаясь, спросил Булавин. — Меня как раз именно это и интересует. Любопытно послушать ваши замыслы.

Сергей с Анной смущенно переглянулись.

— Решили мы, понимаете ли, график движения поездов пересмотреть, — сказал наконец Сергей. — Уплотнить его немного. Вот прикинули пока приблизительно, и то получается большое сокращение во времени на каждом рейсе. Правда, Аня?

Анна утвердительно кивнула головой и заметила:

— Мне думается, что если собраться диспетчерам и машинистам и обсудить сообща такой уплотненный график, можно было бы почти вдвое увеличить оборот паровозов и, следовательно, вдвое больше перевезти грузов.

— А если к тому же водить тяжеловесные поезда, — добавил Сергей, — можно перевезти грузов еще больше. Сейчас, когда такая нужда в паровозах, мы вполне могли бы обеспечить теперешний грузопоток половиной нашего паровозного парка, а остальные локомотивы мож-

но было бы отправить туда, где в них бóльшая потребность.

До поздней ночи просидел Евгений Андреевич с Сергеем, Анной и Петром Петровичем, обсуждая возможности увеличения перевозки военных грузов, а когда возвращался домой, на душе у него было легко не только потому, что он нашел наконец решение трудной задачи, но и потому еще, что решение это подсказал ему сам народ, труд и жизнь которого он призван был оберегать.

В эту ночь Евгений Андреевич долго не ложился спать. Он включил радиоприемник и настроил на волну одной из московских станций. Сильные аккорды рояля наполнили комнату. Они звучали властно, настойчиво, полные несокрушимой воли. Их тотчас же подхватывала могучая волна звуков оркестра. Сначала Евгению Андреевичу казалось, будто оркестр лишь повторяет мелодию вслед за роялем, но, прислушавшись, он ясно почувствовал, что музыкальная тема звучит в оркестре ярче, красочнее, выразительнее. Оркестр не только поддерживал четкий, мужественный голос рояля — он придавал ему величие, сливаясь с ним в мощный, торжественный гимн.

«Как хорошо! — взволнованно подумал Евгений Андреевич. — Чайковский, наверное...»

Чем больше прислушивался он к звукам симфонии, тем полнее сливались они с его собственными чувствами и мыслями. Даже когда утихло все и диктор объявил перерыв, взволнованный Евгений Андреевич долго еще продолжал ходить по комнате.

Он думал о том, как трудно было бы ему работать без народа, без его чуткости, без его зоркости. Как близорук и беспомощен был бы он со своим маленьким штатом, как много труда и времени пришлось бы тратить на все, как много совершать ошибок, мучительно

искать ответов на сложные вопросы! И как одиноки, в сущности, контрразведки всех буржуазных государств, несмотря на свой многочисленный и хорошо вышколенный аппарат. Где черпать им силы в борьбе, если они окружены чужой им и даже зачастую враждебной стеной своего же народа?

Усевшись за стол, Булавин расстегнул воротник кителя, достал бумагу и торопливо стал писать жене. И хотя нельзя было рассказать ей всего, что он делал и собирался сделать, она должна была понять все-таки по тону его письма, что он очень доволен чем-то и что ему, наверное, удалось найти решение какой-то очень трудной и очень важной задачи.

Письмо Глафиры Добряковой

Спустя два дня в партийном комитете паровозного депо состоялось совещание стахановцев: машинистов, вагонников, эксплуатационников и путейцев. Присутствовали на нем также начальник паровозного депо, начальник станции и майор Булавин. О проекте нового, уплотненного графика движения поездов докладывала Анна Рощина.

Поздно ночью Евгений Андреевич Булавин в хорошем настроении вернулся в свое отделение. Пришло наконец долгожданное письмо на имя тети Маши от Глафиры Добряковой. Его доставили майору с почты еще сегодня днем, и капитан Варгин вот уже более двенадцати часов трудился над его дешифровкой.

Приказав дежурному вызвать капитана, Булавин прошел в свой кабинет. Торопливо просмотрев пакеты с вечерней секретной почтой, вскрыл конверт с грифом, означавшим совершенную секретность корреспонденции, и с интересом стал читать ее. К приходу капитана Варгина

майор успел дважды перечитать сообщение, подписанное полковником Муратовым.

Взглянув на бледное, с темными кругами под глазами лицо капитана, Булавин произнес:

— У вас очень усталый вид, Виктор Ильич. Похоже, что вы не высыпаетесь.

— Бессонница, товарищ майор.

— Знаю я эту бессонницу, — усмехнулся Булавин. — Безуспешно анатомируете письмо, пришедшее в адрес тети Маши?

— Так точно, товарищ майор, — смущенно улыбнулся капитан. — По виду самая обыкновенная переписка двух сестер, а ведь быть того не может, чтобы в письме Глафиры Добряковой не было какого-то тайного смысла, раз в ее адрес посылает Гаевой свои шифровки. Однакож пока зацепиться не за что.

Майор снова посмотрел на Варгина и строго произнес:

— Вот что, товарищ капитан: распорядитесь-ка, чтобы немедленно запросили у полковника Муратова разрешение на мой выезд к нему для срочного доклада, и немедленно отправляйтесь спать. И учтите: это не совет, а приказ. Я знаю, вы уже которую ночь не спите, а для разгадки шифров нужна свежая голова.

— Но как же все-таки быть с письмом? — удивился Варгин. — Ведь утром оно должно быть доставлено Марии Марковне. Нельзя держать его у нас так долго. Это может показаться подозрительным Гаевому, так как он, наверное, знает, сколько времени идут к нам письма из области.

— Оно и будет доставлено Марии Марковне завтра утром, — спокойно заметил майор, еще раз пробегая глазами сообщение полковника Муратова.

— Без расшифровки?

— Нет, мы расшифруем его.

— Кто же сделает это, если я буду спать? — Варгин устало потер ладонью лоб, на котором резче обозначились две глубокие морщины.

— Вы же.

Капитан удивленно посмотрел на Булавина:

— Да, кажется, я в самом деле заработался — ничего понять не могу.

— Попробую вам помочь, — улыбнулся Булавин. — Только что получил очень важное сообщение от полковника Муратова. Ему удалось выяснить, что адресат Марии Марковны — ее родная сестра, но к вражеской агентуре она не имеет никакого отношения.

— Так в чем же дело?

— А вы не перебивайте и слушайте дальше. Сестра Марии Марковны, Глафира Марковна Добрякова, престарелая вдова, действительно живет в собственном доме с замужними дочерьми и внучками, как и сообщил нам об этом Семен Алехин. К тому же почти ежедневно навещают ее многочисленные племянники и племянницы. Нет сомнения, что кто-то из них является вражеским агентом.

— Какой же вывод следует из всего этого? — спросил Варгин, предлагая майору папиросы.

Булавин хотел было отказаться, но махнул рукой и жадно закурил.

— Вывод, по-моему, такой, — ответил он, с удовольствием попыхивая сизоватым дымком. — Вражеские агенты очень осторожны. Сами они не ведут никакой переписки, но паразитически пользуются перепиской двух старушек.

— Как Гаевой использует письма Марии Марковны, нам теперь известно, — задумчив заметил капитан, — но как ухитряется делать то же агент, с которым Гаевой ведет переписку?

— А мне кажется, что нетрудно сообразить и это.

Вы же знаете, что письмо Глафиры Добряковой написано той же рукой, что и адрес на конверте. Значит, к тексту письма шпион вряд ли имеет отношение.

— А почему бы не предположить, что и письмо и адрес на конверте написаны кем-нибудь по просьбе Глафиры Добряковой?

— Это предположение отпадает, — возразил Булавин: — по снимку письма Глафиры Марковны, отосланному полковнику Муратову, удалось точно установить, что написано оно лично Добряковой. И наиболее вероятным будет допустить, что шпион мог получить письмо Глафиры Марковны под предлогом оказания ей любезности. То-есть попросту предложил снести его на почту или опустить в почтовый ящик (кстати, полковнику Муратову достоверно известно, что старушка Добрякова почти не выходит из дому). Получив же письмо в руки, шпион без труда мог сделать на нем незаметную шифрованную запись. Я полагаю, что секрет скорее всего где-нибудь на конверте.

— Логически все должно быть именно так, — согласился Варгин. — Я, видимо, совершил ошибку, занимаясь текстом письма и не определив наиболее вероятного места шифрограммы. Теперь, надеюсь, дело пойдет успешнее.

— Не сомневаюсь в этом, — убежденно заявил майор. — Распорядитесь же насчет телеграммы полковнику Муратову, Виктор Ильич, — и немедленно спать. Повторяю — это не совет, а приказание.

— Слушаюсь, товарищ майор.

— А завтра утром... — Майор приподнял слегка рукав кителя, взглянул на часы и добавил, улыбаясь: — «Завтра», оказывается, уже наступило. Ну, в таком случае, сегодня часиков в пять утра вам нужно снова быть на ногах и продолжать начатую работу. Желаю успеха!

В ожидании решения

У полковника Муратова было смуглое, сухощавое лицо с густыми черными, слегка нависшими бровями. Разговаривая, он, не мигая, пристально смотрел в глаза собеседнику, и это всегда неприятно действовало на последнего.

Первое время этот взгляд смущал и Булавина, но со временем он привык к нему. Гораздо более беспокоило его теперь молчание полковника. Майор давно уже изложил ему свои соображения, а Муратов все еще не проронил ни слова.

В кабинете Муратова было настолько тихо, что тиканье небольших настольных часов казалось неестественно громким.

— Значит, вы полагаете, — произнес наконец полковник, все еще не сводя с Булавина пристального взгляда, — что Воеводино обойдется наличным паровозным парком, если даже поток грузов увеличится вдвое?

— Безусловно, товарищ полковник, — облегченно вздохнув, отозвался Булавин. Он был рад, что Муратов наконец заговорил.

— И этот Гаевой не сообразит, в чем тут дело?

— Гаевому предписано, видимо, избегать малейшего риска, — ответил майор Булавин, то и дело поглядывая на коробку папирос, лежавшую на столе, и делая над собой усилие, чтобы не попросить у полковника закурить. — Шпион явно старается не совать никуда своего носа, будучи абсолютно уверенным в надежности сведений о работе станции по наличию паровозного парка. Спокойно сидеть в конторе и контролировать этот парк по номерам паровозов, проставленным на нарядах, — это ведь куда безопаснее, чем подсчитывать проходящие через станцию составы.

— Вы уверены в этом? — спросил полковник, бросив на Булавина испытующий взгляд.

— Уверен, товарищ полковник, — спокойно ответил Булавин. — Это не простое предположение: мы следим за каждым шагом Гаевого и убеждены, что единственный источник его информации — наряды на ремонт паровозов.

— Хорошо, допустим, что это так. Но учитываете ли вы то обстоятельство, что усиленная работа паровозов вызовет и увеличение их ремонта? Не бросится ли это в глаза Гаевому?

— Не думаю, товарищ полковник, ибо весь секрет высокой производительности и состоит как раз в том, чтобы лучше использовать паровозы, следовательно — больше на них работать и меньше ремонтироваться. Гарантией успеха — лунинское движение на нашем советском транспорте.

Полковник слегка приподнял левую бровь. Он всегда непроизвольно делал это, когда задумывался.

— Насколько мне помнится, это нечто вроде самообслуживания? — произнес он.

Майор Булавин был кадровым офицером контрразведки. Он безукоризненно знал свое дело, но всякий раз принимался за серьезное изучение различных специальностей, с которыми ему приходилось соприкасаться в процессе своей работы. Транспорт он знал теперь в совершенстве, не хуже любого железнодорожника, и поэтому не без удовольствия ответил Муратову:

— Вы правы, товарищ полковник, лунинское движение — это действительно нечто вроде самообслуживания. В основе его лежит такой любовный и технически грамотный уход за паровозом, который увеличивает его производительность и уменьшает износ. Машинисты-лунинцы сами ремонтируют свои паровозы между промывочным ремонтом, при котором неизбежен заход в депо. При

этом они увеличивают так называемый межпромысловый пробег паровоза почти вдвое. Вот поэтому-то не только за счет уплотненного графика движения поездов, но и за счет лунинских методов работы собираются железнодорожники Воеводина увеличить свою производительность. К тому же лунинское движение — это ведь не только движение паровозников. Им охвачены и путейцы, и вагонники, и многие другие специалисты железнодорожного транспорта.

Полковник Муратов был скуп на похвалы. Он ничем не выразил своего удовлетворения соображениями Булавина.

— Вы понимаете, конечно, товарищ Булавин, — сказал он вслух, — что я не могу самостоятельно принять решение по всем тем вопросам, о которых вы мне доложили. Не решит этого и генерал Привалов. Тут необходимо решение Военного совета фронта. — Бросив взгляд на настольные часы, полковник добавил: — Сейчас двенадцать, а заседание Военного совета в шесть. Вам придется подождать до этого времени, так как вы можете понадобится генералу.

В распоряжении майора Булавина оставалось шесть часов. Чтобы убить время, он сходил в экспедицию Управления генерала Привалова и получил секретную корреспонденцию в адрес своего отделения. Затем он долго ходил по городу, который хорошо знал, так как часто бывал здесь до войны. Война изменила его облик. Появились высокие деревянные заборы вокруг зданий, в которые попали бомбы, белые полосы бумаги крест-накрест перечеркнули все окна. Указки с надписью «бомбоубежище» попадались почти на каждом шагу. Строгими, суровыми казались теперь майору Булавину знакомые улицы, хотя жизнь на них кипела, как и в мирное время.

На Первомайской, где было много военных учреждений, часто встречались знакомые. С одними Булавин

только здоровался, с другими разговаривал, расспрашивая о новостях и общих знакомых.

Два последних часа перед началом заседания Военного совета Евгений Андреевич провел в Управлении Привалова, полагая, что генерал или полковник могут вызвать его для какой-нибудь справки. Но начальство, казалось, совсем забыло о его существовании.

В седьмом часу помощник Муратова, подполковник Угрюмов, посоветовал ему:

— Устраивайтесь-ка в гостинице, товарищ майор. Заседание затянется, видимо, до поздней ночи. Если понадобится, я пошлю за вами.

Булавин посидел еще с полчаса и ушел в гостиницу. Без аппетита пообедал, просмотрел свежие газеты и долго ходил по номеру взад и вперед, пытаясь представить себе, как решится вопрос с посылкой добавочных паровозов на станцию Воеводино. То ему казалось совершенно бесспорным, что будет принято его предложение, то вдруг закрадывались сомнения, и он начинал нервно ощупывать карманы в поисках папирос, забыв, что давно уже не брал их с собой.

В одиннадцатом часу к нему наконец кто-то постучал. Булавин облегченно вздохнул и направился к двери.

— Войдите! — громко произнес он.

На пороге стоял посыльный от подполковника Угрюмова.

— Разрешите обратиться, товарищ майор?

— Да, пожалуйста.

— Вас вызывает полковник Муратов, — доложил посыльный, прикладывая руку к козырьку фуражки.

Торопливо надев шинель, Булавин вышел из гостиницы.

«На совещание меня вызывают или оно уже кончилось?» — думал он, широко шагая по затемненной улице, ведущей к Управлению.

Спустя несколько минут майор был уже на месте, и дежурный офицер тотчас же проводил его к полковнику Муратову.

Полковник, недавно вернувшийся с Военного совета, медленно ходил по кабинету, озабоченно хмурия брови.

— Пойдемте, — сказал он Булавину, — вас требует к себе генерал.

Ни по виду полковника, ни по голосу его майор не мог догадаться, какое решение принял Военный совет.

Генерал Привалов, немолодой уже, совершенно седой, но все еще очень бодрый и молодецкато подтянутый, рассматривал какую-то карту, когда полковник Муратов спросил разрешения войти к нему. Генерал поднял глаза от карты и приветливо кивнул майору Булавину.

— А, товарищ Булавин! — произнес он негромко, протягивая руку майору. — Здравствуйте! Прошу присаживаться.

Спрятав в стол какие-то бумаги и отложив в сторону целую кипу различных справочников, он снова, улыбаясь, взглянул на майора. Всмотревшись в похудевшее за последние дни лицо Булавина и заметив на нем признаки волнения, спросил:

— Беспокоитесь о судьбе своего предложения?

— Беспокоюсь, товарищ генерал.

Привалов бросил беглый взгляд на полковника, сидевшего против него по другую сторону стола, и неторопливо произнес:

— Прежде чем доложить Военному совету предложенный вами план действий, мы с товарищем Муратовым постарались уточнить кое-что и посоветоваться кое с кем. Начальник дороги, например, с которым мы консультировались по этому поводу, специально запрашивал кодированной телеграммой и начальника депо и начальника станции Воеводино. После разговора с ними он пришел к заключению, что машинисты депо Воеводи-

но в состоянии вдвое увеличить перевозки, не увеличивая количества паровозов. Не возражал против реализации вашей идеи и начальник военных сообщений фронта. Он предложил только держать на всякий случай дополнительные паровозы на узловой станции Низовье, откуда легко будет перебросить их в Воеводино в случае надобности. Таким образом, будет совершенно исключен элемент риска. Только после этого нашли мы возможным доложить ваш план Военному совету, и Военный совет одобрил его.

Заметив, как вдруг потеплели настороженные глаза майора Булавина, генерал подумал невольно: «Видимо, очень волновался этот человек за свою идею. Значит, не только холодным рассудком дошел до нее...»

С удовлетворением отметив это, Привалов продолжал:

— На следующей неделе начнется интенсивная переброска грузов по железной дороге в район нанесения главного удара. Если в первые два-три дня этого периода Воеводино сможет обойтись своим паровозным парком, считайте, что ваш план окончательно принят.

Агент номер тринадцать дает указания Гаевому

Булавин вернулся от Привалова только на следующий день утром и тотчас же вызвал к себе капитана Варгина. Майора очень беспокоил вопрос с расшифровкой тайного текста в письме Глафиры Добряковой. Удалось ли капитану найти шифр на конверте? Направляясь в Управление по вызову полковника Муратова, Булавин оставил Варгину записку — просил протелеграфировать ему в Управление, если в шифровке шпионов окажутся важные сведения. Но телеграммы не последовало.

Ожидая теперь Варгина, майор подошел к окну и стал рассеянно постукивать пальцами по запотевшему

стеклу. За окном в густом тумане бесформенным чудовищем медленно проплыл локомотив, протрубил где-то духовой рожок стрелочника, и тотчас же срывающимся фальцетом отозвался ему маневровый паровоз. Вскоре показался и он сам. Небольшой и кажущийся каким-то куцым без тендера, он будто пятился задом, подпираемый громадой большегрузных вагонов, на лесенке одного из которых висел сцепщик с развернутым флажком в руках. Словно израсходовав все силы, паровоз начал замедлять движения, пока совсем не остановился. Но магический взмах флажка сцепщика снова вернул его к жизни. Суетливо вращая колесами, паровозик рванулся вперед, и по составу побежал лязг буферных тарелок и замков автосцепки. Прислушиваясь к этим звукам, Булавин по длительности их пытался определить количество вагонов в составе.

Майор вообще любил прислушиваться к разногололым звукам железнодорожной станции, угадывая их источник по характеру звучания. Он без труда отличал гудки поездных паровозов от маневровых, пассажирских — от товарных. Различал даже некоторые отдельные локомотивы: машину Доронина или Рощина, например.

Булавин стоял, прислушиваясь к бегущему от вагона к вагону лязгу металла, но чуть только скрипнула дверь за его спиной, он поспешно обернулся.

В кабинет входил Варгин. Едва взглянув на него, майор облегченно вздохнул, догадавшись по выражению лица капитана, что ему удалось обнаружить, а может быть, и разгадать шифр на конверте Глафиры Добряковой.

— Вас можно поздравить, кажется? — улыбаясь, спросил Булавин капитана.

— Можно, товарищ майор, — весело ответил Варгин, подавая Булавиному папку с документами.

— Любопытно, где же был шифр запрятан?

— На оборотной стороне почтовой марки, и притом довольно остроумно.

— Положим, трюк с почтовой маркой не нов.

— В принципе не нов, — согласился Варгин, — а в деталях весьма хитроумен.

— Интересно, что же за хитрость они применили?

— Да, в общем, ничего особенного. Просто шифр на обратную сторону марки был нанесен фотографическим методом.

— То-есть?

— Оказалось, что марка была покрыта эмульсией, чувствительной к свету, и на нее засняли микросъемкой цифровые знаки шифра. Однако снимок этот был лишь экспонирован, но не проявлен и не закреплен.

— Значит, при отклеивании марки все должно было погибнуть, так как свет уничтожил бы непроявленный снимок? — спросил Булавин, поняв теперь, в чем дело.

— Так точно, товарищ майор, — подтвердил Варгин. — Все непременно должно было бы погибнуть.

Майор весело посмотрел на Варгина и, смеясь, заметил:

— Докладывайте, товарищ капитан, как вышли из положения?

— Из положения вышел я довольно просто, — широко улыбнулся Варгин. — Прежде чем отклеивать марку, подумал: раз Гаевой свою шифровку писал фотографическим методом, нет ли и здесь фототрюка? Посмотрел неотклеенную марку на свет вместе с конвертом и вижу, что она не просвечивается, будто специально зачернена с обратной стороны. Да и конверт показался мне довольно плотным, плохо пропускающим свет. Это окончательно убедило меня, что и тут, видимо, не обошлось дело без фотоаппарата. Отклеить марку от конверта решился я только при красном свете. Правда, и в этом случае

был риск засветить снимок, если бы эмульсия его оказалась панхроматической или изохроматической, но иного выхода я не видел. Ведь нужно было взглянуть, нет ли на марке каких-нибудь видимых знаков, которые химикалии проявителя могли уничтожить.

Порывшись в карманах, Варгин достал папиросы и попросил разрешения закурить.

— Закуривайте уж, — улыбаясь, махнул на него рукой Булавин. — Хотя вам нужно было бы запретить это, чтобы не вводить меня в соблазн.

Капитан торопливо закурил и продолжал:

— Отклеив марку, я ничего на ней не обнаружил и решил опустить ее в проявитель. Ждать пришлось довольно долго, так как эмульсия марки была, видимо, какого-то особого состава, малочувствительного к свету, но наконец стали проявляться на ней какие-то цифры. Как только они обозначились достаточно ясно, я тотчас же закрепил снимок. Вот, можете сами на него взглянуть.

С этими словами Варгин протянул Булавину почтовую марку с тусклыми знаками цифр на обратной ее стороне.

— А вот и расшифрованный текст, — добавил он, подавая майору листок исписанной бумаги.

Булавин повернул листок к свету и прочел:

«С получением этого письма под благовидным предлогом побуждайте Марию Марковну писать возможно чаще. Кстати, есть повод: заболела внучка Глафиры Марковны, Наточка. Доносите шифром лишь в самых важных случаях. Если не имеете что донести, ставьте на письмах только свой номер. Нам важно знать, что вы живы и здоровы. Старым шифром больше не пользуйтесь. Для секретных донесений применяйте в дальнейшем шифр номер семь. Будьте предельно осторожны. Тринадцатый».

— Вы имели время подумать об этой директиве Гаевому, — сказал майор Булавин, возвращая Варгину страничку с текстом. — Какие соображения у вас возникли?

Задумавшись, капитан короткими затяжками посасывал папиросу.

— Я полагаю, — медленно произнес он, — что шпион, получающий информацию от Гаевого и скрывающийся под номером тринадцать, пожалуй, догадывается, что со дня на день должны произойти важные события на фронте. Он, видимо, хочет быть наготове, чтобы в случае ареста Гаевого немедленно направить к нам нового агента.

— Это, во-первых, — заметил Булавин, одобрительно кивнув капитану.

— Да, это во-первых, — повторил Варгин, — а во-вторых, нам нужно тщательнее просматривать письма тети Маши, так как Гаевой все секретные донесения будет шифровать теперь новым, неизвестным нам способом.

Майору Булавину нечего было прибавить к соображениям капитана Варгина, и он ограничился лишь тем, что спросил:

— А как же вы вышли из положения с отправкой директивы тринадцатого Гаевому? Марка-то осталась у нас.

— Ну да, эта осталась, — ответил Варгин, — а другую, точно такую же, мы изготовили по их же методу и наклеили на письмо Глафиры Марковны.

— Решение правильное, — одобрил действия капитана Булавин, но, прежде чем отпустить его, задал еще один вопрос: — Ну, а что подделывает Гаевой? Как ведет себя этот мерзавец?

— Все так же, — ответил капитан. — Попрежнему ничем, кроме нарядов на ремонт паровозов да номерами локомотивов, не интересуется.

— И попрежнему не ходит никуда?

— Попрежнему, товарищ майор. Из конторы Гаевой направляется прямо домой. Даже в столовую не заглядывает. Берет с собой из дому бутерброды. У меня такое впечатление, что Гаевой не столько осторожен, сколько труслив и всячески старается избежать малейшего риска.

— Может быть, все это и так, — согласился Булавин, — однако нам следует ориентироваться не на трусость его, а на осторожность и хитрость.

Помолчав, он добавил:

— Распорядитесь, чтобы фотокопию письма Глафиры Добряковой, марку и ключ к ее шифру отправили полковнику Муратову.

Отпустив капитана, Булавин просмотрел накопившиеся за время его отсутствия документы и долго в задумчивости ходил по кабинету, часто останавливаясь у окна и всматриваясь сквозь пордевший теперь туман в очертания железнодорожных путей и станционных строений.

Поздравительная открытка

Аркадий Гаевой всегда приходил со службы точно в одно и то же время. Пришел он и в этот вечер не позже обычного.

— Добрый вечер, уважаемая Мария Марковна, — приветливо поздоровался он с Добряковой, открывшей ему дверь.

Гаевой вообще был предельно вежлив, и речь его пестрила такими выражениями, как: «покорнейше благодарю», «не откажите в любезности», «простите великодушно», и так далее. Мария Марковна, тихая, простодушная женщина, больше всего ценившая в людях «хорошее обхождение», как она выражалась, была очень довольна своим постояльцем.

В этот вечер, как и обычно, Аркадий Илларионович

степенно прошел в свою комнату, переоделся в байковую пижаму и направился на кухню мыть руки.

— Будете кушать, Аркадий Илларионович? — послышался из столовой ласковый голос Марии Марковны, когда Гаевой, умывшись, вернулся в свою комнату.

— Благодарствую, Мария Марковна, — отозвался Гаевой. — С превеликим удовольствием покусая.

Обычно он садился за стол и ел с большим аппетитом, то и дело похваливая кулинарные способности Марии Марковны.

Скромный обед приближался к концу, когда Аркадий Илларионович стал рассказывать Марии Марковне об удивительных музыкальных способностях своей погибшей дочки Леночки.

— Точь-в-точь, как наша Наточка! — воскликнула Мария Марковна. — Вот, стало быть, отчего вы так любите ей письма писать.

— Да ведь и как не писать, когда хворает девочка, — смущенно ответил Аркадий Илларионович. — К тому же ваша правда, Мария Марковна, очень она мне Леночку мою напоминает. Не пора ли и впрямь черкнуть Наточке пару слов?

— Вроде недавно совсем писали, — ответила Мария Марковна, — даже ответа еще не получили. А с поздравлением ко дню рождения еще успеется.

— Ничего не успеется, дорогая Мария Марковна! — горячо возразил Аркадий Илларионович. — Пока дойдет, в самый раз будет.

Старушка благодарными глазами взглянула на Гаевого:

— Удивительно, до чего вы добрый, Аркадий Илларионович! Будто о родных детях заботитесь...

— Мне же самому приятно это, Мария Марковна, — ответил Гаевой. — Пишу вашей Наточке, а мне все кажется, что я с Леночкой переписываюсь. Судя по вашим

расскажам, уж очень много общего у них. Особенно музыкальные способности Наточки меня трогают. Нужно будет и подарочек соответственный ей сообразить или хотя бы открыточку с портретом композитора послать. Да разве найдешь теперь такую! У меня, впрочем, есть открыточка с изображением лиры — символа, так сказать, музыкального искусства. Если не возражаете, можно будет ее послать.

— Ну что вы, Аркадий Илларионович! — растроганно произнесла Мария Марковна. — Как можно возражать против такого великодушия! Сочините ей что-нибудь душевное, как вы умеете. Сестрица Глафира будет очень рада такому вниманию. Спасибо вам, Аркадий Илларионович!

Гаевой церемонно раскланялся, возразив смущенно:

— Ну что вы, Мария Марковна! Благодарить не за что. Я человек одинокий, а когда вашим родным пишу, вроде как со своей семьей переписываюсь.

— Бедный вы, Аркадий Илларионович! — с дрожью в голосе проговорила Мария Марковна, приложив платок к глазам. — Большая должна быть злоба в сердце вашем против фашистских извергов, загубивших ваших близких!

— Не говорите, Мария Марковна! — ответил Аркадий Илларионович и тоже полез в карман за платком. — А открытку Наточке я сейчас сочиню, с вашего позволения.

С этими словами он ушел в свою комнату, а спустя полчаса вышел с написанной каллиграфическим почерком открыткой, текст которой даже заставил прослезиться Марию Марковну.

— Ах, как трогательно получилось! — воскликнула она. — Сразу видно, что от всего сердца. Подпишите это моим именем, Аркадий Илларионович, и не считите за труд бросить завтра в почтовый ящик.

Первый рейс по уплотненному графику

Паровоз Сергея Доронина решено было первым пустить по уплотненному графику в день начала интенсивных перевозок военных грузов в район подготовки наступательной операции. Вся бригада Сергея была сегодня в сборе значительно раньше положенного времени и усердно готовила локомотив к рейсу. Алексей Брежнев с необычайной тщательностью проверил смазку ползунов паровой машины и, с чувством побрякивая, крепил подшипники поршневого дышла. Никифор Телегин, насвистывая, сосредоточенно сортировал уголь.

Сергей Доронин сидел в паровозной будке и уже в который раз с беспокойством поглядывал в сторону паровозного депо: до сих пор почему-то не было распоряжения, к какому поезду подавать локомотив.

Подождав еще минут десять, он не выдержал наконец и, высунувшись из окна будки, крикнул кочегару Телегину:

— Сбегай-ка к дежурному, Никифор. Узнай, когда же к составу подавать будем. Пора ведь.

Пока Телегин ходил к дежурному, Сергей спустился с паровоза и медленно обошел вокруг машины, придирчиво осматривая тускло поблескивающие свежей смазкой механизмы. Остановившись возле Брежнева, регулировавшего автоматическую масленку, он сказал с тревогой в голосе:

— Беспокоит меня эта задержка, Алексей. Не повредили ли самолеты путь при бомбежке станции?

— Налет был часа два назад, — ответил Брежнев, вытирая масляные руки концами текстильных отходов, — успели бы отремонтировать. Видно, другое что-то случилось.

— Мы выходим в первый рейс по уплотненному графику, и вдруг такая задержка!.. — Сергей вздохнул и

снова поглядел в сторону депо, откуда должен был показаться Телегин.

— Чертовски сложная штука транспорт, — сокрушенно покачал головой Брежнев. — Мы, паровозники, можем работать совершенно идеально, но вот разбомбят путь или с составом что-нибудь приключится, и сразу все застопорится. Очень уж мы зависим от других служб транспорта.

— Выходит, что и другие службы должны идеально работать, — ответил Сергей, поправляя русые волосы, выбившиеся из-под военной фуражки, которую он всегда надевал в поездку. — Все службы нашего участка слово дали обеспечить выполнение уплотненного графика. Не должны, значит, подвести.

— Вон Никифор идет, — сказал Алексей, кивнув в сторону депо. — Узнаем сейчас, в чем там дело.

Рослый, длинноногий, Телегин торопливо шагал по шпалам, неуклюже размахивая на ходу руками.

— Что-то уж очень спешит! — с тревогой заметил Сергей. — Ну, что там такое, Никифор? — нетерпеливо крикнул он, когда Телегин подошел ближе.

— Оказывается, состав, который мы должны вести, сильно поврежден бомбежкой, — запыхавшись, скороговоркой ответил Телегин. — Говорят, часа три-четыре потребуются вагонникам на ремонт. Я только заикнулся было насчет другого состава, так на меня дежурный даже руками замахал.

Брежнев плюнул и с досадой сбил фуражку на затылок.

— Вот тебе и на! — раздраженно воскликнул он. — Значит, безвыходное положение получается. Тут уж, видно, никакая идеальная работа не поможет. Даже если вагонники вместо четырех два часа будут ремонтировать вагоны, все равно не выехать нам по графику.

— Ну, хватит причитать, Алексей! — с досадой мах-

нул рукой на помощника Доронин. — Оставайся тут за меня, я на станцию схожу.

Едва Сергей отошел метров двести от своего паровоза, как навстречу ему из-за снятого с осей и поставленного на землю пассажирского вагона, служившего дежурным помещением для вагонных осмотрщиков, показался главный кондуктор Никандр Филимонович Сотников. Длинная форменная шинель его была распахнута, неизменная старая дорожная сумка неуклюже болталась на боку, массивная цепочка от часов отстегнулась от пуговицы кителя и серебряной змейкой свисала из нагрудного кармана. По всему было видно, что Никандр Филимонович чем-то сильно взволнован. Не поздоровавшись, он сразу же заговорил:

— Задержка получается, Сергей Иванович. Состав наш эти мерзавцы изрешетили. Вагонники, правда, обещали принять все меры, но ведь там ремонт не шуточный... Надо же, чтобы случилось такое в первую нашу поездку по новому графику! — Поймав болтавшийся конец часовой цепочки, старик нервным движением вытащил часы из кармана кителя. — Целых пятнадцать минут уже потеряно! — произнес он, сокрушенно покачав головой.

Позади собеседников раздались торопливые шаги. Обернувшись, Сергей увидел раскрасневшегося кочегара Телегина, спешившего к нему, видимо, с какой-то важной вестью.

— Сергей Иванович! — еле переводя дух, выкрикнул он. — Дежурный приходил... Велел к составу подавать!

— К какому составу? — удивленно переспросил Сергей. — Не готов ведь состав... Другой, что ли, поведем?

— Да нет, тот самый — семнадцать девяносто девять, — ответил Телегин, огромным красным платком вытирая потный лоб. — Может быть, путаница какая-нибудь?

Ведь состав-то, в самом деле, говорят, крепко искрошили.

Сергей недоумевающе повернулся к Сотникову:

— Как же так, Никандр Филимонович? Что же мы, разбитый состав, значит, потащим?

— Не знаю, Сергей Иванович. — Сотников начал то-ропливо застегивать шинель. — Подавайте пока паровоз на седьмой путь, а я побегу к дежурному по станции, разберусь, в чем там дело.

Когда спустя несколько минут локомотив Доронина стал задним ходом осторожно приближаться к составу, Никандр Филимонович был уже у головного вагона и делал Сергею какие-то знаки. Не снимая рук с крана машиниста, Доронин высунулся в окно будки, прислушиваясь к звяканью буферных тарелок и щелчку замка автосцепки.

Затормозив паровоз и включив паровоздушный насос, чтобы пополнить запас воздуха в главном резервуаре локомотива, Сергей быстро спустился по крутой лесенке паровоза и поспешил к главному кондуктору.

— Ну как, Никандр Филимонович, — озабоченно спросил он, — выяснили вы, в чем тут дело?

— Все в порядке, Сергей Иванович, — улыбаясь и подкручивая усы, ответил Сотников. — Молодцы вагонники, нашли выход: решили на ходу вагоны ремонтировать, чтобы не задерживать поезд. Плотники уже погрузили все необходимые материалы и инструменты, так что надо быстрее трогаться — и так уже на двадцать пять минут опаздываем.

— Ничего, Никандр Филимонович, наверстаем, — повеселев, заметил Сергей и, повернувшись к Брежневу, стоявшему на площадке паровоза, крикнул:

— Слыхал, Алеша? Вот тебе и выход из безвыходного положения! А ты уж и нос было повесил...

Тринадцатый запрашивает Гаевого

В течение последней недели Гаевой от имени Марии Марковны писал Глафире Добряковой особенно часто. То он поздравлял какую-нибудь из внучек Добряковой с днем рождения, то спрашивался о ее собственном здоровье, то интересовался успехами племянниц, учившихся в местном институте и часто бывавших у тети Глаши.

Капитан Варгин тщательно исследовал письма Гаевого, но шифра на них пока не обнаруживал.

— Удивительного в этом ничего нет, — успокаивал его майор Булавин (капитана снова начали одолевать сомнения). — Гаевой выполняет указания своего хозяина или какого-то посредника, скрывающегося под номером тринадцать, и пишет лишь для того, чтобы дать знать этому тринадцатому, что у него пока все в порядке. Но вы не ослабляйте внимания: не исключено, что вскоре в одном из писем Гаевой донесет что-нибудь.

— А пока он, значит, помалкивает, полагая, что ничего существенного на нашей станции не происходит? — спросил капитан, и в глубоко сидящих глазах его блеснули искорки лукавой усмешки.

— Похоже на то, — ответил майор. — Не старайтесь, однако, убедить себя, что мы уже окончательно перехитрили Гаевого.

Все эти дни майор Булавин уделял Гаевому много внимания. Варгина это удивляло.

— Зачем такая тщательность изучения подобной персоны, товарищ майор? Разве и без того не ясно, что это за мерзавец? — спросил он.

Булавин посмотрел на Варгина усталыми глазами и задумчиво ответил:

— Не все мерзавцы одинаковы, Виктор Ильич. У каждого свой характер, свои повадки. Чтобы нейтрализовать

Гаевого, нужно предвидеть все возможные ходы его, а для этого следует обстоятельно изучить все свойства его характера.

В тот день, когда Сергей Доронин отправился в первый рейс по уплотненному графику, капитан взволнованно вбежал в кабинет Булавина, забыв даже спросить разрешения. Майор знал, что Варгину утром с почты доставили письмо от Глафиры Добряковой.

Булавин отложил в сторону папку с документами и вопросительно посмотрел на капитана. Ему показалось, что широкий, резко выступающий вперед лоб Варгина покрыт легкой испариной.

Капитан порывисто протянул Булавину лист бумаги.

— Вот прочтите это, товарищ майор, — произнес он каким-то чужим, сдавленным голосом.

Булавин взял бумагу и отнес ее подальше от глаз, чтобы удобнее было читать (начавшая развиваться у него дальтонизмность все сильнее давала себя знать).

Пока майор читал расшифрованное секретное письмо тринадцатого, держа его в вытянутой руке, капитан, все еще не садясь, напряженно следил за ним, пытаясь уловить следы волнения на лице Булавина. Однако майор внешне был совершенно спокоен, хотя шифровка действительно была неприятной. В ней значилось:

«Срочно донесите, какое практическое значение может иметь лекторий машинистов, о котором вы нам сообщили в прошлом месяце. Тринадцатый».

— М-да, — только и проговорил Булавин, прочитав эти строки.

— Все теперь может полететь прахом, товарищ майор... — упавшим голосом проговорил Варгин, дивясь спокойствию Булавина. — Раз они лекторием заинтересовались, могут и весь замысел наш разгадать.

— Поберегите ваши нервы, товарищ капитан, —

холодно произнес майор, слегка сдвинув брови и не поднимая глаз на Варгина. — Садитесь и дайте закурить.

Капитан торопливо открыл коробку папирос и, стараясь сохранять спокойствие, спросил:

— Выходит, значит, что этот тихоня обманывал нас, разыгрывая равнодушие к жизни депо?

— Ничего этого пока не выходит, — ответил майор, задумавшись о чем-то.

— Но если Гаевой нашел нужным донести своему начальству о лектории, — взволнованно продолжал капитан Варгин, — значит, понимал, каков может быть результат этого лектория?

Булавин подпер рукой голову и задумался. Варгин, все еще стоявший перед ним, с нетерпением ожидал его ответа. Опасность представлялась капитану совершенно очевидной, и он считал необходимым предпринять самые решительные действия.

— Положение, конечно, серьезное, — произнес наконец майор, поднимая глаза на Варгина, — но я не понимаю, почему вы так нервничаете, товарищ капитан.

— Я вовсе не нервничаю... — смутился Варгин.

— Вот и хорошо, — усмехнулся майор, протягивая руку за новой папирсой. — Значит, мне это только показалось. Идите, в таком случае, и занимайтесь своим делом, а я подумаю, что нам лучше предпринять.

— А как же с письмом Добряковой? — недоумевая, спросил Варгин. — Отсылать его тете Маше?

— Что за вопрос? Обязательно отошлите.

— Но... — начал было капитан и замаялся, не решаясь высказать свои опасения.

— Вы полагаете разве, что это рискованно? — спросил Булавин и, не ожидая ответа Варгина, сам отве-

тил: — Нам ведь известно теперь, что Гаевой знает что-то о стахановском лектории, так что запрос тринадцатого ничего нового ему не открывает. Мы же, напротив, из ответа Гаевого сможем узнать, что именно известно ему и как он сам реагирует на замысел наших стахановцев. Письмо Глафиры Добряковой пусть через почту направят ему немедленно.

На диспетчерском участке Рощиной

Никогда еще Анна Рощина, вступая на дежурство, не волновалась так, как в этот первый день введения разработанного ею уплотненного графика.

Составляя его, она старалась учесть и свой личный диспетчерский опыт и опыт других диспетчеров. При этом приходилось исходить из того принципа, что на транспорте нет людей и профессий незначительных. Тут все были важны и все в какой-то мере влияли на пробег паровоза. От небрежной работы даже самого маленького работника железной дороги могла произойти не меньшая задержка в пути, чем и от неисправности самого паровоза. Для успешного выполнения графика требовалась согласованная работа людей самых разнообразных железнодорожных профессий. Анна, пытаясь добиться такого взаимодействия, строила на этом свой уплотненный график.

Была и еще идея в основе замысла Рощиной. Анна исходила из того положения, что основным принципом соревнования является подтягивание отстающих до уровня передовиков. Обнаружив, что посредственные машинисты, шедшие впереди хороших, изо всех сил старались ехать быстрее, чтобы не подвести стахановцев, Анна и составила свой график с таким расчетом, чтобы первым на ее участке всегда шел хороший машинист, за ним —

менее опытный, а следом — снова хороший. По ее расчетам, это должно было повышать чувство ответственности у машинистов.

Диспетчер, которого сменила Анна, сообщил ей, что Доронин уже проследовал строго по графику, нагнав в пути получасовое опоздание. Но за Сергея она и без того была спокойна, а вот молодой машинист Карпов, шедший в сторону фронта с важным военным грузом, вызывал сильные опасения. Пока, правда, он шел по графику, но времени у него было в обрез, а впереди находился тяжелый подъем, на котором паровоз неизбежно должен был сбавить скорость.

Тревожась о Карпове, Анна селекторным ключом звала станцию Журавлевка.

— Как тринадцать двадцать два? — запросила она дежурного по станции.

В репродукторе что-то зашумело, и хриловатый голос доложил:

— Прошел ровно.

«Ровно» на диспетчерском языке означало полный час. Карпов все еще шел по расписанию.

Кашлянув, будто поперхнувшись чем-то, репродуктор продолжал:

— Похоже, что в середине состава букса греется. Дымок виднелся. Не удалось определить только, из-под вагона шел он или из-под цистерны.

Греется букса... Анна хорошо знала, что в лучшем случае это было результатом недостатка смазки или неправильности заправки буксы подбивкой. Могла тут быть и неисправность осевой шейки или подшипника буксы. Но беда во всех случаях была немалая. Букса могла нагреться до такого состояния, при котором легко могли вспыхнуть как подбивочный материал в буксовой коробке, так и сама смазка. А если еще эта букса находится под бензиновой цистерной...

Анна старалась успокоиться — ведь теперь до следующей станции все равно ничего нельзя узнать о судьбе поезда.

«А может быть, и обойдется все?.. — пронеслась успокаивающая мысль. — Может быть, бунта не будет, а под вагоном и возгорание не вызовет быстрого пожара?»

Однако Анна понимала, что и в этом случае поезд будет остановлен на следующей станции и задержан, так как придется расцеплять состав и выбрасывать из середины его поврежденный вагон.

То и дело поглядывала Анна на часы. Только через двадцать минут должен был прибыть Карпов на Майскую, а стрелки часов будто вовсе перестали двигаться.

Мельком глянув в окно, Анна увидела краешек неба, окрашенный в нежные тона лучами заходящего солнца. Весь день было пасмурно, а теперь, к вечеру, погода явно улучшилась. Но это не обрадовало Анну.

«Опять, значит, нужно ждать ночного налета...» — с тревогой подумала она, опасаясь за Сергея, который в ночные часы должен был возвращаться в Воеводино с воинским эшелоном.

Снова зашумел примолкший было репродуктор:

— Диспетчер!

— Я диспетчер, — живо отозвалась Анна.

— У селектора Низовье. Отправился пятнадцать двадцать.

Это вступал на участок Анны новый поезд.

— Запишете состав? — спросило Низовье.

— Ожидая, — ответила Анна и под диктовку дежурного по станции торопливо принялась записывать необходимые сведения о новом поезде.

Когда запись была окончена, большая стрелка часов передвинулась всего на несколько делений. От волнения

Анна крепко стиснула зубы, нервным движением отбросила назад сползшие на левое ухо густые волосы. В стекле, прикрывавшем график на стенке пульта, увидела она отражение своего продолговатого, правильно очерченного лица. То ли свет так падал, то ли на самом деле очень устала Анна, но лицо ее казалось сильно осунувшимся.

«Хорошо, если Карпов дотянет до Майской, а что, если пожар вспыхнет в пути?» — одолевали Рошину тревожные мысли.

Первые сутки работы по уплотненному графику были на исходе, и все пока шло хорошо. Если некоторые поезда и выбивались из графика, то происходило это только на промежуточных станциях, а на конечные пункты диспетчеру, которого сменила Рошина, удалось все их привести строго по расписанию. По грузообороту же план перевозок был даже перевыполнен.

И вот теперь, когда Анна заступила на дежурство, поезд Карпова грозил серьезно нарушить график движения.

Повернув селекторный ключ, Анна вызвала Майскую:

— Майская! К вам подходит тринадцать двадцать два. У него греется букса. Возможно, придется делать отцепку. Есть предположение, что букса греется под цистерной с бензином. Приготовьте противопожарные средства.

— Понял вас, — ответил дежурный.

— Доложите, как только тринадцать двадцать два покажется в виду, — добавила Анна и, отпустив педаль, выключилась из линии связи.

Тревога Анны не была напрасной. Она хорошо знала профиль пути своего участка. Если Карпов остановит свой поезд на Майской, ему ни за что не взять тогда тяжеловесным составом подъем пути, который начинался

почти тотчас же за этой станцией. Только большая скорость позволяла преодолеть этот подъем.

До прибытия Карпова на Майскую оставалось еще десять минут, когда в репродукторе защелкало что-то и Анна услышала голос дежурного по станции:

— Докладывает Майская. Показался тринадцать двадцать два. Идет раньше времени на большой скорости. По внешнему виду все нормально. Похоже, что пройдет Майскую без остановок.

— Обратите внимание на вагоны в середине состава, — распорядилась Анна. — Может быть, поездная бригада не замечает, что греется букса.

— Понял вас, — ответил дежурный.

«Как же так? — недоумевала Анна. — Неужели ошиблись на Журавлевке и никакой буксы в поезде Карпова не греется? Похоже, что в самом деле произошла ошибка. Поездная бригада не могла бы не заметить греющейся буксы, если из нее, как заявил дежурный Журавлевки, шел дым. А Карпов молодец! У него в запасе уже есть десять минут лишнего времени и хорошая скорость, так что он теперь легко возьмет подъем и не подведет Кленова, идущего следом. Я хорошо сделала, что пустила его впереди Кленова! Карпов ведь ученик Федора Семеновича и ни за что не позволит себе подвести своего учителя».

Размышления Анны прервал шум репродуктора. Она насторожилась.

— Докладывает Майская, — раздался голос. — Тринадцать двадцать два прошел без остановки. В середине состава над тележкой цистерны заметили поездного вагонного мастера. Он привязал себя чем-то к раме цистерны и на ходу ремонтирует буксу.

— Поняла вас! — радостно отозвалась Анна и выключилась из линии связи, облегченно вздохнув. Бледное лицо ее начало медленно розоветь.

В ожидании

Весь день майор Булавин ломал голову, размышляя о том, что могло быть известно Гаевому о стахановском лектории. То ему казалось, что Гаевой не придаст лекторию большого значения, то вдруг начинали одолевать сомнения: не догадывается ли Гаевой кое о чем?

Но о чем именно мог он догадаться? По просьбе майора Булавина, новый уплотненный график был строго засекречен. Никто, кроме узкого круга должностных лиц, не должен был знать о весе и интенсивности движения поездов через станцию Воеводино. Мог ли Гаевой в таких условиях разведать истинное положение вещей? Мог ли он допустить, что стахановский лекторий, задуманный для передачи опыта передовых машинистов-тяжеловесников, даст столь положительный результат? Считал ли он местных машинистов-стахановцев в состоянии обеспечить сильно возросшую перевозку военных грузов, не увеличивая паровозного парка?

Вот о чем напряженно размышлял майор Булавин, когда Варгин вошел к нему с докладом.

— Как обстоит дело с письмом Добряковой? — нетерпеливо спросил майор. — Доставили его Марии Марковне?

— Так точно, товарищ майор. Письмо уже на квартире тети Маши.

— Значит, Гаевой прочтет его, как только вернется со службы?

— Надо полагать.

Помолчали. Майор медленно заводил ручные часы, капитан рассеянно крутил в руках пресс-папье. За окном, сотрясая здание, тяжело прогромыхал паровоз. Замелькали вагоны длинного состава, ритмично постукивая на стыках рельсов. Зябко вздрагивали стекла на окнах в такт этому стуку.

— Скажите, а вы не спрашивали у комсомольца Алевина, — прервал затянувшееся молчание Булавин, — какого мнения Гаевой о Сергее Доронине?

— Был у нас разговор по этому поводу, — встрепенувшись, ответил Варгин, ставя пресс-папье на место. — Не очень-то лестного мнения, оказывается, Гаевой о Сергее Ивановиче. Чуть ли не карьеристом его считает. — Варгин слегка замялся и добавил, улыбаясь: — Полагает этот субъект, что из-за Анны Рожиной ставит Сергей Доронин все свои рекорды.

— Как же это понять, однако? — удивленно пожал плечами Булавин. — Выходит, значит, что машинист Доронин, уподобясь средневековому рыцарю, посвящает трудовые подвиги только даме своего сердца и ни о каком патриотизме и социалистическом отношении к труду тут и помину нет?

— Да уж где Гаевому допустить такое! — презрительно усмехнулся Варгин.

Пройдясь несколько раз по комнате, Булавин приказал:

— Необходимо в эти дни ни на минуту не выпускать Гаевого из поля зрения.

— Я уже продумал этот вопрос, товарищ майор, и принял все необходимые меры, — ответил Варгин и, помолчав, добавил: — Хуже нет этой неопределенности!..

— Будем надеяться, что ответ Гаевого разрядит обстановку, — заметил Булавин. — А с ответом он не заставит нас долго ждать.

Четыре тысячи тонн

На станции было совсем уже темно, когда Сергей Доронин с Алексеем Брежневым вышли от дежурного по депо станции Низовье. Сквозь затемненные стекла депо

не проникало ни одного луча света, только цветные точки на семафорах да матовые пятна стрелочных фонарей проступали из темноты. Едва Сергей и Алексей отыскивали свой паровоз на запасных путях, как к ним, запыхавшись, подбежал дежурный по станции, прикрывая фонарь полой шинели.

— Товарищ Доронин, выручайте, — проговорил он, едва переводя дыхание.

— А что такое?

— Соседнюю станцию бомбят, а мы уже по опыту знаем, что на обратном пути остаток бомб фашистские стервятники на нас сбросят. Выручайте. Сами, наверно, видели, как станция забита. Помогите разгрузить.

— Все, что только в силах будет, сделаем, Антон Евсеевич, — с готовностью ответил Сергей Доронин, всматриваясь в морщинистое взволнованное лицо дежурного, освещенное неверным светом колыхающегося в его руках фонаря.

— Сколько бы вы могли взять?

— Тысячи три с половиной.

— А четыре? Вы бы вывели тогда из-под удара два очень важных воинских состава: один с боеприпасами в две тысячи двести тонн, а второй с продуктами и обмундированием в тысячу семьсот пятьдесят. Итого — три тысячи девятьсот пятьдесят тонн.

Сергей задумался. Никому еще из машинистов Воеводина не доводилось водить поезда с таким весом. Удастся ли втащить четыре тысячи тонн на Грибовский подъем?

Дежурный настороженно смотрел Доронину в глаза. Брежнев, стоявший рядом, нервно покашливал.

— Как с водой? — повернувшись к помощнику, коротко спросил Сергей.

— Полный бак.

— Уголь?

— Экипированы полностью.

— По рукам, значит? — улыбнулся дежурный.

Сергей молча влез на паровоз, посмотрел на манометр, заглянул в топку.

Дежурный, полагая, что машинист все еще колеблется, заметил, поднимаясь в паровозную будку:

— С диспетчером все согласовано уже, так что на этот счет можете быть спокойны.

— На этот счет мы всегда спокойны, — ответил за Доронина Алексей Брежнев.

— Какие же у вас еще сомнения? — с тревогой спросил дежурный.

Сергей вытер руки концами текстильных отходов и, бросив их в топку, заявил твердо:

— Нет у нас больше никаких сомнений, Антон Евсеевич. Доложите диспетчеру, что мы готовы взять четыре тысячи тонн.

— Оба состава, значит? — оживился дежурный.

— Оба.

— Может быть, с дежурным по депо сначала посоветоваться? — предложил Брежнев, взволнованно посмотрев в глаза Доронину. — Он человек опытный, подскажет, как лучше быть. Никто ведь еще на всей нашей дороге не водил таких поездов. Не сорваться бы...

— Некогда теперь терять время на консультацию, Алексей. Займись-ка лучше своим делом. Подкинь лучшего угля в топку, подкачай воды в котел, включи сифон да поднимай пар до предела.

— Ну, кажется, обо всем договорились? — облегченно вздохнув, спросил дежурный.

— Обо всем, Антон Евсеевич.

— Подавайте, в таком случае, машину на восьмой путь под первый состав.

Сергей Доронин еще раз осмотрел топку, проверил

песочницу, велел кочегару продуть котел и только после этого, приоткрыв слегка регулятор, тронул паровоз с места.

Сигнала фонарями и духовыми рожками, стрелочники вывели локомотив Доронина к первому составу. Несколько минут длились маневры. Наконец удалось соединить оба состава в один.

Теперь оставалось только дожидаться главного кондуктора, чтобы двинуться в путь. Сергей включил паровоздушный насос, подкачивая воздух в главный резервуар локомотива, и, высунувшись в окно, стал всматриваться в цветные пятна сигнальных огней станции. Мягко защелкали поршни насоса, заглушая назойливое гуденье воды в котле. Мелко вздрагивая, красная стрелка воздушного манометра медленно поползла по шкале к цифре «пять».

То и дело поглядывая на часы, Сергей нетерпеливо ожидал Никандра Филимоновича.

Наконец Сотников вынырнул из-под вагонов соседнего состава. Он тяжело дышал, а сумка его, набитая поездными документами, топорщилась заметнее, чем обычно.

Чего только не было в этой сумке: и натурный лист поезда с перечнем вагонов, входящих в состав поезда, и маршрутный журнал, и отдельные разноцветные документы на каждый груженный вагон. Со всем этим главному кондуктору нужно было не только ознакомиться, но и тщательно сверить данные этих документов с наличием вагонов и грузов в составе поезда.

«Нелегкая работа у Никандра Филимоновича», — подумал невольно Сергей Доронин, глядя на пузатую дорожную сумку главного кондуктора, висевшую на ремне через плечо.

— Ну как, — спросил он Сотникова, высовываясь из будки, — все в порядке?

— Все в порядке, Сергей Иванович. Поехали! — весело крикнул Сотников.

— По местам! — скомандовал Доронин и взялся за хромированную ручку регулятора, горящую отражением пламени ярко полыхающей топки.

Прикинув расчет необходимой мощности локомотива, Сергей быстро переставил переводный механизм на задний ход и твердо сжал рукоятку регуляторного вала.

Послышалось тягучее, хрипловатое шипенье пара, прислушавшись к которому Сергей Доронин почти физически ощутил, как струится он в цилиндр паровой машины.

Осторожно, будто пока только пробуя свои силы, давил этот пар на поршень цилиндра, приводя в еле заметное движение через систему штоков, шатунов и кривошипов ведущие колеса паровоза.

Брежнев, затаив дыхание, не отрывал глаз от рук Сергея, который, стиснув зубы и хмурясь, как всегда в ответственную минуту, поспешно переключил переводной механизм паровоза на передний ход.

Сжатые сцепные приборы поезда теперь разжимались, как крутая мощная пружина, помогая паровозу взять состав с места.

И вдруг, как из пушки, вырвался выхлоп пара и газов из дымовой трубы. Ярко вспыхнуло и качнулось пламя в котле.

— Взяли! — радостно воскликнул Брежнев, дергая за рукоятку песочницы.

Не раз уже наблюдал он, как брал Сергей тяжеловесные составы с места, и все никак не мог привыкнуть к этим волнующим минутам. Лоб и руки его покрывались легкой испариной, и он, несмотря на недовольство Сергея, всякий раз торжественно выкрикивал это победное слово: «Взяли!»

Нерасшифрованное донесение Гаевого

Письмо Марии Марковны, адресованное Глафире Добряковой, доставили капитану Варгину на следующий день утром. Он тотчас же доложил об этом майору.

— Выходит, что Гаевой ответил на запрос тринадцатого не задумываясь, — слегка приподняв брови, заметил Булавин. — Принимайтесь же за анатомирование этого послания, Виктор Ильич. Вы уже обнаружили шифровку?

— Нет, товарищ майор. Я лишь вскрыл письмо и прочел пока только открытый текст.

— Ну, так не теряйте же времени и приступайте к делу.

До полудня майор терпеливо ждал результатов исследования письма, но как только стрелка часов перевалила за двенадцать, нетерпение его стало возрастать. В час дня он сам пошел к Варгину.

Капитан сидел за столом и, склонившись над письмом тети Маши, внимательно рассматривал что-то в сильную лупу. Волосы его были всклокочены, цвет лица неестественно бледен. На столе перед ним в беспорядке лежали ножички, ножницы, ванночки с какими-то жидкостями, кисточки различных размеров, баночки с клеем, миниатюрные фотоаппараты и нагревательные электроприборы. Тут же сидел лаборант, промывая что-то в стеклянном сосуде.

— Как успехи, Виктор Ильич? — спросил Булавин, остановившись у дверей.

Капитан чуть вздрогнул от неожиданности и, не поднимая головы, мельком взглянул на Булавина:

— Туго дело, товарищ майор. Удалось пока только обнаружить зашифрованную запись. Уж очень хитро Гаевой ее запрятал. Ключ к шифру еще не найден.

— Ну, не буду вам мешать, в таком случае, —

стараясь казаться спокойным, заметил Булавин и тихо вышел.

Капитан Варгин не покидал своей комнаты весь день. Булавин больше не беспокоил его, хотя шифровка Гаевого очень волновала майора и не давала сосредоточиться на другой работе. Что бы ни делал он в этот день, мысли его были заняты одним: ответом Гаевого.

В четыре часа дня Булавин позвонил на почту, чтобы справиться о времени отправки из Воеводина иногородней корреспонденции.

Оказалось, что письма отправляют ровно в шесть вечера.

В распоряжении капитана Варгина осталось всего два часа. Успеет ли он за это время расшифровать донесение Гаевого?

В том, что письмо нужно отправить по адресу в тот же день, у Булавина не было никаких сомнений. Задержка письма сразу же насторожила бы агента номер тринадцать. Кто знает, какой вывод сделает он: заподозрит ли в чем-нибудь самого Гаевого или усомнится в его способности дать подлинную оценку обстановки на станции Воеводино? Но в том и в другом случае он, конечно, захочет проконтролировать Гаевого и пошлет, наверное, в Воеводино своего контрагента, и это более всего тревожило Булавина.

В пять часов майор послал шифрованную телеграмму-молнию полковнику Муратову. С нетерпением ожидая ответа, непрерывно ходил он по кабинету, обдумывая решение, которое нужно будет принять, если ответ от полковника не придет к шести часам.

Без двадцати шесть майор в последний раз взглянул на часы и решительно направился к кабинету Варгина.

— Ну как? — коротко спросил он.

Капитан только сокрушенно покачал головой.

— Вы переписали шифр с письма Марии Марковны? — снова спросил Булавин.

— А его зачем переписывать. Он нанесен по тому же методу, что и в первом зашифрованном письме Гаевого.

— Как же именно?

— Фотографическим методом: обнаружен после фотографирования письма Гаевого.

— Ну, раз шифр у нас есть, запечатайте письмо и срочно отправьте его на почту.

— Как! — капитан поднялся из-за стола и удивленно посмотрел на майора. Ему показалось, что он ослышался. — Отправить письмо до того, как мы прочтем шифровку?

— Если нам это не удалось, письмо придется отправить так, — спокойно ответил Булавин. — До отправки почты из Воеводина осталось всего семнадцать минут. Приведите письмо Марии Марковны в должный вид и немедленно отошлите на почту.

— Но как же можно пойти на такой риск, товарищ майор? — недоумевал Варгин. — Нельзя разве задержать письмо до следующей почты?

— Нет, этого не следует делать. На письме Гаевого стоит дата, очевидно есть дата и в шифре. Тринадцатому легко будет прикинуть, когда письмо Марии Марковны должно было бы прийти к Глафире Добряковой. Они ведь не первый день переписываются.

— Но ведь война же, товарищ майор, — заметил Варгин, который все еще никак не мог прийти в себя от неожиданного для него решения Булавина. — Мало ли почему может задержаться письмо. Нельзя же требовать в такое время особенной четкости от почты.

— Все это так, — согласился Булавин, — но такие люди, как Гаевой и тринадцатый, все время находятся настороже. Всякая задержка их корреспонденции не может не показаться им подозрительной. До сих пор у них

все шло довольно четко, а тут вдруг, когда тринадцатый ждет такого важного донесения от Гаевого, письмо почему-то задерживается. Нет, мы ничем не должны вызывать их подозрений. Пусть они остаются в убеждении, что у них все идет попрежнему благополучно.

Майор посмотрел на часы.

— Осталось всего пятнадцать минут. Поторапливайтесь, товарищ капитан!

Пока Варгин запечатывал письмо, в комнату зашел дежурный офицер.

— Товарищ майор, — обратился он к Булавину, — срочная телеграмма из Управления генерала Привалова.

— Давайте ее скорее! — оживленно воскликнул Булавин, почти выхватывая телеграмму из рук дежурного.

Варгин, отложив письмо, поспешно подошел к майору.

— Все в порядке, Виктор Ильич, — и Булавин протянул капитану телеграмму. — Познакомьтесь с ответом Привалова и немедленно отсылайте письмо Марии Добряковой.

Варгин взглянул на телеграфный бланк и торопливо прочитал:

«На ваш запрос за номером 00121 отвечаю: действуйте по собственному усмотрению в связи с обстановкой. Жду вас с докладом о принятых мерах. Привалов».

С двойным составом

Едва выехал Сергей Доронин за пределы станции, как над Низовьем вспыхнула осветительная ракета. Почти неподвижно повиснув в воздухе, она залила станцию призрачным, мерцающим светом.

— Фонарь повесили, сволочи! — выругался кочегар Телегин, вглядываясь с тендера в небо. — Теперь, как днем, бомбить будут.

Высунувшись в окно паровозной будки, Сергей медленно стал добавлять пар в цилиндры машины, крепко стиснув холодную рукоятку регулятора. Поезд шел пока по небольшому уклону, за которым следовала десятикилометровая ровная площадка. За ней начинался крутой подъем пути — самый тяжелый на всем участке дороги от Низовья до Воеводина. Чтобы преодолеть его, нужно было набрать возможно большую скорость и припасти побольше пара.

Сергей посмотрел на манометр. Рабочая стрелка его была у контрольной черты. Давление пара в котле приближалось к пределу. Доронин обернулся. Помощник его, Алексей Брежнев, с обнаженной головой, мокрый от пота, регулировал подачу топлива в топку, то и дело поглядывая на водомерное стекло, чтобы не упустить уровень воды в котле. Кочегар Телегин разгребал в тендере уголь.

Напряженно вглядываясь через окно в насыпь дорожного полотна, Сергей видел убегавшие вперед и растворявшиеся в темноте светлые полосы рельсов, отражавшие своей полированной поверхностью свет луны. Поезд теперь довольно далеко отошел от станции, и когда Доронин обернулся назад, он не различил уже ее строений, заметил только яркие вспышки разрывов зенитных снарядов и пестрые строчки трассирующих пуль. Звуков выстрелов в грохоте поезда почти не было слышно.

Но вдруг мощные снопы пламени поднялись к небу в разных местах, четко очертив контуры станционных зданий, а спустя несколько минут звуковая волна глухо ударила в уши Сергея, заглушая на мгновение шум мчащегося поезда.

— Бомбят, гады! — воскликнул Брежнев, высовываясь в окно паровозной будки.

Сергей до отказа отжал рукоятку регулятора. Поезд шел теперь на предельной скорости, и дробный стук множества колес его сливался в сплошной грохот.

«Только бы взять подъем за счет инерции, — тревожно думал Сергей, шуря глаза от резкого встречного ветра, — только бы не израсходовать всех запасов пара!»

Обернувшись к членам своей бригады, он решил было поговорить с ними о том, как важен для фронта этот состав с боеприпасами и продовольствием, но отказался от этой мысли: разве скажешь им словами больше того, что сами они чувствуют и переживают? У Брежнева ведь отец и два брата на фронте, а у Телегина от бомбы вся семья погибла.

Так и не сказав ничего своим помощникам, Доронин снова высунулся в окно, всматриваясь в путь. Сергей знал, что начались уже вторые сутки работы по уплотненному графику. Он был первым машинистом, начинавшим трудовую вахту этих новых суток, и ему очень хотелось ознаменовать ее большой победой.

По возросшим воинским перевозкам, по характеру перевозимых грузов и по многим другим признакам Сергей чувствовал, что на фронте готовится что-то серьезное. Он вспомнил, как год назад пришел в партийный комитет своего депо с заявлением об отправке на фронт. Добрый час объяснял ему тогда секретарь парткома, что в такое трудное время Сергей Доронин, лучший машинист станции Воеводино, нужнее всего именно здесь, в депо, на ответственном трудовом фронте. Теперь прежние мечты все чаще стали волновать Сергея. Ему казалось, что значительно изменилась в последнее время обстановка в Воеводине. Секретарь партийного комитета не мог бы уже сказать, что Сергей Доронин незаменим. Выросли

в депо и другие машинисты, стахановский труд которых сделал возможным осуществление уплотненного графика.

В депо Низовья Доронин узнал, что сутки работы по этому графику прошли отлично.

Сергей хорошо знал возможности своих товарищей и не сомневался в положительном исходе работы по уплотненному графику и на вторые сутки. Только бы самому одолеть теперь Грибовский подъем, до которого оставалось не более километра. Дальше будет уже не страшно, потому что самый тяжелый профиль пути останется позади. К тому же Анна, которая дежурит сегодня, непременно обеспечит ему «зеленую улицу», и он с ходу возьмет и Грибово и многие другие станции.

По щекам Сергея от резкого встречного ветра текли слезы. Как там Анна? С волнением следит, наверно, за стрелкой часов, с нетерпением ожидая той минуты, когда поезд Сергея должен будет проследовать через станцию Грибово. Она-то знает, что значит втащить на Грибовский подъем четыре тысячи тонн!

Сергей представил себе ее доброе, слегка продолговатое лицо, склонившееся над графиком, и густые брови, нахмуренные, как всегда, в минуту волнения. Залегли, наверно, между ними глубокие складки у переносицы, плотнее сжались полные губы. Пальцы стиснули толстый цветной карандаш, и ей, конечно, очень хочется поскорее прочертить им на графике линию пройденного Сергеем пути от станции Низовье до Грибова.

Сергей все чаще думал теперь об Анне и досадовал, что ни разу не поговорил с нею по-настоящему, не сказал, как дорога она ему.

Хорошо еще, что умная, чуткая Анна без слов все понимает.

...Сергей почти не отрывался от окна, наблюдая за со-

стоянием пути, видимость которого была очень ограничена (из-за опасности воздушного налета нельзя было включить поездной прожектор).

До рези в глазах всматривался Доронин в ночную тьму. Когда путевые обходчики сигналили ему стеклами фонарей, извещая об исправности пути, на сердце становилось теплее. Они всегда были на своем трудовом посту, эти скромные труженики транспорта — путевые обходчики. Днем и ночью, в дождь и нестерпимый зной, в снежную бурю и весеннее распустье с одинаковым вниманием следили они за состоянием пути, и от их бдительности зависела судьба поездов, людей и грузов. И вот они стояли теперь со своими сигнальными фонарями по пути следования поезда Сергея, и он приветливо кивал им головой, хотя вряд ли кто-нибудь из них мог заметить его ночью в окне будки паровоза, стремительно несущегося вперед.

На крутом подъеме

Поезд вступил на подъем и заметно замедлил ход. Сергей, включая песочницу, то и дело подсыпал песок под колеса паровоза — для большего сцепления их с рельсами — и тревожно прислушивался к отсечке пара в цилиндрах. Она напоминала теперь дыхание человека, тяжело идущего в гору.

Взглянув на манометр, тускло освещенный синей лампочкой, Сергей заметил, как его вороненая стрелка дрогнула и стала медленно сползать с красной контрольной черты.

— Ничего идем, Сергей Иванович, — бодро заметил Доронину Брежнев, тоже бросив беглый взгляд на манометр. — Почти не сбавляем скорости.

Однако по тому, как глянул он на манометр, Сергей понял, что бодрость Алексея была напусковой. Не пода-

вая виду, что разделяет опасения помощника, Сергей в тон ему весело произнес:

— Кормите получше нашего молодца, а уж он не подведет.

— Да уж куда больше, — ответил Брежнев: — слышишь, как стокер расшумелся?

Стокер, подававший уголь из тендера в топку паровоза, действительно работал непрерывно, разбрасывая по топке всё новые и новые порции угля. Но стрелка манометра все-таки продолжала падать. Правда, в этом пока не было ничего особенно страшного, так как подъем всегда съедал много пара, но Сергею казалось все же, что давление падает слишком быстро.

«А что, если мы застрянем? — пронеслась тревожная мысль. — Придется тогда вызывать резервный паровоз и по частям втаскивать застрявший состав на подъем. Все движение на участке от этого застопорится».

Распахнув дверцы, Сергей заглянул в топку. Раскаленная поверхность угля была неровной. То там, то здесь виднелись утолщения, а в провалах уже темнели пятна злокачественной опухоли шлака.

— Что там у вас с углем такое? — взволнованно крикнул Сергей, обернувшись к Брежневу и Телегину.

— Все в порядке, Сергей Иванович, — удивленно ответил помощник. — Стокер полным лотком уголь захватывает.

— Как же все в порядке, если в топке угля не хватает и лежит он к тому же неровным слоем? — стараясь сдерживать волнение, спросил Сергей.

При этом он ни словом не обмолвился о главной своей тревоге — падении давления пара на целых три атмосферы.

В отверстие контрбудки выглянул Телегин, черный, как негр, от угольной пыли.

— Самолеты над нами! — дрогнувшим голосом крикнул он и спустился с тендера в будку машиниста.

— Закрой топку, — коротко приказал Сергей Брежневу. — Скорей дай сигнал воздушной тревоги поездной бригаде.

Сделав это распоряжение, Доронин быстро взобрался на тендер и стал внимательно осматривать ночное небо. В грохоте поезда он не слышал шума авиационных моторов и увидел самолеты только тогда, когда они тускло блеснули в свете луны, разворачиваясь и ложась по курсу поезда. Их было три или четыре. Они довольно низко спустились над поездом и пролетели вдоль него.

«Может быть, это те, что бомбили Низовье, и у них не осталось уже запаса бомб?..» — подумал Сергей.

Но в это время вспыхнула осветительная ракета, и все вокруг стало видно, как днем. Поезд все еще шел на подъем, и ход его теперь уменьшился почти вдвое.

Осмотрев окрестности, Сергей снова поднял вверх голову и глянул в потемневшее небо, отыскивая самолеты, но тут один из бомбардировщиков с пронзительным, тошнотворным визгом, слышным даже сквозь шум поезда, пошел в пике. Сергей невольно пригнулся, но бомбардировщик лишь прострочил по поезду длинной очередью трассирующих пуль.

«Значит, это в самом деле те, что были в Низовье», — решил Сергей и крикнул кочегару:

— Ты куда это спрятался, Телегин? Живо на тендер!

Телегин торопливо взобрался к Сергею и, поглядывая на небо, стал подгребать уголь к лотку стокера.

— Нечего ворон считать, — строго сказал ему Доронин. — Возьми сейчас же шланг и хорошенько смочи уголь водой. Разве Алексей не учил тебя, что нужно делать?

Самолеты еще несколько раз пикировали на поезд, обстреливая его из пулеметов, и наконец улетели. Только осветительная ракета все еще висела в воздухе, но и она теперь была позади и уже не сверху, а сбоку освещала эшелон. Длинные косые тени паровоза и вагонов падали на железнодорожное полотно и торопливо бежали вперед, слегка опережая поезд.

Спустившись в будку машиниста, Сергей посмотрел на манометр. Стрелка его упала теперь с пятнадцати на девять атмосфер.

— Никогда еще подъем не пожирал у нас столько пара, — с тревогой произнес Брежнев. — Да и скорость сильно упала. Ох, не засестъ бы!..

— Хватит охать, Алексей! — оборвал его Доронин. — Это ведь по твоей вине сел пар. Леня было на тендер подняться, за Никифором присмотреть!

Отвернувшись от Брежнева, Сергей высунулся в окно будки и подставил разгоряченную голову холодному ветру.

Видя, что машинист не желает с ним разговаривать, Алексей полез на тендер и, заметив, что кочегар поливает уголь из шланга, только тут сообразил, в чем дело.

— Ты что же, Телегин, сейчас только начал уголь смачивать? Объяснял ведь тебе, что сухой мелкий уголь при сильной тяге выносит прямо в трубу, а смоченный аккуратно на колосники ложится и хорошо сгорает. Видно, здорово тебя фашистские самолеты напугали — аж память отшибло!

— Так ведь разве сообразишь, что к чему в такой кутерьме! — виновато признался Телегин.

— Мало ты еще под бомбежками бывал, — усмехнулся Брежнев. — Вот погоди, поездишь с нами еще месяцашко, перестанешь на фашистских стервятников внимание обращать. Теперь ступай-ка на паровоз да полю-

буйся, на сколько пар мы посадили. Кстати, тебе Сергей Иванович от себя что-нибудь добавит за доблестное несение службы. У него сейчас для этого настроение подходящее.

Телегин, опершись о лопату, остановился посреди тендера в нерешительности. Он растерянно улыбался, втайне надеясь, что Брежнев шутит, посылая его к машинисту, которого он всегда немного побаивался.

Лунный свет падал теперь на Телегина, и Алексей заметил вдруг густую темную полосу на лице кочегара.

Он торопливо шагнул к Телегину и провел рукой по его лицу. Пальцы ощутили липкую жидкость.

— Кровь! — испуганно воскликнул он. — Ты ранен, Никифор?

— Поцарапало слегка, — деланно небрежным тоном ответил Телегин. — При втором заходе самолетов нам ведь будку пулями прошило. Задело и меня чуть-чуть. Не надо только Сергея Ивановича зря беспокоить — царапина пустяковая.

— Ничего себе «пустяковая»! Клок волос даже вырвало. Давай-ка я забинтую поскорее.

Индивидуальным пакетом, в котором были вата и бинт, Брежнев быстро и ловко перевязал голову Телегина.

— Лучше и в госпитале не забинтуют, — самодовольно заметил он. — Недаром я курсы ПВХО окончил.

В это время на тендер заглянул Сергей Доронин.

— Этакую прорву угля на ветер выбросили, а теперь дискуссии тут разводите! — В голосе Сергея, однако, не было уже прежнего раздражения. — Скажите спасибо, что вскарабкались мы на подъем, а то представляете, что бы с нами было?

Тут только заметив повязку на голове Телегина, он спросил с беспокойством:

— Что это с тобой, Никифор?

— Да так, пустяковина... — смущенно проговорил Телегин, разгребая уголь.

— Ранило его, Сергей Иванович, — заметил Брежнев. — Но он молодцом держится.

— Спускайся-ка в будку, Никифор, — распорядился Доронин. — Посмотрим, что там у тебя такое.

— Да что вы, Сергей Иванович! — замахал руками Телегин. — Нечего время на это тратить. Самая работа сейчас. Пар-то как сел в котле.

— Ну, если действительно в силах себя чувствуешь, то подсыпай угля в лоток покрупнее, — озабоченно заметил Доронин. — А ты, Алексей, приготовься жезл с хода у дежурного по станции принять. Через Грибово хоть и в обрез, но все-таки по расписанию проследуем.

Точка зрения майора Булавина

Прочитав телеграмму Булавина, генерал Привалов задумчиво произнес:

— Да, положение сложилось замысловатое.

Заложив руки за спину, он тяжело прошелся по кабинету, слегка припадая на левую ногу.

Полковник Муратов, наблюдая за ним, подумал: «Опять, видно, дает себя знать раненая нога...»

— Мне думается, — продолжал генерал, — майору Булавину следует предоставить свободу действий. Он умный, осторожный человек и обстановку у себя на станции знает лучше нас с вами, пусть же он и предпримет то, что подсказывает ему эта обстановка.

Муратов молчал, слегка нахмурился, и Привалов понял, что полковник не разделяет его мнения.

— Можете ответить Булавину, чтобы он действовал по своему усмотрению, — слегка повысил голос генерал, давая понять Муратову, что вопрос этот не подлежит

дальнейшему обсуждению. — Я проникся к майору Булавину уважением после того, как он предложил свой план дезориентации вражеской агентуры в Воеводине, и вполне ему доверяю.

У Привалова побаливала нога, но он продолжал прохаживаться по кабинету. Это помогало генералу думать. Ему хотелось обобщить свои мысли, сделать выводы.

— Знаете, что мне больше всего понравилось в плане майора Булавина? План этот хорош тем, что построен не на какой-то эффектной выдумке или хитрости, а на положениях принципиального характера. Ведь то, что Булавин предложил обеспечить перевозку увеличенного потока военных грузов обычным паровозным парком станции Воеводино, вовсе не ловкий трюк, а совершенно естественное решение, вытекающее из глубокого знания нашей действительности и возможное только в наших советских условиях.

На последних словах генерал сделал ударение, стараясь подчеркнуть их особенное значение. Остановившись перед Муратовым, он посмотрел на него повеселевшими глазами и повторил возбужденно:

— Да-да, товарищ Муратов! Вся сила решения Булавина в том, что возможно оно только в наших советских условиях и, стало быть, это глубоко принципиальное решение. Именно этим обстоятельством оно прекрасно защищено от врагов, не верящих в наши принципы и не понимающих их.

Взглянув на все еще нахмуренное лицо полковника, Привалов спросил:

— Скажите, разве гитлеровцы в состоянии допустить мысль, что план наш может строиться на непостижимом для них энтузиазме рабочих, решивших удвоить свою производительность для ускорения победы над врагом?

— Да, пожалуй, ставка на такой энтузиазм может показаться им зыбкой, — согласился полковник.

— Вот видите! А этот энтузиазм уже дает себя знать. Машинисты Воеводина перевозят вдвое больше грузов, не пополнив при этом своего парка ни одним паровозом. А противник все еще в полном неведении. Это теперь совершенно очевидно из перехваченной нами директивы гитлеровцев своим резидентам.

Полковник Муратов, сидевший возле письменного стола Привалова, не раз уже пытался встать, неловко чувствуя себя перед генералом, ходившим по комнате, но Привалов всякий раз снова усаживал его на место.

— А может быть, расценщик Гаевой хитрил и притворялся все это время? — осторожно заметил полковник. — Он ведь знает, оказывается, о стахановском лектории и даже нашел нужным донести о нем своим хозяевам.

— Но когда послано это донесение? Почти месяц назад. Видимо, Гаевой не придавал большого значения этому лектории, в противном случае он донес бы о его результатах, не ожидая напоминания. — Сказав это, генерал сел за стол и на листке настольного блокнота размашисто написал текст телеграммы. — Вот, — протянул он листок полковнику, — распорядитесь, чтобы это немедленно отправили Булавину. Я даю ему свободу действовать в зависимости от обстановки, но абсолютно не сомневаюсь в том, что именно он сделает. Пошлите, кстати, ему и вызов. Пусть доложит нам обо всем устно.

Анализ предполагаемых действий Гаевого

Майор Булавин прибыл в Управление Привалова на следующий день рано утром. Полковник Муратов не стал ни о чем его спрашивать и повел к генералу.

— Здравствуйте, товарищ Булавин! — Привалов протянул майору руку. — Садитесь и докладывайте.

Булавин волновался, не зная, как отнесется генерал к его решению об отправке нераскодированного письма Гаевого. Он сел в кожаное кресло против генерала. Привалов не скрывал своего интереса к предстоящему докладу Булавина и сосредоточенно смотрел в глаза майору.

— Прежде всего, — начал Булавин, чувствуя неприятную сухость во рту, — позвольте доложить вам, что, получив вашу телеграмму, разрешающую мне действовать в соответствии с обстановкой, я счел возможным отправить донесение Гаевого, не расшифровав его.

Замолчав, он пристально посмотрел на Привалова. Лицо генерала показалось ему непроницаемым.

— Объясните, почему вы решились на это, — спросил генерал, и майору показалось, что внимательные глаза его стали строже.

— Я поступил так, товарищ генерал, потому что не сомневался в том, каков может быть смысл зашифрованного донесения Гаевого, — ответил Булавин, твердо выдержав взгляд Привалова.

Торопливо отстегнув полевую сумку, которая висела у него на поясе, майор вынул из нее листок бумаги, исписанный четырехзначными цифрами. Протянув его генералу, он продолжал:

— Вот цифровые группы обнаруженного нами шифра Гаевого. По количеству их видно, что текст донесения необычно длинный. О чем мог доносить Гаевой так многословно? Если бы ему был известен наш замысел, он ведь сообщил бы об этом, не ожидая запроса агента номер тринадцать. Остается допустить, что Гаевой так пространно излагал только свои личные соображения о лектории, организованном стахановцами депо Воеводино.

— А почему бы не предположить, — спросил Муратов, — что, получив запрос от тринадцатого, Гаевой тайно навел справки и теперь подробно доносит обо всем?

— Этого не может быть, товарищ полковник, — уверенно заявил Булавин. — Мы следим за каждым шагом Гаевого и точно знаем, что он никуда не ходил и ни с кем не встречался. Прочитав шифровку на почтовой марке письма Глафиры Добряковой, он в ту же ночь принялся писать тринадцатому ответ на его вопрос о том, каково практическое значение стахановского лектория.

Заметив, что Привалов одобрительно кивнул головой, Булавин решил, что генерал, видимо, удовлетворен ходом его рассуждений, и продолжал уже с большей уверенностью:

— Что же мог ответить Гаевой? Для того чтобы допустить, что лучшие машинисты поделятся своим передовым опытом, а отстающие воспользуются этим опытом и станут работать лучше, нужно прежде всего поверить в искренность желания машинистов-стахановцев передать такой опыт без малейшей утайки, передать для общего дела ускорения победы над врагом.

Сказав это, майор Булавин смущенно посмотрел на Привалова и торопливо заметил:

— Извините, товарищ генерал, что приходится говорить такие прописные истины, но я считаю необходимым повторить их, чтобы яснее представить себе логику предполагаемого ответа Гаевого.

— Я вовсе не считаю лишними эти рассуждения, — ответил генерал, поудобнее усаживаясь в кресле.

Взглянув на полковника Муратова, казалось застывшего в неподвижной позе, майор продолжал:

— Гаевой не мог поверить в искренность желания машинистов-стахановцев передать свой опыт отстающим.

В этом у меня нет ни малейшего сомнения. А не поверил он в это потому, что вообще, видимо, склонен подозревать в людях только самые низменные чувства. В Сергее Доронине, инициаторе создания стахановского лектория, он, например, предполагает только карьериста. С точки зрения Гаевого, передав свой опыт другим, стахановцы из передовиков станут рядовыми машинистами, ибо высокие нормы их производительности будут выполняться уже всеми прочими машинистами депо.

— Если вы не очень заблуждаетесь в психологии Гаевого, — заметил генерал Привалов, выслушав Булавина, — то я полагаю, что вы поступили правильно, не задержав его донесения. А что касается мировоззрения Гаевого, то это, должно быть, типичное мировоззрение профессионального шпиона. Дело, видите ли, в том, что мы приблизительно знаем уже, кто такой этот Гаевой. На одной из наших железнодорожных станций мы поймали фашистского шпиона, который рассказал нам кое-что. Незадолго до начала Отечественной войны он вместе с группой других шпионов окончил в Германии специальную школу, готовившую агентуру для шпионской и диверсионной работы на железнодорожных станциях нашего тыла. Ни лиц, ни даже фамилий своих коллег он, конечно, не знает (такова, как известно, система обучения в шпионских школах), поэтому не мог сообщить нам ничего, кроме номера агента, через которого он посылал свою информацию. Мы, однако, почти не сомневаемся, что Гаевой (фамилия его, конечно, вымышленная) — воспитанник той же школы, что и арестованный нами Курт Шуслер.

— Значит, мы поступили правильно, временно оставив Гаевого на свободе? — спросил Булавин. — Он ведь тоже, видимо, не сможет ничего сообщить нам об агенте номер тринадцать, а контроль за информацией Гаевого рано или поздно поможет нам уличить его.

— Да, это была одна из причин, по которой я дал согласие не трогать пока Гаевого,— ответил Привалов.— Вторая причина не менее существенна: Гаевой невольно помогает нам скрыть тайну направления главного удара наших войск, информируя свое начальство о мнимом спокойствии на станции Воеводино.

План генерала Привалова

Когда майору Булавину было разрешено возвратиться в Воеводино и Привалов с Муратовым остались одни, генерал спросил Муратова:

— Ну-с, полковник, удовлетворены вы точкой зрения Булавина?

Муратов медлил с ответом, а генерал, хорошо знавший его недоверчивость, добавил, улыбаясь:

— Отличная логика у этого майора.

— Согласен с вами относительно логики, — отозвался полковник. — Но иногда шпионы действуют вопреки всякой логике.

— Бывает и так, — согласился Привалов, — однако на сей раз мы, кажется, не очень-то заблуждаемся.

Встав из-за стола, генерал тяжело прошелся по комнате.

— Пришло время, товарищ Муратов, — решительно произнес он, останавливаясь перед полковником, — предпринять кое-что, чтобы дать свое направление предстоящим событиям.

Полковник настороженно поднял глаза, а Привалов, снова усевшись на свое место, заявил:

— Пора нам переходить к активной дезориентации гитлеровской разведки.

Полковник, понявший эти слова как приказ, поднялся и слушал генерала уже стоя.

— Я поговорю сегодня с командующим и постараюсь убедить его усилить паровозный парк депо станции Озерной, — продолжал Привалов, расстелив на столе карту прифронтового района. — Оно обслуживает поезд, идущие к правому флангу нашего фронта, на котором никаких активных действий, как вам известно, мы не собираемся предпринимать, но пусть гитлеровские шпионы думают, что мы затеваем там что-то. Нужно приковать их внимание к этому участку, чтобы ослабить интерес к другим пунктам.

— Это очень своевременно, — согласился Муратов, и неподвижное лицо его слегка оживилось. — Меня все-таки очень сильно тревожит нерасшифрованное письмо Гаевого, несмотря на всю кажущуюся убедительность доводов майора Булавина. Помните, у нас был в прошлом году в Новосельске такой случай, когда неприятельский агент пытался разыгрывать из себя простака?

— Пытаться-то пытался, — усмехнулся Привалов, — но ведь не удалось!

— Ему не удалось, а Гаевому, может быть, пока удастся. Во всяком случае, прежде чем мы не расшифруем его последнего донесения, нужно сделать и такое допущение. Откровенно говоря, смущает меня еще и то обстоятельство, что на письмах, предшествующих этому донесению, не было замечено никакого шифра. А может быть, он был все-таки, только обнаружить не удавалось?.. — Не дождавшись ответа генерала, полковник продолжал: — Если Гаевой даже и сообщит что-нибудь важное своим хозяевам, мы должны спутать карты гитлеровской разведки, рассредоточив ее внимание. Ваше предложение об увеличении паровозного парка в Озерной направлено как раз на достижение этой цели. Нам необходимо создать видимость напряженной работы на Озерном участке железной дороги.

Генерал прикинул по координатной сетке карты длину линий фронта между двумя конечными станциями правого и левого флангов и, указав пальцем на станцию Озерная, заявил:

— В первые два-три дня мы постараемся перебросить на этот участок не только лишние паровозы, но и добавочные грузы, а может быть, даже и войска. Пусть гитлеровские агенты донесут об этом своему начальству, но затем нужно будет тут же ликвидировать этих агентов. А пока зашлют новых, мы уже закончим сосредоточение сил на левом фланге нашего фронта, перебросив туда прифронтовыми шоссейными дорогами и ту часть войск и техники, которую направим через станцию Озерную.

Генерал перелистал настольный календарь, сделал на нем какие-то пометки и продолжал:

— Это во-первых. А во-вторых, нужно принять все меры, чтобы узнать наконец, кто из родственников Добряковой проявляет особенный интерес к ее переписке с Гаевым. Мне кажется, что последнего письма Гаевого кто-то ждет сейчас с большим нетерпением. Воспользуйтесь этим обстоятельством, товарищ Муратов.

Гаевой посещает паровозное депо

Гаевой казался Алехину очень озабоченным весь этот день. Он больше обыкновенного копался в бумагах и старых канцелярских книгах и почти не разговаривал с Семеном. Только в обеденный перерыв спросил его мнение о номере паровоза, неразборчиво написанном на наряде.

— Взгляни-ка сюда, Семен, — присизнес он с деланным, как показалось Алехину, равнодушием. — У тебя глаза помоложе, а я не разберу что-то: двадцать

семь сорок девять тут или двадцать четыре семьдесят девять?

— Какая, в конце концов, разница, Аркадий Илларионович? — недовольно поморщился Алехин.

Он протянул руку за нарядом. Но Гаевой убрал вдруг наряд в стол и бросил на Алехина сердитый взгляд.

— Извините за беспокойство, — сказал он с иронией. — Не буду вас больше утруждать. Самому, видно, придется сбегать в депо, уточнить номерок.

И он действительно ушел в депо. Семен хотел пойти вслед за ним, но во-время спохватился, сообразив, что этим он только вызовет подозрение Гаевого. Но что же все-таки делать? Ведь нужно обязательно узнать, чем будет интересоваться Гаевой в депо. Может быть, позвонить капитану Варгину? Нет, из конторы этого делать нельзя. Капитан не одобрит. Что же предпринять? Сбегать самому к капитану Варгину? И это не годится. Ему не успеть туда и обратно за время обеденного перерыва, а если он опоздает, Гаевой непременно обратит на это внимание. Нельзя давать Гаевому повода к подозрению.

Поразмыслив, Алехин решил, что самым благоразумным будет ничего пока не предпринимать, спокойно ожидать возвращения Гаевого, а вечером, после работы, сообщить обо всем Варгину.

В конце концов, не было ничего особенно страшного в том, что Гаевой пошел в депо. В стойлах депо стоят обычные паровозы, номера которых давно ему известны. Вот разве бронепаровоз? Но о нем Гаевой, видимо, уже слышал.

Из разговоров же деповских рабочих вряд ли он узнает что-нибудь. Время военное, и всякий понимает, что значит бдительность и сохранение не только военной, но и производственной тайны.

Пусть бы пошел сейчас кто-нибудь на станцию и попробовал поинтересоваться, много ли поездов через нее проходит! Не поздоровилось бы такому любопытному: любой станционный рабочий отправил бы его куда следует.

Когда Гаевой вернулся наконец из депо, Алехин заметил, что расценщик как будто повеселел. Он не хмурился, как утром, и даже заговорил с Семеном первым.

— Я не в обиде на тебя, Семен, — добродушно сказал он, доставая из стола бутерброд. — Напротив, мне бы поблагодарить тебя следует — аппетит нагулял на свежем воздухе. И ты не обижайся, что ворчу иной раз. Мне ведь есть с чего быть раздражительным — не так-то легко переносится потеря семьи...

Всю остальную часть дня был он очень благодушно настроен и, казалось, всячески старался задобрить Алехина.

С нетерпением дожидался Семен конца работы. Однако, выйдя из конторы, он не пошел тотчас же к капитану Варгину, а направился, как обычно, к себе домой. Дома торопливо переоделся, вышел в коридор, где висел телефон общего пользования, и, убедившись, что поблизости никого нет, набрал номер телефона Варгина. Капитан отозвался тотчас же, и они условились о месте встречи.

Беседа состоялась спустя полчаса. Алехин рассказал Варгину о посещении Гаевым паровозного депо и о странной перемене настроения Гаевого. У Алехина создалось впечатление, что расценщик был вначале обеспокоен чем-то, но после посещения депо успокоился, и это теперь сильно тревожило Семена.

— Спасибо, Сеня, за сведения, — выслушав Алехина, поблагодарил его капитан, — они, пожалуй, пригодятся нам.

Еще одна шифровка Гаевого

Вот уже несколько дней капитан Варгин трудился над донесением Гаевого. Никогда еще не попадалось ему ничего более замысловатого. Неутомимо сидел он над группами цифр шифровки, пытаясь найти какую-нибудь закономерность в их чередовании. Майор Булавин освободил его от всех других работ, и капитан ни о чем ином, кроме донесения Гаевого, теперь не думал. Он хорошо знал, как важно своевременно расшифровать его, чтобы судить о намерениях врагов и не дать им возможности проникнуть в тайну замыслов советского командования.

После многих часов мучительных поисков Варгину стало казаться, что он нащупал какую-то ниточку в этом запутанном клубке.

Однако едва возникла эта смутная надежда, как с почты принесли еще одно письмо, адресованное Глафире Добряковой. Капитан и на нем обнаружил невидимый секретный текст и целый день просидел, изучая и сличая его с текстом первого письма.

— Полагаю, что шифр тот же, — заявил он Булавину, когда майор зашел к нему, — так что, если удастся разгадать любой из них, прочтем оба донесения сразу. Кто знает, может быть это находится в какой-то связи с вчерашним посещением Гаевым паровозного депо!

— Вполне возможно, — согласился Булавин.

— Неважное, однако, дело получается, — вздохнул Варгин. — Предыдущее донесение написал он, не выходя из дому, а на этот раз в депо побывал.

Булавин упорно молчал, размышляя. Варгин взглянул на часы и произнес с тревогой в голосе:

— Подходит время возвращать и это письмо. Что делать будем: отправим или придержим?

— Отправляйте, — решительно заявил майор.

— Но ведь чорт его знает, этого Гаевого, что он там высмотрел в депо!..

— Я не думаю, чтобы он мог высмотреть что-нибудь особенное, — перебил капитана Булавин, дивясь тому, какую кипу бумаги исписал Варгин в поисках разгадки шифра.

— Ну, все-таки, — неуверенно возразил Варгин, комкая часть исписанных листов и бросая их в корзину. — Он мог заметить хотя бы бронепаровоз, который сооружают слесари и машинисты в неурочное время в подарок фронту.

— А где теперь не сооружают таких бронепаровозов и даже целых бронепоездов? — спросил Булавин, взяв у Варгина фотографии двух последних писем и внимательно рассматривая их. — Не только прифронтовые, но почти все железнодорожные депо и мастерские Советского Союза делают такие же подарки фронту, так что явление это обычное.

— Вам, конечно, лейтенант Ерохин докладывал, что Гаевой стоял возле бронепаровоза особенно долго и даже интересовался сроком его готовности? — спросил Варгин, с тревогой думавший о тех последствиях, которые могут произойти, если майор окончательно решится отправить и это письмо Гаевого, не дождавшись его расшифровки. — Не станет же такой осторожный тип без крайней надобности наводить подобные справки?

— Мне известно, — спокойно ответил Булавин, — что Гаевой расспрашивал так же мастера депо, кто будет назначен машинистом на бронепаровоз.

— Вот видите! — воскликнул Варгин. — Не случаен, значит, его интерес к бронепаровозу. Видимо, все это находится в какой-то связи с сообщением Алехина, что после посещения депо Гаевой стал спокойнее. Очевидно, он там разнюхал что-то, успокаивающее его.

К удивлению Варгина, Булавин улыбнулся:

— Вот это-то последнее обстоятельство, то-есть то, что Гаевой интересовался, кого назначат машинистом на бронепаровоз, успокаивает и меня. Я, кажется, догадываюсь о причине его любопытства.

— Разве мастер сказал ему, кто будет назначен машинистом? — удивился Варгин.

— Нет, ему не сказали этого, так как вообще неизвестно еще, кого назначат. Но мы, кажется, можем опоздать с отправкой на почту письма Марии Марковны, — заметил Булавин, взглянув на часы. — Времени около шести, учтите это, Виктор Ильич.

Спустя несколько минут письмо было отправлено, и капитан снова засел за расшифровку донесений Гаевого.

Майор Булавин заглянул к нему в двенадцать часов ночи и, увидев воспаленные глаза Варгина, всклоченные волосы и грудку скомканных бумаг, исписанных цифрами, строго заметил:

— Ну, вот что, товарищ капитан, дальше так дело не пойдет. Соберите все это — и немедленно спать! Пока вам не прикажешь, вы готовы сидеть над шифрограммами до полного изнеможения и понять того не хотите, что на свежую голову в десять раз легче думается.

— Понимать-то я это понимаю, — виновато улыбнулся Варгин, — но ведь все кажется, что вот-вот найдешь зацепочку.

Майор рассмеялся:

— Сколько уже раз казалось вам, что нашли вы такую зацепочку?

— Да уж не раз, пожалуй, — рассмеялся и капитан, поправляя взъерошенные волосы.

Теперь только по-настоящему почувствовал он, как устал за все эти дни.

С трудом сдерживая неожиданно начавшую одолевать его зевоту, он добавил, улыбаясь:

— Приказание ваше будет выполнено, товарищ майор. Боюсь только, что раньше чем через шесть часов никакими будильниками вы меня не поднимете.

Мария Валевская

Адъютант Привалова, стараясь не мешать генералу, долго связывался по телефону с начальником дороги. Когда ему наконец удалось это, он доложил:

— Кравченко у телефона, товарищ генерал.

Привалов взял трубку и громко произнес:

— Приветствую вас, товарищ Кравченко! Говорит Привалов. Я все по тому же вопросу. Помните наш последний разговор? Ну, как там у них дела? В порядке? Полагаете, значит, что они вполне справятся со своей задачей? Очень хорошо. Благодарю вас.

Генерал положил трубку на рычажки телефонного аппарата и приказал адъютанту вызвать полковника Муратова.

Спустя несколько минут полковник постучал в двери его кабинета.

— Прощу! — отозвался Привалов и кивнул Муратову на кресло: — Присаживайтесь.

Полковник сел против Привалова, поглядывая на генерала из-под густых, нависающих бровей. Привалов, видимо, был в хорошем настроении. Глаза его весело поблескивали, а в уголках губ, казалось, притаилась улыбка.

— Майора Булавина можно уже поздравить, пожалуй, — произнес он, делая пометку в настольном блокноте. — План его удался как нельзя лучше. Депо станции Воеводино вот уже третий день выполняет план усиленных перевозок, обходясь только своим наличным паровозным парком. Начальник дороги не сомневается, что они и в дальнейшем справятся с этой задачей.

— Большое дело, конечно, — осторожно произнес полковник, — но это, однако, лишь часть плана Булавина.

— Большая часть, — поправил Муратова Привалов. — Если Булавин не ошибся в оценках производственных возможностей железнодорожников Воеводина, не ошибается он, видимо, и в оценке Гаевого.

Полковник хотел заметить что-то, но Привалов жестом остановил его:

— Я знаю вашу недоверчивость, товарищ Муратов, и догадываюсь, что сможете вы возразить мне, но я не за этим вас вызвал. Мы приняли решение помочь Булавину активными действиями на Озерном участке железной дороги. Доложите, что уже сделано.

— В депо Озерной переброшена часть резервных паровозов, предназначавшихся раньше для станции Воеводино. Пущены также два эшелона с войсками. Есть основание предполагать, что это насторожило вражескую разведку.

— Что дало повод к таким выводам?

Полковник достал из папки лист бумаги и протянул его Привалову:

— Нам только что удалось расшифровать радиogramму фашистского агента, обосновавшегося на станции Озерной. Из текста следует, что участвовавшие в последнее время налеты авиации на Озерную — прямой результат его донесений.

Генерал быстро пробежал глазами короткий текст радиogramмы:

— А этого фашистского разведчика удалось обнаружить?

— Мне доносят, что наши работники запеленговали его рацию.

Генерал удовлетворенно кивнул головой:

— Ну, а как обстоит дело с семьей Глафиры Марковны Добряковой?

— Наше предположение, что кто-то из Добряковых является агентом врага, получающим донесения Гаевого, пока не подтвердилось. Все взрослые члены их семьи не вызывают подозрений.

— Ну, а племянники и племянницы Глафиры Марковны, посещающие ее так часто?

— Мы интересовались ими, но и их не в чем пока заподозрить.

— А враг, однако, где-то в ее доме, — задумчиво произнес генерал, доставая из стола фотокопии присланных майором Булавиным писем.

Раскрыв одно из них, он перечитал подчеркнутые красным карандашом строки и спросил:

— Не привлекло ли ваше внимание, товарищ Муратов, вот это место из последнего письма Глафиры Добряковой: «...Любезная Мария Станиславовна просто в восторге от Наточки. Уверяет, что у нее абсолютный слух и поразительные музыкальные способности». Кто эта Наточка?

— Внучка Глафиры Марковны.

— А Мария Станиславовна?

— Учительница музыки Валевская. Она дает ежедневные уроки на дому Добряковой ее маленькой внучке Наталье. Вот на эту-то Валевскую мы и обратили теперь внимание.

— Удалось что-нибудь узнать?

— Пока очень мало, — ответил полковник. — Есть предположение, что она связана с американской разведывательной организацией — Управлением стратегических служб.

— И одновременно работает на гитлеровскую разведку?

— Это ведь обычная манера матерых шпионов — работать сразу на двух-трех хозяев.

— Почему бы им не работать, если между хозяевами

так же много общего, как и между их шпионами? — усмехнулся генерал. — Я не удивлюсь, если Валевская окажется еще и агентом английской «Интеллидженс сервис».

— Весьма возможно.

— Значит, эта Валевская бывает в доме Глафиры Марковны почти каждый день? — спросил Привалов, помолчав немного.

— Так точно, товарищ генерал.

— В какие же примерно часы дает она уроки внучке Глафиры Марковны?

— Обычно с десяти до двенадцати.

— А когда разносят почту в городе?

— Тоже примерно в эти часы.

Раздался звонок, и Привалов несколько минут разговаривал по телефону. Положив трубку, он помолчал, собираясь с мыслями и перелистывая какие-то документы в синей папке.

Полковник Муратов терпеливо ждал, откинувшись на спинку кресла, и рассеянно разглядывал узор лепного потолка.

— Да, — произнес наконец генерал, закрывая синюю папку и пряча ее в стол, — этой Марией Станиславовной Валевской следует поинтересоваться как можно обстоятельнее.

Он снова задумался и спросил:

— А вы хотя бы приблизительно представляете себе, каким образом может иметь Валевская доступ к переписке Добряковой?

— Я представляю себе это следующим образом, товарищ генерал, — ответил полковник Муратов: — Валевская, видимо, свой человек в семье Добряковых, и от нее там нет секретов. Письма Марии Марковны, конечно, не скрывают от нее, тем более, что она, видимо, по совету Гаевого, регулярно передает приветы Валевской.

— Ну хорошо, допустим, что все это именно так, — согласился генерал, — но ведь в письмах Валевская на глазах у всех может прочесть только открытый текст. Не берет же она их домой, чтобы скопировать зашифрованную запись?

— Ей и не нужно этого, товарищ генерал, — спокойно ответил Муратов. — Обратите вы внимание, что невидимый шифр Гаевого на письмах Марии Марковны обнаруживался нами только после того, как мы их фотографировали?

— Да-да, — оживился Привалов, — это верная догадка. Валевская, следовательно, только фотографирует письма Марии Марковны, а уже затем у себя дома, отпечатав пленку, производит расшифровку. Сфотографировать же их незаметно при нынешней технике микрофотографии не составляет для нее никакого труда. Фотоаппаратик Валевской вмонтирован, наверное, в ее медальон, если она носит такой, или, может быть, в перстень на ее руке.

— Для опытного шпиона дело это, конечно, не хитрое, — заметил Муратов. — А свои шифровки наносит она на письма Добряковой еще проще. Они ведь у нее на обратной стороне почтовых марок таятся. Предложив поэтому свои услуги Глафире Марковне в отправке письма на почту, она дорогой лишь отклеивает ее марку и наклеивает свою.

— Но ведь может показаться подозрительным, что она так часто предлагает услуги Глафире Марковне в отправке писем. Не кажется ли вам, что этот пункт нуждается в дополнительных данных? — спросил Привалов.

— Нет, мне думается, что и тут все ясно, — ответил полковник. — Валевской ведь не нужно носить на почту каждое письмо Добряковой. Ее главная задача — получать информацию Гаевого и либо непосредственно переправлять через линию фронта, либо передавать другому

резиденту. А в тех шифровках, которые Валевская сама направляет Гаевому, она лишь дает ему отдельные указания, в которых нет особой срочности. За все время, с тех пор как мы стали контролировать переписку двух сестер, шифровки Валевской были обнаружены нами только на двух письмах.

— Я удовлетворен вашим объяснением методов предполагаемой деятельности Валевской, товарищ Муратов, — заявил Привалов. — Кому же из ваших офицеров намерены вы поручить заняться этой особой?

— Капитану Воронову.

— Не возражаю. Он вполне подходит для этого дела. Докладывайте ежедневно все, что будет иметь хоть какое-нибудь отношение к Валевской.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Решение Сергея Доронина

Было уже поздно, когда Сергей Доронин подошел к дому Анны. У дверей остановился в нерешительности. Окна дома были закрыты светомаскировкой, но чувствовалось, что в квартире никто еще не ложился спать. Слышались даже звуки радио.

Нужно было постучать в дверь или возвратиться. Что за дурацкая робость, в конце-то концов! Сколько можно оттягивать этот разговор и искать повода к отсрочке?

Взглянув еще раз на окно Анны, Сергей нажал кнопку звонка.

За дверью послышались легкие шаги, и у него чаще забилося сердце.

— Здравствуй, Аня, — слегка волнуясь, сказал он, когда девушка открыла ему дверь. — Извини, что так поздно.

— Совсем не так поздно, — ответила Анна и улыба-

нулась — в полутьме коридора Сергей увидел ее белые зубы. — Всего десять часов, а мы, как ты знаешь, раньше двенадцати не ложимся.

Анна взяла Сергея за руку — в потемках легко было споткнуться — и повела по коридору.

— Я почему-то ждала тебя сегодня, — негромко сказала она.

Когда они проходили через столовую, Сергей бросил беглый взгляд на закрытую дверь комнаты Петра Петровича.

— Отец неважно чувствует себя и рано лег спать, — вздохнув, заметила Анна.

Усадив Сергея на диван, девушка села рядом и пристально посмотрела ему в глаза.

— Мне все время кажется, Сережа, — тихо сказала она, — что ты не решаешься сказать мне что-то... — Она помолчала немного и, не дождавшись ответа, добавила: — И это очень тревожит меня.

— Видишь ли, Аня, — не очень уверенно начал Сергей, — ты ведь знаешь, что слесари и машинисты нашего депо в подарок фронту оборудовали бронепаровоз?

Анна подвинулась ближе и с тревогой посмотрела в глаза Сергею.

— По всему чувствуется, что вскоре предстоят большие события на фронте, — продолжал Сергей, избегая взгляда девушки. — Наш бронепаровоз должен принять в них участие. Кому-то нужно повести его в бой.

— И это решил сделать ты? — чуть дрогнувшим голосом спросила Анна и крепко сжала горячую руку Сергея.

— Да, я решил, что пришло время и мне повести в бой бронепаровоз, — твердо заявил Сергей. — Пока в депо было мало опытных машинистов, я считал невозможным просить об этом (он умолчал, что подавал уже раз такое заявление). но сейчас так же, как я, работают

многие другие машинисты. Для нашего депо не будет большого ущерба, если я уйду на фронт... И вот я подал заявление...

— И ты боялся сказать мне об этом, Сережа? Неужели ты...

Сергей не дал девушке договорить:

— Нет-нет, Аня! Я знаю, ты, конечно, не стала бы меня отговаривать...

Анна отвернулась. Сергей посмотрел на ее бледное, расстроенное лицо, и ему стало досадно за свою робость, за то, что до сих пор не поделился с нею своими планами и не признался, что любит ее...

— Ох, Сережа, тяжело мне будет без тебя!.. — с усилием проговорила Анна, торопливым движением утирая слезы. Помолчав несколько секунд, она повернула к нему голову и, глядя прямо в глаза, добавила чуть слышно: — Ведь я люблю тебя, Сережа!..

— Анечка! Аня! — Сергей сильно, до боли, сжал руки девушки. — Вот уж никогда себе этого не прощу!.. Знаешь, как я мучился!.. День за днем откладывал, все хотел спросить, как ты относишься ко мне... пойдешь ли за меня?.. Знаешь, что еще меня останавливало? Я собирался на фронт, и один мой друг сказал, что нехорошо жениться перед уходом на войну, что лучше...

— Замолчи! — Анна торопливо зажала ему рот ладонью. — Плохой у тебя друг, Сережа. Я гордиться буду, что мой муж на фронте...

Замысел командования остается в тайне

Несколько последних дней на станции Воеводино прошли необычно спокойно. Фашистские самолеты, посещавшие станцию почти каждую ночь, казалось оставили ее на этот раз в покое. Увереннее ходили теперь поезда

на участке Воеводино — Низовье. Машинисты привыкли к уплотненному графику, и Анне Рощиной уже не приходилось так волноваться за них.

Спокойнее стало и в отделении майора Булавина. Расценщик Гаевой не ходил больше в депо и не посылал шифровок агенту номер тринадцать, хотя попрежнему писал частые письма Глафире Марковне по просьбе прихворнувшей тети Маши, жаловавшейся сестре на несносную подагру.

Вдохнул спокойнее и капитан Варгин — ему удалось наконец прочесть замысловатые шифровки Гаевого. Текст их теперь снова был обращен в цифры шифра, которым майор Булавин обычно пользовался при передаче сведений в Управление генерала Привалова. Майор просматривал шифровки в последний раз, прежде чем отдать распоряжение об их отправке, когда дежурный офицер доложил, что штаб фронта срочно вызывает его к аппарату.

Булавин знал, что из штаба фронта могли вызывать его только Привалов или Муратов. Почему же вдруг он так срочно понадобился? Ведь только сегодня утром разговаривал он с подполковником Угрюмовым, помощником Муратова, и, кажется, все вопросы были разрешены. Правда, о дешифровке донесений Гаевого Булавин тогда ничего еще не мог сообщить подполковнику, но Угрюмов ведь и не спрашивал об этом.

Собираясь на узел связи, находившийся при штабе одной из воинских частей местного гарнизона, Булавин захватил с собой обе шифровки Гаевого.

Аппаратная помещалась в просторной землянке. Несколько девушек-связисток выстукивали что-то на аппаратах Бодо и телетайпах. Разыскав дежурного офицера подразделения связи, майор попросил его вызвать «Енисей». «Енисей» был позывным штаба фронта, и поэтому дежурный спросил:

— А кого вам на «Енисее»?

— «Резеду», — ответил майор.

Это была позывная Управления генерала Привалова. Минут через пять связистка доложила:

— У аппарата Муратов.

Майор подсел к телетайпу и попросил сообщить, что от «Березки» прибыл Булавин.

Отправив ответ Булавина, связистка подала ему конец ленты, медленно сползавшей с валика в такт ритмичным ударам клавишей, автоматически отстукивающих буквы.

«Здравствуйте, товарищ Булавин, — читал майор на ленте, принятой от «Резеды». — Как больной зуб?»

«Зубом» в переписке с Муратовым было условлено называть Гаевого.

«Попрежнему побаливает», — коротко ответил Булавин, перебирая ленту, на которой телетайп после короткой паузы стал выстукивать приказание Муратова:

«Приготовьтесь через день-два вырвать его».

«Понял вас», — отозвался Булавин.

«В «Зените» одновременно произведем такую же процедуру», — продолжал полковник Муратов.

Булавин, зная, что под «Зенитом» имеется в виду отделение генерала Привалова на станции Озерной, понял, что агент вражеской разведки будет арестован и там.

«Удалось обнаружить и «Осу», — продолжал выстукивать аппарат. — Собираемся вырвать жало. Вы понимаете меня?»

Майору Булавиному приходилось часто пользоваться «эзоповским языком» в разговорах по телефону или телеграфу. Он научился быстро схватывать скрытый смысл иносказательных выражений и понял, что Муратов собирается одновременно с арестом гитлеровских агентов в

Озерной и Воеводине арестовать и агента номер тринадцать, которого они условно называли «Осой».

«Попался, значит, кто-то из домочадцев Глафиры Добряковой», — с удовлетворением подумал майор Булавин, не знаящий еще, что полковник напал на след Валевской.

«Ну, как уравнение с двумя неизвестными?» — снова запросил полковник Муратов.

«Что он имеет в виду под «уравнением»? — торопливо подумал Булавин. — Шифровки Гаевого, наверное?»

«Удалось решить, — ответил он полковнику. — Позвольте донести текст решения шифром?»

«Донесите».

Майор достал из полевой сумки листок бумаги и медленно стал диктовать девушке арифметические знаки, внимательно наблюдая по ленте, чтобы она не перепутала их:

— 39758 6243 1937 4285...

В расшифрованном виде цифры эти означали:

«На ваш запрос о лектории доношу: затея эта явно лишена какой-либо практической перспективы, ибо чего ради будут делиться с кем-то секретами своего мастерства хорошо зарабатывающие машинисты? Для того разве, чтобы им после этого норму пробега увеличили и заработок снизили?»

Я донес вам в свое время о «стахановском лектории» только для того, чтобы вы могли судить, какими наивными затеями пытаются местные «активисты» помочь фронту, и полагал, что вы поймете мою иронию по этому поводу».

От полковника долго не было ответа. Наконец клавиши телетайпа снова пришли в движение, и Булавин прочел на ленте:

«Повторите ключевую группу».

Майор исполнил приказание и получил разрешение Муратова передавать вторую шифровку Гаевого.

Текст ее был таков:

«В дополнение к соображениям, высказанным ранее, сообщаю, что администрация депо собирается послать на фронт новый бронепоезд, бригада которого будет комплектоваться из машинистов депо Воеводино. Машинист Доронин, инициатор «стахановского лектория», здесь самый молодой, и если он перестанет быть незаменимым, его немедленно мобилизуют. Можете судить поэтому, выгодно ли ему передавать свой опыт другим машинистам и превращаться в заурядного механика, с которым никто уже не будет считаться».

В хорошем настроении возвращался майор Булавин с узла связи. Ему теперь была ясна тактика генерала Привалова: он собирался одновременно ликвидировать все звенья гитлеровской разведки на основных пунктах прифронтовой железной дороги. Этим генерал надолго обезвреживал свой участок, так как заводить новых агентов было делом нелегким. А если гитлеровцам и удастся сделать это, решающий момент все равно будет упущен — советские войска начнут к тому времени мощное наступление, и район нанесения главного удара, составляющий пока строжайшую военную тайну, перестанет быть секретным.

Майор был счастлив, что его усилиями и усилиями всего коллектива железнодорожников станции Воеводино замысел советского командования до конца будет сохранен в тайне.

Смятение группенфюрера Кресса

Странные, противоречивые чувства испытывал генерал фон Гейм, готовясь к предстоящей встрече с группенфюрером. Кресс только что позвонил ему по телефону и теперь с минуты на минуту должен был прибыть лич-

но. Фон Гейм не сомневался в том, какую сцену закатит ему группенфюрер. В последнее время он стал привыкать к участвовавшим «разносам» и переносил их довольно стойко, но на этот раз хладнокровие ему изменило.

То, что произошло, было полной неожиданностью. Кто мог подумать, что советская контрразведка так быстро нащупает всю их агентуру, казалось так надежно обосновавшуюся в советском прифронтовом тылу? Конечно, Гейм не был согласен со всеми методами работы и установками Густава Кресса. Внутренне он порицал его за некоторую узость и ограниченность задач, но в то же время не мог не отметить и положительной стороны метода группенфюрера, так как он давал возможность почти не подвергать риску свою агентуру в неприятельских тылах. И вот, все самым неожиданным образом полетело прахом!

Фон Гейм хотел собраться с мыслями, подготовить какое-нибудь сносное оправдание, но группенфюрер развил на сей раз поистине неслыханную прыть, и его «опель-адмирал» уже прошумел под окнами кабинета фон Гейма.

Увидев из своего окна, как выбежал навстречу группенфюреру дежурный офицер и почтительно распахнул дверцу машины, заторможенной чуть ли не на полной скорости, фон Гейм безнадежно махнул рукой и беспомощно опустился в кресло.

— Будь что будет... — еле слышно прошептал он.

Однако едва скрипнула дверь его кабинета, как фон Гейм снова вскочил на ноги и вытянулся по швам, как проштрафившийся солдат пред грозными глазами всемогущего фельдфебеля.

Группенфюрер шел на него, опустив голову и глядя исподлобья колючими красноватыми глазами. У фон Гейма было такое ощущение, будто группенфюрер вот-вот

влепит ему пощечину. Но Густав Кресс, достигнув стола, тяжело плюхнулся в кресло.

— Садитесь! — скомандовал он все еще стоявшему фон Гейму.

Минут пять они смотрели друг на друга, один замирая от страха, другой не в силах произнести ни слова от ярости.

— Воды! — наконец выкрикнул Густав Кресс.

Дрожащими руками фон Гейм налил из графина воды и протянул стакан группенфюреру.

Почти залпом выпив воду, Кресс тяжело перевел дух. Фон Гейм смотрел на него, затаив дыхание.

— Поздравляю вас с блестящей разведывательной операцией, генерал, — шопотом, похожим на шипенье, произнес Густав Кресс. — Интересно, что за кретинов бросили вы на эту операцию? Я полагаю, если бы их не сцапала, как паршивых цыплят, советская контрразведка, они и по сей день продолжали бы вам доносить, что на станции Воеводино тишь и гладь, а на Озерной подозрительное оживление.

Группенфюрер нервным движением сунул в зубы сигару, но тотчас же с отвращением выплюнул ее и продолжал:

— И ведь мало того, что русские накрыли этих идиотов, — они фактически заставили их работать на себя! Все, что доносили ваши остолопы, почти диктовалось им советской контрразведкой с целью дезинформировать нас. Мы верили этим дегенератам и в результате вместо ожидаемого наступления на нашем левом фланге оказались атакованными справа. Остается только диву дивиться, как смогли русские незаметно сосредоточить там такое огромное количество войск и техники.

Несколько минут Густав Кресс сосредоточенно дымил сигарой и вдруг снова воскликнул:

— Как, черт побери, удалось им провести нас! Луч-

шие наши агенты были заброшены в весьма уязвимые места их прифронтового тыла, американские разведчики из Управления стратегических служб добросовестно снабжали нас информацией, и все-таки мы остались в дураках. В чем дело, я вас спрашиваю!

Фон Гейм, как загипнотизированный, смотрел в налитые кровью глаза группенфюрера. Казалось, он лишился дара речи. К его счастью, Густав Кресс просто рассуждал вслух, ибо был уверен, что вообще никто не в состоянии ответить на его вопрос.

— Вы думаете, я сомневаюсь, что ваш агент номер тридцать три, Гаевой-Дидрих, давал нам верные данные об их паровозном парке? Нисколько! Он сообщал безукоризненно точно обо всех их локомотивах, подвозивших поезда к фронту. Даже маневровые паровозы были учтены им не менее тщательно. Мы же, зная численность паровозного парка и среднюю пропускную способность советских железных дорог, абсолютно точно подсчитали транспортные возможности русских. И все-таки мы просчитались. В чем же разгадка всех этих «русских чудес»?

Группенфюрер Кресс решительно встал, застегнул шинель и направился к двери. У порога он остановился и произнес назидательно:

— Рекомендую как следует подумать над этим. Нам, видимо, еще не раз придется иметь дело с подобными «чудесами»... — Упавшим голосом он добавил: — Это в том случае, конечно, если нас с вами оставят на наших постах после этого позорного провала.

Эпилог

Был морозный солнечный день. Ослепительно сверкал тонкими гранями своих бесчисленных кристалликов выпавший за ночь снег. От здания почты по недавно расчи-

щенной дорожке, мимо наметенных за ночь глубоких сугробов, медленно шла Анна Рощина. На ходу она перечитывала только что полученное от Сергея коротенькое письмо, и то ли от холодного январского ветра, то ли от волнения две крупные слезинки поблескивали на ее щеках.

Высокий майор, шедший навстречу Анне, пристально смотрел на нее. Поравнявшись с девушкой и видя, что она не замечает его, он остановился и негромко окликнул:

— Анна Петровна!

Анна вздрогнула от неожиданности и подняла глаза.

— Здравствуйте, Евгений Андреевич, — смущенно улыбнувшись, сказала она, пряча письмо в карман.

— Ну, как там Сергей Иванович? Что пишет? — спросил майор.

— А вы почему думаете, что письмо от Сергея? — удивилась Анна.

— Уж такой я догадливый, — засмеялся Булавин.

— Сергей немногословен, — Анна шурилась от яркого солнца, светившего ей в глаза, — вы ведь его знаете. Пишет, что жив и здоров, что дела идут хорошо. Вот почти и все.

— Да, маловато, — усмехнулся Булавин. — Впрочем, это понятно — он ведь вынужден быть лаконичным по цензурным соображениям.

— Ну, положим, — улынулась Анна, — вряд ли он написал бы о себе что-нибудь больше этого, не будь вообще никакой цензуры.

Булавин отбросил полу шинели и достал из кармана брую коробку с папиросами.

— Вот хотел курить бросить, — смущенно проговорил он, — и не вышло.

— А я-то думала, что у вас воля железная, — пошутила Анна.

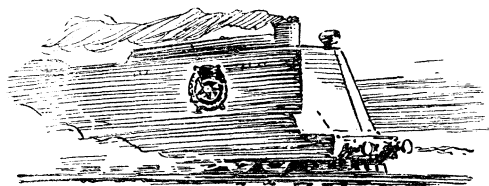
— Э, где там! — махнул рукой Булавин. — Долго крепился, но как только началось наступление, не выдержал. Однако что же это мы стоим тут, посреди дороги? Вы спешите куда-нибудь?

— Нет, я сегодня только в ночь заступаю на дежурство.

— Ну, если не очень спешите, — весело заметил Булавин, — сообщу вам кое-какие новости о Сергее, раз уж он так сдержан в своих письмах.

Закурив папиросу, Евгений Андреевич добавил, отчеканивая каждое слово:

— В приказе по войскам нашего фронта бронепоезд «Александр Невский», на котором ваш Сергей машинистом, награжден орденом Красного Знамени за успешное участие в прорыве обороны противника.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ТИШИНЕ

Командарм анализирует обстановку

Шел дождь, обычный в Прибалтике: мелкий, надоедливый. Лобовое стекло машины покрылось мельчайшим бисером брызг. Беспрерывно двигавшиеся по стеклу щетки уже не в состоянии были сделать его прозрачным. Командарм поднял воротник кожаного пальто и надвинул на глаза генеральскую фуражку. Казалось, он погрузился в дремоту и забыл о генерале Погодине, которого специально взял в свою машину. Погодин догадывался, что предстоит серьезный, скорее всего неприятный, разговор, и терпеливо ждал.

Командарм, пожилой, полный, даже, пожалуй, несколько тучный человек, всегда удивительно бодрый и не по годам подвижной, всей своей крупной, ссутулившейся теперь фигурой выражал крайнюю степень усталости.

Погодин знал до мельчайших подробностей распорядок его дня. У командарма совершенно не оставалось времени на отдых. «Наверно, лишь в эти часы переездов из одной дивизии в другую, с одного фланга армии на другой он ухитряется отдохнуть», — подумал Погодин.

Однако едва мелькнула эта мысль, как командарм, не поворачиваясь к Погодину, сказал густым, низким голосом:

— Думаешь, наверно, что заснул старик? Нет, я не сплю... Неважный выдался денек сегодня. Что ты на это скажешь?

И опять последовала пауза, длинная, томительная. Погодин знал характер командарма и не спешил с ответом.

Машина, подпрыгивая на стыках, катилась лесной просекой по узкой колее дощатого настила. По бокам мелькали мощные стволы сосен. Впереди двигалась автоколонна с реактивными снарядами. Сзади наседали три тяжело нагруженных «ЗИС». Машина генерала была зажата между ними и не имела возможности выскочить вперед даже на разъездах.

Командарм, всегда требовавший от своего шофера непременно обгона попутных автомашин, сегодня, казалось, даже не замечал, что его машина не может развить скорость.

— Так вот, — после долгого молчания сказал наконец командарм, — любопытно мне, генерал, твое мнение о причине неуспеха нашей сегодняшней операции.

Погодин попрежнему молчал. Он знал, что командарм

не собирается выслушивать его мнение, прежде чем выскажет свое. Погодин давно привык к такой манере командарма развивать свою мысль.

— Не кажется ли тебе странной быстрота, с которой противник успевает подтягивать свои резервы в направлении нашего главного удара? — снова спросил командарм.

Замолчав, будто ожидая ответа, он принялся старательно протирать потное ветровое стекло. Потом решительно повернулся к Погодину и продолжал, понизив голос, чтобы шофер не смог разобрать его слов:

— А теперь я требую, чтобы ты меня внимательно слушал. Если искать объяснение нашему сегодняшнему неудаче, его нетрудно найти. Мы начали стремительную атаку, но не смогли выдержать ее темпа. В результате наметившийся у нас прорыв тактической глубины обороны противника так и не получил развития.

Машина дрогнула и остановилась, но командарм даже не обратил на это внимания. Он продолжал свою мысль:

— Тут, конечно, возникает вопрос: почему? А потому, что противник успел подтянуть имевшиеся у него большие резервы. Вот тебе и объяснение. Оно формально вполне приличное и достаточно убедительное. Однако если мы посмотрим глубже, генерал, если постараемся не только оправдаться перед начальством, но и самим себе объяснить создавшееся положение, то дело примет несколько иной оборот. Так ведь?

— Так, — отозвался Погодин, глядя через плечо шофера, как впереди трогаются с места застрявшие было машины.

— Дело примет иной оборот, — задумчиво повторил командарм. — Окажется, например, что противник чересчур уж ретиво ринулся на парирование нашего удара.

Скажу более — он ринулся с такой поспешностью, будто заранее знал об этом ударе. И знаешь, что во всем этом самое удивительное?

Командарм опять повернулся в сторону Погодина. Прищурившись, испытующе посмотрел ему в глаза и добавил, снова понизив голос:

— Самое удивительное заключается в том, что заслон противника был рассчитан на парирование удара по меньшей мере трех корпусов, тогда как мы действовали всего лишь одним корпусом. Странно это, генерал?

— Странно, — согласился Погодин.

— А почему странно? Потому, что мы первоначально в самом деле намеревались действовать тремя корпусами и лишь в самый последний момент изменили решение. Не кажется ли тебе, что противник каким-то образом узнал о наших первоначальных планах?

— Да, кажется.

Щитовая колея дороги кончилась, начался жердевой настил. Машина сразу вдруг запрыгала, затряслась мелкой дрожью. Разговаривать стало трудно, но командарм продолжал:

— И это не может не казаться подозрительным, ибо все крупные действия на фронте подчинены строгой закономерности. Как бы ни хитрил противник, что бы ни предпринимал в масштабе армии, я всегда найду этому объяснение. Мелкая часть, до батальона включительно, может менять дислокацию, перегруппировываться, наступать, отступать или обороняться — этому не сразу найдешь причину. Тут может быть много случайного. Но когда шевелятся дивизии, когда противник перемещает корпуса, я всегда догадываюсь о причинах, которые вызвали подобные действия.

Машина подошла к штабу гвардейской дивизии и остановилась. Пока начальник штаба, предупрежденный

дежурным, шел встречать командарма, тот закончил свой разговор с Погодиным.

— Короче говоря, генерал, — сказал он, — я подозреваю, что на сей раз противник располагал точной информацией о наших намерениях. Твоя задача — выяснить источник этой информации. Чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

В маленьком домике

Капитан Астахов подошел к окну. По узкой, протоптанной через запущенные огороды тропинке шла Наташа Кедрова. Она пересекла уже небольшую полянку перед окнами дома, из которого наблюдал за ней капитан, и остановилась возле доски, где вывешивались свежие сводки Совинформбюро.

— Похоже, капитан, что вы равнодушны к Кедровой, — усмехнулся сидевший за столом майор Гришин, начальник Астахова.

— Неужели похоже? — удивился Астахов.

— Да, очень.

— Она и в самом деле меня интересует. В ней есть что-то такое... и в характере и во внешности. Обратили вы внимание на ее лицо? Я не художник, но мне кажется, что в нем есть удивительная четкость и законченность линий.

— Ого, как вы ее разрисовываете! — засмеялся Гришин. — Уж не влюблены ли вы в нее?

Астахов сдвинул брови, поморщился и заметил холодно:

— Положительно не понимаю, почему нужно быть обязательно влюбленным в женщину, которая вас чем-нибудь интересует. Может быть, вы объясните это?

— Мне нравится, товарищ Астахов, ваше серьезное отношение ко всему, но то, что вы не понимаете шуток,

право досадно, — попрежнему продолжая улыбаться, заметил Гришин.

— Таких шуток я действительно не понимаю, — упрямо повторил Астахов.

— Ну, хорошо! — Резким движением мускулов согнав с лица улыбку, майор сказал уже совершенно серьезно, почти официальным тоном: — Не будем больше говорить об этом. Однако любопытно, чем же заинтересовала вас Кедрова?

Астахов видел, как Наташа, прочитав сводку, быстро, легкой походкой прошла мимо домика, в котором он жил и работал вместе с майором Гришиным. Когда она скрылась за углом соседнего сарая, капитан отошел от окна и сел за стол против Гришина.

— Вы хотите знать, чем заинтересовала меня Кедрова? — спросил он. — У меня к ней, видите ли, профессиональный интерес.

Майор удивленно поднял брови.

— В ее поведении да, пожалуй, и в характере много непонятного для меня, — продолжал Астахов, — и вот я хочу понять, разгадать или даже, вернее, решить это непонятное, как решил бы математик неожиданно попавшему ему сложную алгебраическую задачу.

Майору стоило больших усилий сдержать улыбку, но он сдержал ее и сказал наставительно:

— Математика слишком абстрактная наука, нам же приходится иметь дело с явлениями очень конкретными.

— Это так, — согласился Астахов, — однако в нашем труде и в труде математика есть много общего. Как ему, так и нам приходится иметь дело с неизвестными величинами.

Гришин не любил теоретических споров. Он не имел такого образования, как Астахов, пришедший в армию из университета, и ему нелегко было тягаться с ним. Майору казалось, что широкая образованность Астахова

толкает его на поиски отвлеченных сравнений, отрывает от жизни. Математика же и физика, которые изучал Астахов в университете, представлялись Гришину неприменимыми в их практике. Во всяком случае, до сих пор он лично вполне без них обходился.

«Вот если бы Астахов работал шифровальщиком, тогда познания его в математикегодились бы, конечно...» — уже в который раз невольно подумал Гришин. Но раздавшийся телефонный звонок прервал его мысли. Майор снял трубку.

Офицеры штаба армии обычно избегали в телефонных разговорах называть фамилии и звания старших начальников, но по тону голоса Гришина, по тому, как невольно выпрямился он, Астахов догадался, что разговаривает майор с начальником. Ответы его были предельно лаконичны. Они состояли из повторения слов «так точно», «никак нет», «тушаюсь». Разговор длился не более нескольких секунд.

Положив трубку на рычажок телефонного аппарата, майор набросил на плечи шинель.

— Собирайтесь, товарищ Астахов, — сказал он, — нас генерал вызывает.

— Что взять с собой? — спросил капитан. — Какие сведения? Он ведь не любит, когда к нему являются с пустыми руками.

— Как мне кажется, — заметил майор, — на этот раз ему понадобятся такие сведения, которых у нас с вами нет и добыть которые будет нелегко.

Генерал ставит задачу

Генерал Погодин не мог не согласиться с мнением командарма, ибо слишком хорошо знал неоднократно повторяемую, ставшую шаблонной тактику противника.

Из опыта боев Погодину было известно, что пехотные дивизии неприятеля, снятые с других участков обороны, появлялись в районе прорыва через один-два дня. Более быстрое появление их не могло не вызвать подозрений. При такой значительности масштаба операции случайность действий противника исключалась. В этом командарм был прав.

Приходилось допустить, что противник получил откуда-то информацию о намерениях советского командования.

Генерал Погодин много лет боролся с разведкой противника и в совершенстве изучил повадки ее агентуры. Он знал, что многое в приемах врага повторялось, но никогда не подходил к решению той или иной задачи с предвзятым мнением. Напротив, он твердо был уверен — и всякий раз убеждался в этом, — что даже самый шаблонный ход неприятельского агента неизбежно заключал в себе элементы нового, типичные для создавшейся обстановки. Это умение угадывать новые детали в старом приеме разведчика почти всегда обеспечивало ему победу.

Погруженный в размышления, задумчиво прохаживался генерал Погодин по небольшой комнате сельского здания, приспособленного для его штаба, когда адъютант доложил ему:

— Майор Гришин и капитан Астахов.

— Пусть войдут.

Разрешив вошедшим офицерам сесть, генерал, очень дороживший временем, тотчас же приступил к существу дела.

— Вы знаете, — сказал он, — что система работы штаба армии построена так, что штабные офицеры разных отделов обмениваются информацией только по крайне необходимым вопросам. Когда же командованием ставится серьезная оперативная задача, то в разра-

ботке ее участвует еще более ограниченный круг лиц. К числу их относятся лишь немногие старшие офицеры управления армии.

Погодин внимательно посмотрел на своих подчиненных. Они слушали его сосредоточенно, но генерал хорошо понимал, что на каждого из них слова его оказывают различное воздействие. Гришин прямолинеен, его аналитические способности невелики, однако он незаменим в проведении операций. Вряд ли предложит он оригинальное решение, зато выполнит уже готовый план безукоризненно. Капитан Астахов неуравновешен и слишком доверчив, не обладает он и выдержкой Гришина, но зато имеет четкую логику мышления и отличается большой самостоятельностью.

Пройдясь несколько раз по комнате, Погодин продолжал:

— И вот, однакож, несмотря на все принятые меры секретности, противник каким-то образом получил информацию о разработке последней нашей операции. Как он это сделал, я не знаю, но узнать это мы обязаны в самое кратчайшее время. За всю нашу работу это первый случай, и он должен стать последним.

Генерал достал из стола ящик с папиросами, предложил закурить.

— Достаточно ли хорошо знаете вы офицеров и вообще весь личный состав, имеющий доступ к оперативным документам штаба? — спросил он после непродолжительной паузы.

— Полагаю, что достаточно, — ответил Гришин.

— А я бы не осмелился на вашем месте отвечать так уверенно, — строго заметил генерал, — ибо самые обстоятельные знания о любом предмете, а тем более о человеке, никогда не бывают исчерпывающими. Короче говоря, нужно еще раз присмотреться к людям, присмотреться, отбросив предвзятое мнение, будто вы все

знаете о них. Лучше будет, если вы допустите, что вам ничего о них не известно и что все нужно начинать с самого начала.

Логика капитана Астахова

Капитан Астахов долго не ложился спать в эту ночь. Он сидел за своим маленьким шатким столиком и чертил на листе бумаги какие-то замысловатые геометрические фигуры. Он это делал совершенно бессознательно, по давнишней привычке чертить или рисовать что-нибудь в часы напряженных размышлений. Ему всегда казалось, что это способствует плавному ходу мыслей, но сегодня это не помогало ему.

Генерал предложил еще раз присмотреться к людям, вместе с которыми Астахов воевал вот уже четвертый год. Он наблюдал их изо дня в день и знал достаточно хорошо. Он был глубоко уверен, что здесь, на фронте, все познается быстрее и глубже, чем в любых других условиях. Астахов знал не только служебные качества каждого из этих людей, но и характер и биографию их. Не все они были достаточно хорошо образованы, не все одинаково талантливы, но все были подлинно советскими людьми. В этом у капитана не было никаких сомнений.

Прикидывал он и так и этак, но вера его в людей оставалась непоколебимой, а задачу все-таки нужно было решить. От этого зависела и судьба этих людей и судьба армии.

Бесплодно просидев до двух часов ночи, Астахов в начале третьего решил лечь спать. Он потушил свет и долго лежал с открытыми глазами. Ночь была тихая. Лишь изредка рокотали ночные бомбардировщики «ПО-2», направляясь к переднему краю, да с нудным гу-

дом рыскал где-то неподалеку фашистский ночной охотник, высматривая машины с зажженными фарами. Иногда в районе железнодорожной станции глухо ухали тяжелые зенитки.

Сон не шел. Голова продолжала лихорадочно работать. Лишь несколько успокоившись, Астахов стал рассуждать хладнокровнее. Отбросив все случайное, мешающее сосредоточиться, он решил несколько сузить свою задачу. Для него все время было бесспорно, что офицеры штаба управления армии не могли быть прямым или косвенным источником информации. Оставалось предположить, что каким-то образом исчезали из штабов и попадали к противнику оперативные документы в виде черновиков или копий. Исчезновение подлинников было мало вероятным, так как генерал Погодин сам заявил, что вся документация разработанной операции была собрана лично начальником штаба армии.

Прежде чем ломать голову над тем, как могли черновики или копии документов проникнуть за пределы штабов, Астахов решил установить, какой же из оперативных документов был особенно важным и даже, может быть, собирательным, заключающим в себе весь замысел операции.

Капитан хорошо знал порядок работы штабов и имел ясное представление обо всех основных документах, изготавлиющихся при разработке операции. Из всего многообразия этих документов он выделил два основных вида: письменный и графический. В первом противника могло интересовать далеко не все, ибо в нем было много зашифрованных сведений, разобраться в которых было нелегко. Зато второй вид документации — карты и схемы были более привлекательны для противника, ибо в них перечислялись все части, участвующие в операции, районы их сосредоточения и маршруты следования. Графический язык карт был лаконичен, ясен и прост. Он

мог бы открыть противнику почти исчерпывающие данные. К тому же карта большей частью являлась первым, а иногда и единственным документом, на котором запечатлевался замысел командования.

Остановившись на том, что именно оперативная карта представляла основной интерес для противника, капитан стал размышлять, каким же образом она могла попасть к нему. Он слишком хорошо знал, как строго учитывается каждый изготовленный экземпляр оперативного документа, как уничтожаются черновики секретных бумаг. Оперативные же карты, вообще не имеющие черновиков, немедленно нумеруются и регистрируются как совершенно секретные, так что незаметное исчезновение их просто немыслимо.

Капитан Астахов дошел в своих размышлениях до этого пункта, но дальше так и не смог продвинуться.

В пятом часу пришел откуда-то майор Гришин. Не зажигая света, он быстро разделся и лег спать. Капитан Астахов не имел обыкновения расспрашивать своего начальника о том, куда он ходил, но, зная круг его обязанностей, всегда догадывался об этом.

Астахов взбил соломенную подушку, натянул одеяло и, закрывшись с головой, попытался заснуть.

Зябко дрогнули стекла от гула артиллерийского налета на участок переднего края. Грохнул где-то совсем недалеко разрыв снаряда дальнобойного орудия противника. Снова тишина, а сон все еще не шел к капитану.

Если мысли имеют инерцию, то, видимо, они по инерции все еще продолжали вращаться вокруг карты. И, видимо, так велика была сила этой инерции, что Астахов невольно снова принялся размышлять о карте, и чем больше он о ней думал, тем очевиднее для него становилось, что именно за картой охотился противник, ибо она давала ему не только исчерпывающие, но и наглядные сведения о наших замыслах.

Рождение замысла

Утром капитан Астахов явился к генералу Погодину. Генерал принял его довольно холодно и всем своим необычно официальным видом, слегка приподнятыми бровями и вопросительным взглядом, казалось, говорил: «Не поторопились ли с визитом, молодой человек?»

Он жестом разрешил капитану сесть и принялся что-то записывать в блокнот. На Астахова это молчание подействовало удручающе, и он невольно подумал: «Не поторопился ли я в самом деле, не слишком ли быстро принял решение?»

Окончив довольно длинную и, как показалось Астахову, не очень срочную запись, генерал сказал коротко: — Ну-с, слушаю вас.

Несмотря на невольное волнение и некоторую неуверенность, вызванную холодным приемом, капитан все же довольно твердо и четко изложил свою мысль.

Генерал выслушал его внимательно, не перебивая и не отвлекаясь ничем. И хотя мысль Астахова, видимо, показалась генералу несколько наивной, он не позволил себе улыбнуться, а, напротив, отнесся к словам капитана с должным вниманием и серьезностью, что, впрочем, не помешало ему заметить:

— Все это так, товарищ капитан, но этим вы не открываете ничего нового. Ценность карты для противника совершенно очевидна, однако получить ее не так-то просто, тогда как короткое устное или письменное сообщение о том, что тогда-то такими-то силами и в таком-то направлении мы собираемся наступать, противника вполне бы удовлетворило. Это ведь гораздо проще и естественнее.

— Да, конечно, это проще, — согласился Астахов, — но это общее положение, а я беру частный случай. Если бы дело шло о широкой разработке операции с привле-

чением к этому большого количества исполнителей, то, конечно, правильнее было бы сделать ваше допущение, но ведь тут речь идет об очень ограниченном круге лиц, честность которых вне подозрений. Иными словами, я хочу сказать, что люди в данном случае не могли явиться источником информации.

— Вы имеете в виду больших начальников?

— Да.

— Но ведь, кроме них, могли же иметь отношение к этому и небольшие начальники, — возразил генерал. — Насколько мне известно, в штабе инженерных войск чертежница — не такой уж большой человек. Если мне не изменяет память, она всего лишь старший сержант.

— Так точно, товарищ генерал, старший сержант, но на этот раз она не имела отношения к карте. Это мне известно совершенно достоверно. К тому же, товарищ генерал, чертежница Кедрова работает в штабе инженерных войск вот уже около двух лет, и мы не имеем основания ей не доверять.

Генерал промолчал, хотя принципиально он был не согласен с Астаховым. Переждав несколько минут, капитан продолжал:

— Я все-таки уверен, товарищ генерал, что противник использует наши оперативные карты, каким-то образом проникающие за пределы штаба.

— Что же вы предлагаете?

— Я предлагаю эксперимент. Нужно срочно произвести разработку очень серьезной, но фиктивной операции. Нужно также, чтобы о фиктивности ее знали только два человека: вы и командарм. Все остальные должны принимать ее всерьез. И еще одно неперемнное условие: к разработке этой операции должно быть привлечено строго ограниченное количество лиц. Лучше всего, если вы сами составите список и предложите его командарму.

— Да, пожалуй, это уместно, — согласился генерал после некоторого раздумья. — Не знаю только, как к этому отнесется командарм...

В тот же день генерал Погодин предложил идею Астахова командарму, и командарм, вопреки опасениям Погодина, одобрил ее.

— Это любопытно, — сказал он. — У нас сейчас оперативная пауза. Народ ничем особенным не занят, так что, пожалуй, можно попробовать.

Командарм перелистал настольный календарь, подумал и спросил:

— Когда лучше, по-твоему?

— Да хотя бы завтра, — ответил Погодин.

— Ну что ж, завтра так завтра.

И вот утром следующего дня командарм собрал у себя командующих и начальников родов войск армии и приказал им разработать план крупной наступательной операции.

В штабе инженерных войск

Поздно ночью в просторной штабной землянке инженерных войск армии помощник начальника секретной части старший сержант Яценко укладывал в обитые железом ящики секретные дела и карты.

В штабе, кроме Яценко да чертежницы Кедровой, никого не было. Генерал Тихомиров и полковник Белов с утра засели в землянке полковника и никого туда не пускали. Старший помощник Белова майор Рахманов и два младших помощника ушли ужинать. Похоже было, что они еще не скоро лягут спать, ибо, по установившейся традиции, офицеры штаба раньше генерала и полковника спать не ложились.

Уставший, вечно недосыпающий старший сержант Яценко ворчал:

— Нет ничего тяжелее штабной работы! Сидишь, как проклятый, день и ночь — и никакой видимости!

— Что ты имеешь в виду под видимостью? — спросила Кедрова. — У тебя очень замысловатый слог, Остап.

— Никакой продуктивной работы не видно, вот что я имею в виду. Одна неосязаемая писанина.

— Неужели все эти ящики с «писаниной» неосязаемы? — засмеялась Кедрова.

— Ты все шутишь, Наташа, а я чертовски спать хочу!

Старший сержант Яценко, веселый, добродушный человек, действительно смертельно хотел спать. Вздремнуть хотя бы только три-четыре часа, но так, чтоб никто не потревожил, не разбудил и не спросил ключей от ящиков и шкафов или очередного исходящего номера, казалось ему верхом блаженства.

— Знаешь, Наташа, — сказал он, — я сейчас дождусь майора Рахманова и буду проситься на отдых, все равно я уже не работник. У меня один глаз только смотрит, а другой давным-давно спит. И тебе советую проситься. Чует мое сердце, будет у нас завтра работенка. Неспроста генерал с полковником заседают — похоже, что к новой операции будем готовиться.

— Что ж проситься, — вздохнула Кедрова, — начальство само знает, когда отпустить.

— Но ведь ты тоже вторые сутки не спишь и вообще все время недосыпаешь. Тебе ведь вредно...

— Э, брось ты это, Остап!

Яценко тяжело вздохнул и, помолчав немного, продолжал:

— Чертежная работа уж очень мытарная. Ты бы на работу полегче попросилась.

Кедрова нахмурилась и сказала строго:

— Оставь, Остап. Не люблю я этих соболезнаваний!

Яценко улегся на сдвинутые железные сундуки, подложив под голову пухлую папку, и хотя он имел обыкно-

вание засыпать почти мгновенно, на этот раз долго ворочался и все не мог успокоиться.

— Мне, знаешь ли, Наташа, — продолжал он, — очень нравится, что ты такая серьезная, рассудительная и строгая.

— Что это ты сегодня разоткровенничался, Остап? — удивилась Кедрова. — Никак, еще в любви вздумалась объясняться?

— Я бы и объяснился, да ведь ты смеяться будешь.

— Конечно, буду. — Наташа улыбнулась, обнажив удивительно ровные, влажно блестящие зубы. Махнув на Яценко рукой, она добавила: — Ну, да ты спи лучше!

Яценко повернулся на другой бок, но в это время у входа в землянку раздались голоса, и он торопливо поднялся со своего железного ложа:

— Наши, кажись. Ох, чует мое сердце, не спать мне в эту ночь!

В землянку вошли полковник Белов и майор Рахманов.

— А ты чего не спишь, куме? — шутливо обратился Белов к старшему сержанту.

Полковник был постоянно весел. Кажется, еще не было такой неприятности, от которой бы он приуныл. Расстоячая направо и налево свои иногда несколько грубоватые шутки, он всегда делал это добродушно, не думая никого оскорбить или обидеть.

Пока Яценко бормотал что-то о том, что рад бы поспать, да возможности нет, полковник, не слушая его, направился к Кедровой и, улыбаясь, протянул ей руку:

— Приветствую вас, красавица!

— Вы бы мне лучше доброй ночи пожелали, — засмеялась Кедрова.

— Именно доброй, а не спокойной. До спокойной еще далеко.

— Значит, будем работать?

— Да, работать. Но вы не пугайтесь! Трудиться придется мне, вы же ступайте пока отдыхать. — Полковник снова протянул ей руку и сказал: — Спокойной ночи!.. Ну, а тебе, куме, — обратился он к Яценко, — придется пободрствовать. Ого, как вытянулась твоя физиономия! И здоров же ты спать, куме! Ну, да что с тобой поделаешь. Достань-ка мне дело номер тридцать да устраивайся здесь на ящиках. Ты ведь, говорят, как факир, можешь спать хоть на гвоздях. Ложись, куме, отсыпайся на здоровье, а когда понадобится, я тебя разбуджу.

В землянку вошли остальные офицеры штаба.

— Ну-с, — повернулся к ним полковник, — а вы все марш спать! Подъем в шесть ноль-ноль. Спокойной ночи и приятных сновидений!

Разведсводка

К исходу суток офицеры общевойсковой разведки штаба армии составляют разведсводку. Короткий, отпечатанный на одной или двух страницах документ впитывает в себя кропотливую и небезопасную работу разнообразных органов армии за целые сутки. Тут есть все: положение войск противника, действия его авиации и артиллерии, данные дневных наблюдений за передним краем и всеми просматриваемыми участками фронта неприятеля, результаты ночных поисков и опроса пленных, данные авиаразведки и наблюдения за работой вражеских войсковых раций.

Добывая эти сведения, десятки опытных разведчиков с различных пунктов, вооружившись стереотрубами, перископами и биноклями, зарывшись в землю или забравшись на деревья, в любую погоду просматривают каждую видимую пядь земли врага.

Пройдет ли группа солдат вдоль фронта, проследуют

ли повозки с ящиками, донесется ли шум поезда со стороны вражеской станции, промелькнет ли где-нибудь между деревьями связной велосипедист — все это тщательно заносят в свои журналы наблюдений разведчики-наблюдатели, указывая точную дату, время суток, квадрат или более точную координату топографической карты. Ничто не ускользнет от их внимания. Они всё слышат и видят, всё точно записывают и своевременно доносят своему штабу. Даже тогда, когда пелена тумана закрывает поля видимости, когда длительные дожди косым пунктиром штрихуют просматриваемые участки, разведчики все равно ведут наблюдения, занося в журнал плотность тумана, длительность дождя, его интенсивность и глубину видимости.

Когда же ночь черным своим маскхалатом скрывает от глаз территорию врага, на смену зрению разведчиков приходит их слух. Наблюдателей сменяют тогда «слушачи». Они почти вплотную подбираются к переднему краю обороны противника. Изощенный слух их улавливает малейшие шорохи, едва слышные звуки, идущие издалека. По ровному, глухому шуму опознают они движение пехоты, по дробному гулу, фырканию и цокоту копыт — конницу, по прерывистому лязганью металла — артиллерию и по непрерывному металлическому грохоту гусениц и резкому шуму моторов — танки и самоходки.

Уходят разведчики и в глубину вражеских позиций и там, в шестидесяти километрах от переднего края обороны, ведут скрытое наблюдение за огневыми точками, живой силой и оборонительными сооружениями врага.

А пока войсковая разведка прощупывает передний край и тактическую глубину обороны противника, авиация углубляется в его тылы, а радиоразведка тщательно следит за работой его засеченных радиостанций, их перемещением, исчезновением или появлением новых раций.

К вечеру через пункты сбора донесений, через посыльных и нарочных стекаются в штаб армии письменные донесения, схемы, карты, аэрофотоснимки, шифровки. И тогда штабные офицеры-разведчики принимаются наносить все это на карту, сопоставляя свежие сведения с уже имеющимися и определяя степень их достоверности.

Постепенно такая карта густо покрывается графическими символами фортификационных сооружений, артиллерийских позиций, огневых точек и минных полей. Вписываются номера новых вражеских частей, перемещаются старые. Бесперерывно меняющаяся обстановка на карте еще энергичнее приходит в движение. Она дополняется и уточняется с каждым телефонным звонком, с каждым вновь полученным донесением. Напряженным, лихорадочным пульсом войны бегают на карте цветные карандаши, нанося всё новые и новые условные знаки.

Обычно разведсводка бывает готова к вечеру. Однако в этот день еще задолго до установленного срока начальник разведки штаба армии доложил командарму, что перед фронтом армии противник пришел в движение.

— Что же это — перегруппировка? — спросил его командарм.

— Части противника перемещаются почти без соблюдения обычных мер маскировки, — отвечал начальник разведки. — Похоже, что противник встревожен чем-то и спешит усилить свою оборону.

Фото пленки Кедровой

В тот день генерал Погодин срочно вызвал к себе Астахова. Аудиенция была предельно короткой, но капитан Астахов был не только удовлетворен ею — он был счастлив.

Генерал принял его, как обычно. Ни одним словом не высказал он своего одобрения, но по выражению его лица, по интонации голоса и по многим другим почти неуловимым признакам капитан понял, что генерал им доволен.

Победа Астахову казалась очевидной. Командарм одобрил поданную им мысль и осуществил ее. И вот теперь официальные данные разведки со всей убедительностью объективных фактов подтвердили ее. Стало несомненным, что противник уже принимает контрмеры против вчера только разработанной штабом армии фиктивной наступательной операции.

Это было даже не его личное торжество, а торжество логики, в которую капитан так верил и без которой не представлял себе разумной деятельности.

Выйдя от генерала и направляясь к себе, Астахов успокоился и понял, что повод к торжеству пока еще слишком незначительный. По сути дела, все осталось пока попрежнему и до решения основного вопроса еще очень далеко. Но все-таки была уже и маленькая победа, ибо круг, в котором находилось порочное звено, сузился и сузился не произвольно, не случайно, а вследствие специально проведенного разумного действия. Значит, если и дальше действовать в какой-то логической последовательности, то окончательное решение будет найдено.

Рассуждая таким образом, Астахов пробирался по узкому, скользкому от грязи дощатому настилу вдоль улицы поселка, в котором был расположен штаб армии. До домика его было уже недалеко, когда неожиданно встретился ему майор Гришин, вышедший из соседнего переулка.

Капитан хотел было доложить ему о посещении генерала, но майор перебил его.

— Все знаю, — сказал он. — Я только что от развед-

чиков. А для вас у меня дело. Знаете ли вы, что у Кедровой имеется отличный фотоаппарат?

— Да, конечно. Она ведь этого не скрывает.

— Что у нее — наш «ФЭД» или какая-нибудь заграничная штука?

— Наш «ФЭД».

— Ну, а как Кедрова фотографирует?

— Имел удовольствие у нее фотографироваться. Могу доложить — фотограф она отличный.

Майор попросил у Астахова зажигалку. Прикуривая, сказал, понизив голос:

— Поинтересуйтесь, что она фотографирует. Пленку проявляет она в фотолаборатории армейской газеты. Найдите повод посмотреть ее негативы. Были вы сегодня в редакции?

— Нет, не был.

— Ну, так зайдите непременно.

Гришин кивнул ему и завернул за угол. Астахов пересек грязную улицу и направился на окраину поселка. Однако не прошел он и трехсот метров, как увидел вдруг Кедрову. Она выходила из соседнего переулочка.

«В редакцию я еще успею, — решил капитан, — нужно будет поговорить с ней...»

— А, Наталья Михайловна! — весело воскликнул он. — Далеко путь держите?

— На свою квартиру.

— Нам по пути. Вы, кажется, где-то недалеко от меня живете?

— Не знаю, где вы разместились, а я еще с тремя девушками живу в конце вот этой улицы.

— Ну, так нам определенно по пути! — засмеялся капитан.

Они пошли рядом. Наташа, помолчав и не глядя на Астахова, сказала:

— Знаете, товарищ капитан, когда меня называют по

имени и отчеству, мне почему-то всегда кажется, что надо мной подшучивают.

— Почему так? — удивился Астахов.

— Не знаю. Лучше уж, по-моему, назвать просто по имени или по фамилии. В армии ведь так больше принято.

— Похоже, что вы сегодня не в духе, — заметил капитан, пристально взглянув на утомленное лицо Наташи.

— Нет, я просто устала. Эти дни очень много приходится работать. А вы, кажется, в отличном настроении?

— Я всегда бываю в хорошем настроении, когда ясно понимаю, что происходит вокруг меня.

— Даже если плохое?

— Да, даже если плохое. Только я непременно должен разобраться во всем.

— Это удивительно! — заметила Наташа и, с любопытством взглянув на Астахова, добавила: — Извините, но у вас очень самодовольный вид.

— Вы вообще, кажется, не очень-то лестного мнения о моей внешности, — усмехнулся Астахов, чувствуя, что ему приятно идти с Наташей и разговаривать с ней. — Хотелось бы взглянуть, — продолжал он, — каким же получился я на вашей фотографии? Помните, вы щелкнули меня своим «ФЭДом» дней пять тому назад?

— Помнить-то помню, — ответила Наташа, — но пленку до сих пор не удалось проявить. Последние дни абсолютно нет свободного времени.

— А может быть, вы мне доверите эту операцию?

— Какую операцию? — не поняла Наташа.

— Да проявление пленки. Я в этом деле смыслю кое-что, так что можете не беспокоиться, не испорчу.

Наташа молчала.

— Пленка-то с вами, наверное? — спросил Астахов.

— Да, пленка со мной, но стоит ли утруждать вас?.. Я и сама освобожусь скоро.

Ей, видимо, не хотелось давать пленку Астахову, но он сумел настоять на своем, и она уступила.

— Дня через два, — весело заявил Астахов, — а то и раньше я верну вам все это в проявленном и отпечатанном виде. Можете быть спокойны.

— Да я и не беспокоюсь, — ответила Наташа.

Они были теперь возле дома Астахова, и он остановился в нерешительности — провожать девушку до ее квартиры или попрощаться здесь.

— Ну-с, до свиданья, Наташа. Я живу вот в этом доме, — сказал он наконец, решив не провожать ее, так как она все равно стала бы возражать.

— До свиданья, — ответила Наташа и неторопливо пошла через огород мимо окон дома Астахова.

Капитан смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом соседнего сарая. Он вспомнил недавний разговор с Гришиным, и ему стало смешно, что он назвал тогда интерес свой к Наташе профессиональным интересом. Просто она нравилась ему. Было в ней что-то привлекательное, хотя он и не мог пока определить, что именно. Не внешность, конечно. Ведь вот машинистка Валя гораздо красивее ее, однако к ней он совершенно равнодушен. Нет, в Наташе другое что-то...

Астахов оставался у себя недолго. Он просмотрел несколько бумаг, принесенных из оперативного отдела его помощником, лейтенантом Ершовым, и собрался уже уходить, когда кто-то робко постучал вдруг в его окно. Астахов вышел из-за стола и выглянул на улицу. Там, под окном, стояла Наташа.

— Заходите же, заходите! — крикнул он и, поспешив к дверям, распахнул их. — Прошу вас, Наташа!

Наташа вошла, смущенно улыбаясь.

— Извините, что беспокою вас, — сказала она. — Я отдала вам пленку, а после вспомнила, что у меня там есть снимки, которые нужно срочно отпечатать. Я, пожа-

луй, сейчас же пойду в лабораторию и проявлю их. Могу я получить у вас пленку?

Наташа заметно волновалась, и это не ускользнуло от внимания Астахова.

«Что же ей волноваться так?» — подумал он и тут же принял неожиданное решение.

— Вот беда! — воскликнул он. — Вам определенно не повезло, Наташа. Я только что отослал пленку в нашу лабораторию для проявления. Что у вас за срочность такая?

— Да ничего особенного. — Наташа, казалось, взяла себя в руки и говорила теперь спокойно. — Раз уж вы ее отослали, ничего не поделаешь. Простите, что оторвала вас от работы...

Когда Наташа ушла, капитан вызвал лейтенанта Ершова, приказал ему отнести пленку в лабораторию и срочно проявить ее.

Отправив пленку, Астахов направился было к выходу, но в это время раздался телефонный звонок. Капитан подошел к телефону и снял трубку.

— Зайдите ко мне, — прозвучал строгий голос.

Это был голос генерала Погодина.

Ход генерала Погодина

— Садитесь, — сказал генерал. — Мне пришлось вторично вызвать вас, так как я получил новые, весьма важные сведения. Вам необходимо знать их.

У генерала Погодина всегда было строгое, озабоченное лицо. Астахов не мог припомнить, видел ли он его когда-нибудь смеющимся. Но сегодня генерал был совершенно другим человеком. Тяжелые складки на лбу разгладились, улыбка округлила губы, холодные серые глаза потеплели. Сейчас этот большой, очень требова-

тельный и строгий человек казался необычайно добрым. Он достал из своей рабочей папки внеочередную разведсводку, что-то энергично подчеркнул в ней и протянул Астахову. Пока капитан читал, генерал принялся перелистывать книгу, лежавшую у него на столе. Книга была на английском языке и называлась «За стенами Федерального бюро расследования». Автором ее был Джон Дж. Флоэрти. При всей своей загруженности служебными делами генерал Погодин умудрялся все же не пропускать ни одной литературной новинки о разведке и контрразведке. Задолго до того, как появились русские переводы, он уже прочел на английском языке все нашумевшие книги Майкла Сейерса и Альберта Кана, Фредерика Коллинза и Алана Хинда.

Астахов прочел сводку и вернул генералу. Погодин положил ее в папку и спросил:

— Понимаете вы, в чем тут дело?

— Не совсем, товарищ генерал.

— Ну да, впрочем, вы и не можете этого знать.

Генерал вышел из-за стола и, неслышно ступая, стал прохаживаться по комнате, заложив руки за спину.

— А дело тут вот в чем. Подсказанная вами идея была безусловно удачна, но вы продумали ее только наполовину. Однако, повторяю, идея была хороша, и вторую половину ее нетрудно было додумать и без вас. И я это сделал. Я решил, что нужно разработать фиктивную операцию не только ограниченному кругу офицеров и генералов, но дать также каждому отделу штаба разную обстановку и группировку войск.

Генерал замолчал, продолжая прохаживаться по комнате, а Астахов невольно думал: «Как же я-то до этого не додумался? Ведь это же так просто и к тому же почти решает основной вопрос!»

— И вот теперь мы имеем плоды этой идеи, — продолжал генерал после короткой паузы. — Днем нам было

известно только то, что противник принимает какие-то контрмеры. А теперь мы уже точно знаем, что он принимает контрмеры соответственно плану, разработанному штабом инженерных войск. Понимаете теперь, в чем дело? Понимаете, какой вывод из этого нужно сделать?

— Да, товарищ генерал. Если это так, то несомненно, что в штабе инженерных войск что-то неблагополучно, — ответил Астахов.

— В этом теперь не может быть сомнений. Были вы сегодня в штабе Тихомирова?

— Нет, товарищ генерал.

— Не теряйте времени и зайдите сегодня же. Мы должны принять срочные меры. Постарайтесь узнать, точно ли только генерал Тихомиров и полковник Белов занимались разработкой операции или в этом участвовал еще кто-нибудь из работников штаба.

Проявленные негативы

Когда капитан Астахов вошел в землянку штаба инженерных войск, там царило необычайное оживление. Присмотревшись, он заметил, что в штабе были все три помощника, начальник секретной части и старший сержант Яценко.

— Что это у вас такое веселье? — спросил Астахов.

— У нас сегодня первый в этом месяце мало-мальски свободный вечер, — ответил майор Рахманов. — Вот мы и посвятили его обмену боевыми воспоминаниями. Ваша очередь рассказывать, капитан Астахов. У вас-то, наверное, найдутся интересные истории.

— Найдись-то найдутся, — усмехнулся Астахов, — но, к сожалению, не подлежат оглашению.

— Вроде как бы с грифом «совершенно секретно», — с уважением заметил старший сержант Яценко.

— Вот именно, — рассмеялся Астахов. — Расскажу вам поэтому то, что, так сказать, «для служебного пользования».

И он рассказал случайно пришедшую на память историю о немецком шпионе, которого разоблачил в самом начале войны.

Отделавшись таким образом, капитан присел возле стола старшего сержанта Яценко, заметив:

— У вас всегда так все заняты, а сегодня просто праздник какой-то.

— А это потому, товарищ капитан, — отозвался Яценко, — что работы сегодня мало, да к тому же и начальство отдыхает.

— Какое начальство?

— Генерал и полковник. Они больше суток работали без отдыха.

— А что, Кедрова тоже разве отдыхает? — спросил Астахов. — Не видно ее что-то.

— Да, и она отдыхает. Ей тоже в эти дни досталось. В два часа ночи она легла, а в пять утра полковник уже велел разбудить ее — надпись на карте делать.

— На какой карте?

— На карте инженерного обеспечения. Полковник лично всю ночь над нею работал. Очень уж секретная была. Он даже регистрировал ее сам. Я ему только очередной номер дал.

— А чертежницу-то как же он допустил?

— Очень просто: свернул карту до половины, а внизу велел надпись сделать, — охотно объяснил Яценко.

В штабе между тем продолжало царить оживление. Офицеры здесь были люди молодые, веселые. Они понимали толк в удачной шутке, остром слове. Поболтав с ними о всякой всячине, капитан Астахов попрощался и ушел к себе.

Лейтенант Ершов как раз в это время принес из ла-

боратории проявленную пленку. Астахов взял ее, подошел к окну и с любопытством принялся рассматривать.

На пленке были фотографии офицеров штаба инженерных войск, мост, недавно построенный армейской саперной бригадой, землянка штаба инженерных войск, Яценко в нескольких позах и еще какие-то сержанты. В самом конце пленки оказались снимки двух топографических карт.

Астахов взял лупу и внимательно стал рассматривать их. На негативе одной из карт он совершенно отчетливо разобрал надпись: «Карта дорог и мостов в полосе армии». На снимке другой карты надпись трудно было разобрать, но по очертаниям ее, по условным обозначениям было несомненно, что и вторая карта была оперативной.

«Зачем ей понадобилось это?» — взволнованно подумал Астахов, но в это время быстро вошел майор Гришин.

— Одевайтесь, — торопливо сказал он. — Возьмите с собой оружие. Едем на серьезное задание. Выполнять его будут корпусные работники, но генерал приказал нам при этом присутствовать. Машина уже ждет нас. Потопитесь! Дорогой все объясню.

В зеленом квадрате

Дорогой майор Гришин рассказал, что связисты армии запеленговали работающую у нас в тылу подозрительную радиостанцию. Был точно установлен квадрат ее местонахождения, и вот теперь корпусная контрразведка должна была прочесать этот район.

В штаб корпуса прибыли поздним вечером. В темноте, среди мокрых колючих елей, долго искали землянку подполковника Соколова. Наконец наткнулись на часового, который грозно окликнул их. Майор назвал пропуск и спросил, как пройти к Соколову.

— Вот тут. Проходите влево.

Подполковник давно уже ждал их. На нем было кожаное пальто, полевая сумка и сигнальный электрический фонарь на поясе.

— Наконец-то! — с облегчением сказал он. — Последний сигнал рация подала полчаса назад. Местонахождение ее в квадрате 8596. Вот тут.

Полковник ткнул пальцем в зеленый квадрат карты, развернутой на столе.

— Значит, в лесу, — заметил майор Гришин.

— Да, — подтвердил Соколов, — этот квадрат и все смежные — лес. Мои люди уже оцепили подозрительный район и никого оттуда не выпустят. Сейчас ночь, боюсь, что темнота помешает нам... Может быть, подождать до рассвета?

— Нет, нет! — возразил Гришин. — Действовать нужно немедленно.

* * *

В лесу было непроглядно темно. Шли не разговаривая, с протянутыми вперед руками, натыкаясь на мокрые стволы деревьев. Часто останавливались прислушиваясь. Вокруг все было тихо.

Вскоре окружение подозрительного участка настолько сузилось, что автоматчики могли бы взяться за руки и замкнуть круг. Однако в лесу попрежнему было тихо; только ломкие ветки хвороста чуть слышно похрустывали под ногами солдат подполковника Соколова.

И вдруг где-то в центре оцепления вспыхнул тусклый отблеск света, идущего откуда-то снизу, будто из-под земли.

— Шире шаг! — прошептал подполковник, и почти тотчас же раздавшийся дробный звук автоматной очереди невольно заставил людей остановиться.

Пули просвистели над их головами, слепо тыкаясь

в стволы деревьев. За первой очередью последовала вторая, уже в другом направлении. И тут послышался вдруг приглушенный стон раненого человека. Было несомненно, что ранен кто-то из автоматчиков Соколова.

— Я потребую, чтобы они сдались! — раздраженно заявил подполковник.

— Попробуйте, — откуда-то из темноты отозвался майор.

— Послушайте, вы! — крикнул Соколов. — Прекратите бесполезное сопротивление. Вы окружены!

В ответ грянуло еще несколько выстрелов, и Гришин вскрикнул. Астахов, бросившись на звук его голоса, успел подхватить ослабевшее тело майора.

— Я ранен в бедро, — прошептал Гришин.

— Ну, это уж верх наглости, чорт бы их побрал! — обозлился подполковник и крикнул: — Вперед!

Из глубины окруженного участка снова кто-то выстрелил. Раздался чей-то приглушенный стон, проклятия и ответный выстрел.

— Не стрелять! — прохрипел майор Гришин. — Прикажете не стрелять, подполковник!

Но стрельба уже прекратилась сама собой. Снова все стало тихо. Два автоматчика взяли на руки раненого майора. Остальные медленно двинулись вперед.

— Сдавайтесь! — снова крикнул подполковник.

Люди прислушивались, затаив дыхание, и им показалось, что неподалеку кто-то хрипит.

— Зажечь свет! — скомандовал Соколов.

Несколько электрических фонарей осветило серые стволы сосен, желтые конусы света побежали по усыпанной хвоей земле и остановились на темной фигуре человека, лежавшего навзничь. Голова его была в крови.

— Фельдшера! — крикнул подполковник.

Фельдшер, который уже наскоро перевязал Гришина,

подбежал к лежащему на земле человеку и пощупал его пульс.

— Скверное дело, — сказал он. — Кажется, его песенка спета.

— Осмотреть все вокруг! — приказал подполковник и стал обыскивать раненого.

В кармане его оказались документы на имя Ивана Сидорова и чистая записная книжка.

Разочарованный результатами обыска, Астахов спустился на дно неглубокой ложбины, где уже были лейтенант и два автоматчика. В свете их фонарей Астахов увидел землянку, из открытых дверей которой валил дым.

Капитан подошел ближе, заглянул внутрь.

— Он тут жег что-то, — сказал лейтенант, указывая на закопченный металлический остов рации и небольшую грудку пепла, лежавшую на земле.

Астахов опустился на колени и осторожно стал перебирать пепел. Плотная бумага хотя и сгорела, но не вся еще рассыпалась. На некоторых листках ее можно было разобрать следы написанного. Капитан хотел аккуратно сложить их в планшетку и взять с собой, но, побоявшись, что они дорогой рассыпятся, решил, что лучше переписать с них все сохранившиеся знаки.

Попросив несколько фонарей, он стал изучать ломкие листки пепла. Большая часть их была повреждена. Определить, были ли на них какие-нибудь знаки, не представлялось никакой возможности. Но и на сохранившихся листках, казалось, ничего не было написано. Только на одном из них была едва заметная группа цифр.

Капитан достал блокнот и аккуратно записал в него обнаруженные цифры. Он не сомневался, что это была шифрограмма.

Дальнейшие поиски не дали никаких результатов, и подполковник Соколов приказал собираться в обратный путь. Майора Гришина еще раньше отправили в корпусную санитарную часть.

Когда подполковник с Астаховым садились в машину, фельдшер доложил, что раненый радист умер, не приходя в сознание.

Неужели Наташа?

Генерал Погодин, когда капитан Астахов доложил ему результаты ночной операции, приказал тщательно разобраться в найденной записной книжке и цифрах, обнаруженных на пепле, и доложить результаты вторично.

Астахов передал переписанные им цифры в шифровальный отдел, а записную книжку принялся изучать сам. Страницы ее были совершенно чистыми, только на одной было что-то написано и стерто.

Зная, что почти все шпионы прибегают к симпатическим чернилам и что в большинстве случаев чернила эти становятся видимыми под действием тепла, Астахов решил подвергнуть записную книжку нагреванию. Под влиянием тепла симпатические чернила из раствора свинцового сахара обнаруживают черные буквы, из азотнокислой меди — красные буквы, из азотнокислого никеля — зеленые, а из сока луковицы — яркокоричневые. Может быть, и эта записная книжка исписана такими чернилами?

Нагрев утюг, капитан прогладил им каждую страницу, но это не вызвало никакой реакции. После такой неудачи Астахов уже не решился проделать подобный же опыт над найденными между страницами записной книжки плотными кусочками бумаги, непрозрачной на

свет. Они казались капитану подозрительными, и он решил передать их вместе с записной книжкой в лабораторию.

На благоприятный исход анализа, так же, впрочем, как и на дешифрирование цифр, обнаруженных на полу-сожженной бумаге, он почти не надеялся. Вообще положение теперь представлялось ему осложнившимся, и виной всему он считал неудачу ночной операции, в результате которой был убит вражеский радист. Показания его могли бы пролить свет на многое, так как Астахов почти не сомневался, что между таинственным проникновением секретных сведений за пределы штаба инженерных войск и этим подозрительным радистом существовала какая-то связь.

Весь день капитан строил разнообразные догадки, однако все они казались шаткими, неубедительными. Для построения стройной гипотезы были необходимы бесспорные фактические данные, а их пока не было.

Приходилось набраться терпения и ждать результатов раскодирования шифра и лабораторного анализа.

Вечером капитан направился наконец к шифровальщикам. По веселому виду подполковника Глебова, руководившего работой шифровальщиков, Астахов догадался, что им удалось добиться успеха. До войны Глебов был профессором математики в Московском государственном университете и теперь блестяще разгадывал самые хитроумные коды радиogramм противника.

— Шифровку вашу мы раскодировали, — заявил Глебов. — В ней нет полного текста, но из того, что вы дали нам, получилось примерно следующее: «Нет четкости... увеличьте давление...»

Астахов долго размышлял над этими отрывочными словами, но понять, что они означали, не мог.

В лаборатории ожидала его еще бóльшая неожиданность. На одном из кусочков желтой бумаги, переданной им для анализа, оказался снимок топографической карты с нанесенной обстановкой.

Астахов завернул отпечаток карты в бумагу и забрал с собой. Дома с помощью лупы, к немалому своему удивлению, обнаружил он, что это был снимок карты инженерного обеспечения последней (фиктивной) армейской операции.

«Что же это такое? — взволнованно подумал капитан. — Как попал к радисту этот снимок?»

И вдруг вспыхнуло мрачное подозрение... Он вспомнил фотопленку Кедровой с изображением оперативных карт. Вспомнил, что Кедрова имела некоторое отношение и к последней карте инженерного обеспечения, над которой работал полковник. Правда, она, по словам Яценко, сделала только надпись на карте, но ведь в штабе тогда никого не было, а полковник мог отлучиться на несколько минут. Она имела возможность в это время улучшить мгновение, чтобы щелкнуть затвором фотоаппарата.

Все складывалось против чертежницы, и все-таки Астахов не мог допустить измены с ее стороны. Капитан был уверен, что к предательству должны быть особые причины, у Кедровой же он не находил и намека на них. Она была дочерью рабочего, мастера одного из московских военных заводов. Старший брат ее, кадровый офицер, командовал гвардейским артиллерийским полком. Сама Наташа — комсомолка, училась два года в Архитектурном институте, добровольно пошла на фронт.

Астахов часто встречался с Кедровой в штабе инженерных войск и в армейском Доме Красной Армии на киносеансах и концертах, много беседовал с ней, и хотя, может быть, не все ему было понятно в ее вкусах и

взглядах на искусство, в благонадежности ее он никогда не сомневался.

И все-таки он должен был теперь заподозрить ее.

Явившись с докладом к генералу, он высказал ему свои подозрения.

— Сможете вы окольным путем узнать, отлучался ли полковник Белов, когда Кедрова делала надпись на карте? — спросил генерал. — Мне бы не хотелось до поры до времени вести с ним официальный разговор на эту тему.

— Будет выполнено, товарищ генерал! — отвечал Астахов.

Неожиданное посещение

Капитан зашел в штаб инженерных войск в обеденное время. Все офицеры ушли в с оловую. За перегородкой секретной части дремал, положив голову на пухлую папку, старший сержант Яценко.

— Здравствуйте, товарищ Яценко! — весело приветствовал его Астахов.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — встрепенулся Яценко.

— Где же начальство?

— Обедает.

Астахов прошелся по зе лянке, рассматривая развешанные по стенам карты и плакаты.

— Похоже, что вы здорово недосыпаете, товарищ Яценко? — сказал он. — Уж очень вид у вас измученный.

— Так точно, товарищ капитан, нормального сна давно не имею. Дождаться бы только, когда война кончится! Целый бы год тогда отсыпался.

— Что и говорить, нелегко вам приходится, — посоветовал Астахов. — Но ведь сейчас всем достается.

Надо полагать, что и начальство тоже недосыпает? Вот полковник Белов, к примеру?

— Так точно, полковник Белов определенно недосыпает. Тоже, вроде меня, иногда на ходу спит. Сам видел. Позавчера ночью, например. Сначала еще ничего, пока он сам над картой работал, а когда уже все готово было и Наташа надпись стала делать, так форменным образом клевать стал. Меня тоже здорово ко сну клонило. Я даже выходил раза два на свежий воздух, чтобы не заснуть. Одна Наташа только бодрствовала. Вот, знаете ли, у кого железная выдержка!

— Выносливая? — спросил капитан.

— Исключительно выносливая. Двое суток свободно может без сна обходиться. Вообще, знаете ли, редкостная девушка...

Он хотел добавить еще что-то, но, заметив ироническую улыбку капитана, смутился и покраснел.

«Похоже, что влюблен в нее парень», — подумал капитан, собираясь уходить.

— Ну, счастливо оставаться, товарищ Яценко. Зайду к вам попозже.

«Что же получается? — думал Астахов, выбравшись из землянки. — Все факты не в ее пользу. Неужели я должен заподозрить ее? Но тогда я отказываюсь понимать что-нибудь...»

Допустить такую мысль Астахову было не только неприятно, но и больно. Расстроенный, шел капитан по деревянному настилу улицы, никого не замечая. Он понимал, что генерал, узнав все собранные им факты, может приказать арестовать Кедрову. Факты эти вызвали, конечно, подозрения, но внутренней уверенности в виновности Кедровой у Астахова все еще не было.

Задумчиво подошел капитан к своему дому и вдруг увидел у дверей Кедрову. Это было так неожиданно,

что он забыл даже поздороваться и смотрел на девушку с явным недоумением.

Наташа, видимо, тоже была чем-то сильно расстроена.

— Здравствуйте, товарищ капитан! — взволнованно сказала она. — Прошу извинить, что беспокою вас, но у меня серьезное дело. Я уже была у вас час назад, но не застала...

— Если дело серьезное, прошу зайти, — сказал Астахов, стараясь не глядеть на Кедрову, и, открыв дверь, пропустил ее вперед.

Пригласив девушку сесть, капитан холодным, официальным тоном сказал:

— Слушаю вас.

— Видите ли, — смущенно начала Наташа, — позавчера я ошибочно передала вам не ту пленку, на которой сфотографированы вы, а совсем другую... на которой засняты мною две оперативные инженерные карты.

Астахов притворился удивленным:

— Оперативные карты? Для чего понадобилось вам делать такие снимки?

— Я выполняла приказание полковника Белова и сфотографировала их для штабного фотоальбома.

Наташа отвечала теперь совершенно твердо. От недавнего замешательства ее не осталось и следа.

Астахов, теряясь в догадках, спросил строго:

— Почему же вы не сообщили мне об этом раньше?

— Да ведь я же объяснила вам только что, товарищ капитан, что ошиблась. Я не была уверена, что карты именно на этой пленке. По моим расчетам, они должны были находиться на другой ленте. Но вот только что я разрядила вторую кассету и поняла, что ошиблась.

Похоже, что дело было именно так. Кедрова не решилась бы выдумать все это — он ведь мог тотчас же

снять телефонную трубку и выяснить все у Белова. Ну да, по всему было видно, что она говорила правду. Капитан стал понемногу успокаиваться. Однако, продолжая разговор с Наташей, он все еще хмурился.

— Почему вы носите с собой эти негативы? — спросил он.

Тон, которым капитан задавал Наташе вопросы, создавал впечатление официального допроса. Наташа почувствовала это, удивленно посмотрела на него и спросила, в свою очередь:

— А вы уже проявили мою пленку, товарищ капитан?

Астахов, решив, что целесообразнее не говорить пока правду, ответил:

— Я был занят все эти дни и не мог выбрать время зайти в нашу фотолабораторию.

Капитану показалось, что Кедрова облегченно вздохнула.

— Тогда я объясню вам, в чем дело, — сказала она. — Карты эти, видите ли, фотографировала я на пленку, на которой еще раньше были сделаны другие снимки... В штабе у нас, как вы знаете, нет фотолаборатории, и поэтому я вынуждена была брать их с собой, чтобы проявлять и печатать в лаборатории армейской газеты. Кроме того, сфотографированные мною карты давно уже не являются секретными.

— Зачем же вы, в таком случае, пришли заявить мне о них?

— Я сделала это потому, что на картах стоит гриф «секретно», хотя все нанесенные на них данные перестали быть секретными, — спокойно ответила Наташа.

Астахов задумался. Формально получилось, что за Кедровой не было никакой вины. Но почему же она была так взволнована в начале их разговора? Склонному теперь к подозрительности Астахову то казалось, что

это неспроста, то, напротив, представлялось лишним подтверждением ее невинности и объяснялось ее застенчивостью. Чтобы несколько разрядить обстановку, он пошутил:

— А я-то думал, что вы пришли ко мне каяться в страшном преступлении. Можете не беспокоиться — ваша пленка у меня, как в негоряемом шкафу. Не сегодня, так завтра я возвращу ее вам.

Пожав Наташе руку, Астахов с облегчением отпустил ее. Спустя полчаса он отправился на доклад к генералу Погодину.

Положение осложняется

Выслушав Астахова, Погодин спокойно заметил:

— Я всегда считаюсь с субъективными ощущениями, однако отдаю предпочтение объективным фактам. Ваша убежденность в невинности Кедровой ничем, по сути дела, не подтверждена, кроме разве биографических данных, так что, в общем, я отношу это за счет ваших чисто субъективных впечатлений. Не подозревать Кедрову мы не имеем права. В создавшейся обстановке она, конечно, имела возможность сфотографировать карту инженерного обеспечения нашей фиктивной операции.

Генерал внимательно и, как показалось Астахову, строго посмотрел на него и заключил:

— Мое решение следующее: вы немедленно связываетесь с полковником Беловым и выясняете, действительно ли он поручал Кедровой фотографировать карты для фотоальбома. Если поручал — дело усложняется, если нет — немедленно арестуйте ее. По некоторым причинам я вынужден торопиться. Все! Действуйте, товарищ капитан.

Астахов вышел от генерала с самыми мрачными мыслями. Ему почему-то показалось, что генерал почувствовал в его словах личную заинтересованность в судьбе Кедровой. Под влиянием этих подозрений Астахов решил на этот раз исполнить свой долг особенно тщательно и беспристрастно.

Однако это было не так-то просто. Он хорошо понимал, что мог ошибиться, что нельзя доверять голосу чувства, и все-таки не мог заглушить этого голоса, не мог не считаться с ним. Он, конечно, исполнит свой долг, потому что чувство долга перед родиной было в нем самым высоким, но теперь он не мог исполнить его так же легко, как прежде. Теперь он должен был заглушить в себе что-то смутное, волнующее...

Астахов шел своим обычным крупным шагом. Он шел исполнить свой долг и хотел до конца быть твердым.

Явившись в штаб инженерных войск и застав полковника Белова в его землянке, капитан хотел сразу же приступить к существу дела, но полковник опередил его.

— По вашему мрачному и решительному виду, — заявил он, — чувствую, что вы зашли ко мне неспроста. Наверное, не ошибусь, если предположу, что вас интересует пленка с негативами двух оперативных карт, сфотографированных Кедровой. Так?

— Так.

— Удивляетесь?.. Не удивляйтесь, я еще не научился читать чужие мысли. Просто Кедрова была у меня только что сама и обо всем доложила. Страшного ничего нет. Карты старые, и, кроме грифа «секретно», на них теперь секретного ничего нет. Я действительно поручил ей сфотографировать их для штабного фотоальбома.

Внутреннее чувство подсказало Астахову, что это

именно так и должно быть, но он понимал, что торжествовать было рано. Он все еще не имел права снять подозрений с Наташи...

Но тут неожиданно мелькнувшая догадка сразу изменила весь ход его мыслей. Он торопливо попрощался с полковником и поспешил в свое отделение. Достав из секретного ящика карту, обнаруженную у убитого радиста, капитан принялся тщательно изучать ее через сильную лупу.

— Ну да, так оно и есть! — воскликнул он. — Как же я сразу не сообразил! Это же чертовски важное открытие!

Астахов поспешил к телефону. Вызвав адъютанта Погодина, он попросил его доложить генералу, что имеет донести нечто чрезвычайно важное. Погодин был занят чем-то, и адъютант не сразу смог попасть к нему. Наконец он позвонил капитану и сообщил, что генерал ждет его. Капитан торопливо накинул шинель и поспешил к Погодину.

— Ну, что у вас нового? — спросил генерал Астахова, когда тот явился.

— Я только что тщательно изучил снимок карты... — начал было Астахов.

Но генерал перебил его:

— ...и обнаружил на ней подписи Тихомирова и Белова?

— Так точно товарищ генерал, — удивленно подтвердил капитан.

— Когда вы отдали желтый клочок бумаги на анализ в лабораторию, — объяснил Погодин, — я велел после проявления его изготовить для вас копию, подлинник же забрал себе. После вашего доклада о подозрениях, невольно падавших на Кедрову, я снова принялся тщательно изучать этот документ. Наличие подписи на снимке карты ставит Кедрову вне подозрений. Она ведь

не могла сфотографировать карту после того, как подписали ее генерал и полковник. По словам полковника Белова, карта после подписания ее генералом Тихомировым пролежала на чертежном столе всего несколько минут. При этом в штабе никого, кроме Тихомирова и Белова, не было.

Генерал нервным движением достал из коробки папиросу и, сунув ее в рот, зажал зубами, забыв закурить. Встав из-за стола, он медленно принялся прохаживаться по комнате. Астахов никогда еще не видел его таким взволнованным. Видно, на фронте замышлялось что-то серьезное.

— Положение, как вы видите, чрезвычайно затруднительное, — продолжал генерал. — И оно еще более усложняется тем обстоятельством, что с завтрашнего дня начнется подготовка операции фронтового масштаба. Командарм только что вернулся из штаба фронта. Он докладывал там о создавшемся положении, но командующий фронтом своего решения отменять не стал. Нам приказано срочно ликвидировать источник информации противника. Понимаете теперь, каково положение?

Круг суживается

Астахов испытывал странное, противоречивое чувство. С одной стороны, он не мог не сознавать, что в связи со снятием подозрения с Наташи наметившийся след потерян, что опять придется блуждать в темноте, пробираясь вперед ощупью. Но, с другой стороны, он был рад за Наташу, и в этом ощущении была не только удовлетворенность, но и глубокая заинтересованность в судьбе девушки.

Теперь все приходилось начинать заново, но это не пугало капитана, напротив — он с еще большим рвени-

ем готов был взяться за работу. Ему казалось даже, что он никогда еще не чувствовал себя более бодрым и деятельным, чем теперь.

Капитан хотел было тотчас же приняться за работу, но вспомнил, что не завтракал еще. Хотя ему и не хотелось есть, он все же поспешил в столовую, твердо решив ничем не нарушать своего обычного распорядка дня.

Возвращаясь к себе, капитан увидел вдалеке женскую фигуру, идущую ему навстречу. Сердце подсказало ему, что это была Наташа. Заметив его, она, казалось, хотела было перейти на другую сторону улицы, но Астахов ускорил шаг и окликнул девушку.

Наташа остановилась и холодно поздоровалась.

— Что у вас такой кислый вид? — весело спросил капитан. — К тому же такие воспаленные глаза, будто вы плакали.

Кедрова усмехнулась:

— Не имею обыкновения плакать, товарищ капитан. Да и отчего плакать? А вы все подшучиваете надо мной...

— Ну что вы, Наташа! Никогда не позволю себе этого ни над кем, тем более над вами.

Наташа удивленно посмотрела на него и спросила:

— Разве я для вас составляю какое-нибудь исключение?

Астахов смутился.

— Да, — негромко сказал он. — Составляете...

Наташа вдруг заторопилась:

— Я очень спешу, товарищ капитан. Работы сегодня много.

— Ну, у вас вечно много работы! — засмеялся Астахов. — Вот возьмите-ка лучше вашу пленку. Как видите, проявлена она по всем правилам. Все негативы контрастные.

Наташа протянула руку за пленкой и впервые улыбнулась:

— Вот за это спасибо! А то мне за нее уже досталось от полковника. Ну, я пойду, товарищ капитан!

Она крепко пожала руку Астахову и поспешила в штаб.

Астахов с новой энергией взялся за работу. Он снова принялся рассматривать раскодированную шифrogramму, но ее короткий текст, так же как и прежде, не объяснил ему, об увеличении какого давления шла речь. Он не допускал возможности условного смысла этих слов, ибо их тогда незачем было передавать кодом. Но что означает это «давление»?

Отложив в сторону шифrogramму, капитан попытался подвести итог достигнутому за эти дни, и он оказался не таким уж жалким, как представлялось Астахову вначале. Круг, в котором было порочное звено, все более суживался. Если еще совсем недавно его площадь лежала где-то в пределах штаба армии, то теперь она сократилась до пределов штаба инженерных войск, а сегодня уже ограничилась штабной землянкой. Известно стало и время фотографирования карт: оно было в пределах всего лишь нескольких минут, в течение которых карта лежала на чертежном столе после ее подписания. Но как и кто мог ее сфотографировать?

На мгновение закралось подозрение: не в землянке ли дело? Ведь штаб инженерных войск размещен в землянке, которую раньше занимал штаб фашистского полка. Но подозрение показалось неосновательным. Астахов сам тщательно обследовал эту землянку вместе со старшим помощником Белова еще до размещения в ней штаба инженерных войск.

Капитан знал, что раскрытием секрета немецкой информации занимался не только он один. Над этим ра-

ботали все старшие офицеры отдела генерала Погодина. Среди них были люди значительно опытнее его, молодого офицера, однако это не мешало капитану считать себя главным лицом, от которого зависел успех или неуспех дела.

Эта убежденность побуждала Астахова к самой энергичной деятельности, и он жил теперь только одной мыслью — найти источник немецкой информации.

Но в этом желании не было ничего эгоистичного. Он просто страстно желал помочь командованию сохранить тайну готовящейся операции, помочь выиграть эту операцию.

Чертежный столик

Утром следующего дня капитан Астахов пришел в штаб инженерных войск с намерением самым тщательным образом осмотреть чертежный стол Кедровой. В штабе было оживленно. Полковник Белов, обычно работавший в своей землянке, сидел за столом старшего помощника. Остальные офицеры тоже были в сборе и усердно рылись в пухлых делах и справочниках. Кедрова за высоким чертежным столом переписывала какой-то график.

— Что это у вас сегодня с самого утра такое оживление? — весело поздоровавшись, спросил Астахов полковника. — Ведь вы же привыкли ночами работать.

— На фронте затишье, — отвечал полковник, — велено боевой подготовкой заниматься. Вот составляем план-программу. Но вы-то, конечно, знаете, в чем дело? — добавил он, понизив голос.

Да, капитан знал, в чем дело. Он знал, что с утра уже началась подготовка к новой крупной операции фронтового масштаба, но штабам было категорически запрещено говорить об этом. С этого дня не разреша-

лась телефонная, телеграфная и радиосвязь с войсками по оперативным вопросам. Большинство телефонов, связывающих отделы армии с корпусами и дивизиями, также было выключено. Запрещалось пользоваться рациями. Разговаривать с войсками позволялось только по вопросам боевой подготовки. Необходимо было создать у противника впечатление перехода армии к длительной обороне.

— У меня к вам просьба, товарищ полковник, — сказал Астахов, подсаживаясь к столу Белова. — Я хочу попросить схему вашего чертежного столика. Мы собираемся себе такой же соорудить. Мне кажется чрезвычайно удобной его конструкция.

— Пожалуйста. Он у нас не патентованный, — ответил полковник. — Обратитесь к Наташе, это ее изобретение.

Капитан подошел к Наташе.

— А вы не возражаете, Наташа? — улыбаясь, спросил он. — Не боитесь, что я присвою ваше изобретение?

— Вряд ли вы на него польститесь, — засмеялась Наташа. — Это ведь далеко не шедевр конструкторского искусства.

— А мне и не нужно шедевра. Стол ваш прельщает меня своей портативностью. Он ведь разбирается?

— Да, разбирается. Могу продемонстрировать. Помогите мне, товарищ Яценко.

— Нет, нет, товарищ Яценко, — возразил Астахов. — Занимайтесь своим делом, я сам помогу Наташе.

Вместе с Наташей он быстро разобрал чертежный столик и внимательно осмотрел его детали. Все было естественно, очень просто и удобно.

— Отличный столик! — похвалил Астахов. — Надеюсь, вы дадите мне его чертеж?

— Да, конечно. Сегодня вечером сделаю.

Когда капитан Астахов попрощался, к Наташе подошел старший сержант Яценко и шепнул:

— Что-то уж очень стал интересоваться тобою капитан... Ему этот стол нужен, как мне бальное платье. Не собирается ли он за тобой ухаживать?

— Ну что ты, Остап, чушь какую-то мелешь! — недовольно возразила Наташа и вдруг со страхом почувствовала, что краснеет.

Войска идут к фронту

Вечером, когда Астахов, по заданию генерала Погодина, выехал в штаб фронта, все основные дороги были забиты артиллерией, танками и пехотой. Под прикрытием ночи в район предстоящих крупных операций стягивались войска. Спокойные, почти безлюдные днем дороги ожили.

Мощный шум моторов, лязг металла, ржанье лошадей, человеческие голоса — все слилось теперь в сплошной глухой шум.

Астахов всегда любил наблюдать эти ночные передвижения войск, полные затаенной могучей силы. Люди, моторы, орудия — все было подчинено единой непреклонной воле верховного главнокомандования. Ею все соединялось, все цементировалось, все направлялось в одну точку. И даже тогда, когда танкисты шли в пункт «А», артиллеристы — в пункт «Б», а пехота — в пункт «В», все они шли к одной общей цели.

Проникнутые той чудодейственной силой, которая в военных приказах скромно именовалась волей к победе, советские войска неумоимо шли, ехали, плыли и летели, вытаскивая из непролазной грязи машины, биением собственного сердца оживляя заглохшие моторы. Их вела вперед, к победе, непреклонная воля великого че-

ловека, день и ночь бодрствующего над стратегическими картами Великой Отечественной войны.

Машина Астахова лавировала между танковыми громадами, взползала на крутые подъемы, увиливала от страшных гусеничных тягачей и самоходок, осторожно огибала неумолимую, всюду поспевающую пехоту.

Астахов знал, что вся эта кипучая, напряженная ночная жизнь прекратится с первыми лучами рассвета. Неумолимые регулировщики перечеркнут дороги шлагбаумами и без специального пропуска не выпустят за их пределы ни одной машины, ни одной живой души. Все уйдет тогда в лес, обрастет искусственными насаждениями, зароется в землю. Заботливые руки укроют густыми ветвями стволы орудий, составят в козлы винтовки, освободят от седел коней. Остынут в густой тени деревьев горячие тела машин. На траве, на шинелях, на плащ-накидках разлягутся уставшие люди. Все заснет, притаится от хищного взгляда воздушной разведки противника, и все внешне будет казаться спокойным, неизменным, ничем не угрожающим.

А где-то там, на других участках, откуда ушли уже многие части, где все перешло к жесткой обороне, саперы станут имитировать оживление. По ночам будут загораться многочисленные костры, грохотать моторы грузовиков со снятыми глушителями, а днем будут перетаскиваться на просматриваемых участках фронта пакеты танков и артиллерийских орудий.

Астахов хорошо знал всю эту многообразную военную хитрость, неистощимую выдумку и напряженную, никогда не прекращающуюся деятельность. Он любил эту тяжелую, суровую, полную опасности жизнь, требующую хороших мускулов, выдержки, мужества и ума. Здесь не было ни дня, ни ночи, тут были лишь двадцать четыре часа, одинаково заполненные напряженной деятельностью. Здесь не было скидок на времена года, хотя

и тут совершался их неизменный круговорот. Весна с ее паводками и половодьями, лето с жарой и засухой, осень с дождями, зима с морозами и снежными заносами — ничто не могло сломить волю советских воинов.

Любовь к родине и лютая ненависть к врагам делали их неутомимыми.

Астахов знал, что спустя еще несколько дней советские войска придут в район сосредоточения и станут занимать исходные позиции. На них будут падать снаряды и бомбы противника, но вновь прибывшие части ничем не выдадут своего присутствия, не ответят на выстрелы, не обстреляют самолеты: противник до конца, до грозного сигнала атаки, должен считать, что имеет дело только с прежними частями.

Но когда вылезут на передний край саперы и, делая вид, что минируют свои подступы, на самом деле станут проделывать проходы в минных полях для готовящихся ринуться вперед войск, когда в ночь перед наступлением поползут они к минным полям противника и, распластавшись под мигающим, недоверчивым оком ракеты, будут затем в непроглядной мгле снимать вражеские мины, — тогда все вылезет из-под земли и застынет в напряженном ожидании.

Зная эту почти титаническую работу по подготовке к наступлению, все сложные этапы ее, Астахов мучительно остро сознавал свою ответственность, ибо не только его начальники, но и он лично должен был обеспечить сохранение тайны оперативных замыслов советского командования, не допустить проникновения сведений об этих замыслах к противнику. Он гордился этой ответственностью и был глубоко убежден, что именно в этой борьбе за сохранение военной тайны было его настоящее призвание, требующее предельного напряжения ума и чувств.

Еще одно звено

Астахов возвратился в штаб армии на следующий день утром. Он не сомкнул глаз всю ночь, и хотя генерал отпустил его отдохнуть до обеда, капитан и не думал ложиться спать. Перекусив наскоро, он поспешил в штаб инженерных войск за чертежом, который должна была приготовить для него Кедрова.

Астахов застал ее в штабе одну. Офицеры ушли на совещание к начальнику штаба, и даже Яценко вышел куда-то.

— Приветствую вас, Наташа, — весело сказал капитан, подавая Кедровой руку. — Надеюсь, вы сдержали обещание?

— Да, конечно, товарищ капитан. Чертеж был готов еще вчера вечером.

Кедрова протянула Астахову лист плотной бумаги, на котором очень тщательно был исполнен чертеж.

— Вот, пожалуйста, — сказала она.

— Спасибо, спасибо! — Астахов с удовольствием пожал Наташину руку, которая показалась ему холодной.

Наташа, смущенная не столько этим пожатием, сколько пристальным взглядом Астахова, спросила:

— Почему вы так подозрительно смотрите на меня, товарищ капитан?

— Меня глаза ваши удивляют. Но не смущайтесь, это не в порядке комплимента — я не специалист по этой части. У вас очень усталые глаза.

— Вы, кажется, второй раз уже об этом говорите... У меня в самом деле переутомлены глаза. И это все от лампочки, наверное. — Наташа указала на висевшую над чертежным столом лампочку.

— Что же, она очень тусклая или слишком яркая? — спросил Астахов.

— Исключительно яркая. От этого и болят у меня глаза. Я ведь больше ночами работаю...

Поговорив с Наташей еще немного, Астахов попрощался. Неподалеку от своего дома он встретил лейтенанта Ершова и приказал ему поинтересоваться электриком штаба инженерных войск.

Возвратившись к себе, капитан с удивлением увидел за своим столом генерала Погодина. Генерал сидел без шинели и, судя по окуркам в пепельнице, был здесь уже давно. Перед ним лежала его рабочая папка с документами.

— Вот, пришел вас поведать, — улыбаясь, сказал он. — Интересуюсь вашими бытовыми условиями. Что же вы стоите? Раздевайтесь, вы у себя дома, и прошу присаживаться.

Капитан Астахов быстро разделся и сел против Погодина. Генерал бросил в пепельницу окурочек и продолжал:

— У меня начальство из штаба фронта, сам Лаврецкий. Работает в моем кабинете, а я до вечера займу вашу избушку. Ну, что у вас нового?

— Кажется, обнаружилось еще одно звено этого таинственного круга, — отвечал Астахов. — Я начинаю догадываться об одном пункте, казавшемся мне неясным.

— О каком же? — нетерпеливо спросил генерал.

— Мне было совершенно непонятно, каким образом ночью, без магния, в столь сложной обстановке можно было производить почти мгновенную съемку в штабе инженерных войск...

— Да, это весьма важный пункт, — согласился генерал. — Я тоже думал над этим. Любопытно, до чего же вы додумались?

— Одним умозаключением я, пожалуй, не пришел бы ни к какому выводу, если бы не обратил внимание на то,

что у чертежницы Кедровой по утрам постоянно воспалены глаза. И вот оказалось, что это от слишком яркого света электрической лампочки, висящей над ее столом. Сегодня вечером я постараюсь лично посмотреть на эту лампочку. Мне думается, что именно она является источником освещения при съемке.

— Вы сделали ценное открытие, — одобрительно заметил генерал. — У меня есть дополнительные данные, которые могут подтвердить вашу догадку. Мне удалось установить, что шифрограмма убитого радиста раскодирована не совсем точно. Я установил, что в ней вместо слова «давление» следует читать «напряжение». Таким образом, у нас получается: «Нет четкости... увеличьте напряжение...» Если допустить, что в данном случае имеется в виду электрическое напряжение, то ваша догадка вполне уместна.

— Это бесспорно так, товарищ генерал! — воскликнул Астахов. — Тогда ведь и весь смысл шифрограммы становится понятным. Читать ее в этом случае нужно так: «Нет четкости линий (или контуров), увеличьте напряжение тока».

Генерал достал из папки какую-то бумажку, разглядел ее ладонью и произнес задумчиво:

— Похоже на то, что этой шифровкой шпионам дается указание делать более четкие снимки. Но при чем тут напряжение тока?..

Помолчав, генерал добавил:

— Учтите, товарищ Астахов, и еще одно обстоятельство: нашей лабораторией установлено, что снимок карты, найденный у убитого радиста, сделан под углом в семьдесят пять градусов к плоскости карты.

— Это, пожалуй, пригодится нам, — заметил капитан.

— Я тоже полагаю, — согласился генерал Погодин, — что этот непонятный пока наклон карты играет существенную роль. Скорее всего он является какой-то поме-

хой при съемке. Обратили вы внимание, что верхние и нижние контуры снимка не имеют достаточной четкости? А ведь это свидетельство того, что условия съемки были неблагоприятны и, видимо, наклона в семьдесят пять градусов невозможно было избежать. У нас с вами, товарищ Астахов, считанные часы. Подумайте над этими семьюдесятью пятью градусами и поинтересуйтесь лампочкой.

Генерал подошел к окну, открыл форточку, глубоко вдохнул свежий воздух, ворвавшийся в комнату, и спросил:

— Кажется, хорошая погода сегодня?

— Так точно, товарищ генерал.

— Воспользуйтесь этим обстоятельством, товарищ капитан, и прогуляйтесь на электростанцию штаба инженерных войск. По моим данным, она расположена в живописном месте.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — ответил Астахов, надевая шинель. — Мне ясна ваша мысль. Я уже послал туда лейтенанта Ершова на предварительную разведку. — Взглянув на часы, капитан добавил: — Через двадцать минут мы должны встретиться с ним в роще, неподалеку от электростанции.

Короткая аудиенция

В тот же день генерала Погодина вызвал к себе командарм. Он был задумчив и долго не начинал разговора. Погодин не задавал вопросов. Он молча сидел перед столом командарма, лишь изредка поглядывая на его усталое, озабоченное лицо. Погодин знал, что две последние ночи командарм провел в своей рабочей комматке, не смыкая глаз. Знал он также, что командарм только что имел разговор с начальником штаба фронта

и тот поставил перед ним жесткий срок готовности армии к выполнению боевой задачи.

Положение было исключительно напряженным. Подготовка к операции уже началась. Об этом, правда, знали пока только старшие начальники, и в армейских штабах не разрабатывали еще частных задач. Но работа эта должна была начаться со дня на день.

Совсем недавно противовоздушная оборона штаба армии вела мощный зенитный огонь по вражеским самолетам. От страшного грохота все вокруг сотрясало, но теперь установилась такая тишина, что слышно было, как тяжело дышал командарм, нервно постукивая кончиками пальцев по стеклу своего огромного письменного стола. Перед ним лежали стопка телеграмм и клубки телеграфных лент, которые адъютант не успел еще наклеить на бумагу.

Генерал Погодин ясно сознавал всю свою ответственность. Для него было совершенно несомненно, что на карте стояла не только личная судьба его и командарма, но и судьба всей операции. А это было поважнее их личной судьбы.

Когда певучие стенные часы неторопливо пробили девять ударов, командарм, встрепенувшись от глубокого раздумья, внимательно посмотрел в глаза Погодину и сказал:

— Ну что ж, генерал, нам, пожалуй, и не о чем говорить... Тебе ведь и так, наверно, все ясно?

— Все, товарищ командующий.

— Завтра в восемь утра ждут моего доклада. Сможешь ты доложить мне что-нибудь к семи?

— Смогу, товарищ командующий.

Разговор был окончен. Командарм встал, протянул руку Погодину и крепко пожал ее:

— За эти годы, Михаил Алексеевич, не однажды приходилось нам рисковать головой, но никогда еще не

было так туго. Ну, иди... Не спрашиваю, как у тебя дела, завтра в семь утра ты сам все скажешь. Желаю успеха!

Поздно вечером

В роще, неподалеку от сарая, в котором находилась электростанция штаба инженерных войск, Астахов встретил лейтенанта Ершова.

— Узнали что-нибудь? — тихо спросил капитан.

— Так точно, — ответил лейтенант.

Астахов повернулся, и они пошли в сторону поселка.

— Докладывайте, — приказал он Ершову.

— Мне удалось навести кое-какие справки, — сказал лейтенант. — Электрик Нефедов, обслуживающий электростанцию штаба инженерных войск, оказался не военнослужащим, а вольнонаемным. Сегодня он весь день навеселе. С некоторого времени его вообще не покидает веселое расположение духа. Где он достает водку, неизвестно. Лампочкой я тоже интересовался. Беседовал с ним по этому поводу. Уверяет, что выменял ее у электрика артиллерийского управления. Спрашиваю, как фамилия электрика. Отвечает — не знаю. А имя сообщил и внешность описал. Ходил специально по этому поводу к артиллеристам. Они тут недалеко, по соседству с инженерами. Оказалось, однако, что у них вообще никогда такого электрика не было.

— А под каким предлогом вы беседовали с Нефедовым? — встревоженно спросил Астахов.

— Сделал вид, что хочу раздобыть хорошую лампочку. Я же понимаю, что это дело тонкое, и действовал осторожно. Предлагал ему деньги и водку. Он обещал раздобыть. Сейчас лучше не заходите к нему: это может показаться подозрительным.

Капитан Астахов и сам понимал, что сейчас не время

для этого. Только дождавшись сумерок, снова направился он к электростанции. На этот раз капитан решил зайти в нее не со стороны поселка, а из рощи. Не доходя немного до сарая, в котором была электростанция, он крикнул:

— Есть тут кто?

Ему не ответили. Он постоял немного и вошел в сарай. Там тускло горела электрическая лампочка над трофейной динамомашинной. На ящике в углу дремал человек. Это был электрик Нефедов.

Капитан внимательно осмотрелся, но все вокруг было обычным. Заглянув под небольшой верстак и в ящики с проводами и электроарматурой, он отошел к дверям и крикнул громче:

— Эй, электрик!

Нефедов открыл глаза и зевнул:

— Кого там черти носят? — спросил он сердито, но, заметив офицерские погоны Астахова, нехотя поднялся с ящика. — Сюда нельзя, товарищ капитан. Не разрешается.

— У меня дело к вам, товарищ электрик, — вкрадчивым голосом произнес Астахов. — Нельзя ли подключить к вашей электростанции на сегодняшний вечер? В нашей штабной автомашине аккумуляторы сели. Работа срочная, а мы без света.

— Ничего не выйдет, товарищ капитан, — хмуро ответил Нефедов. — Полковник Белов не разрешает мне никого подключать к нашей линии.

— А если я получу разрешение?

— Едва ли, — усомнился электрик.

— Попробую все-таки. Как мне отсюда ближе к нему добраться?

— Окраиной поселка нужно идти, — ответил Нефедов, потирая взлохмаченную голову, видимо болевшую после дневной выпивки.

Астахов посмотрел на небо и покачал головой:

— Темновато. Не заблудиться бы. А что, если по линии электрокабеля попробовать пойти? Куда линия-то эта идет?

— В штаб инженерных войск. Она напрямик проложена, так что вам по кустам да по оврагам придется карабкаться. Шли бы лучше поселком...

— Мне время дорого, — ответил на это Астахов. — Пойду по кабелю. Это ближе и надежнее.

С трудом различая провода над головой, капитан пошел по их направлению. Ему важно было выяснить теперь, по какой местности проходит их трасса.

Идти целиной было неудобно, а возле оврага, поросшего кустарником, Астахов чуть не угодил в топкий ручей. С трудом отыскав мостик из бревен и перейдя на другую сторону ручья, капитан стал взбираться по крутому склону, цепляясь руками за кусты. В одном из них он нащупал запутанные в ветвях провода. Их было два. Они шли откуда-то из оврага и кончались возле куста, в котором стоял шест с подвешенным электрокабелем. Провода имели изоляцию, но оба конца их были оголены.

Хотя тут не было ничего удивительного, так как, по всей вероятности, провода оставили здесь связисты, собираясь использовать попутный шест, Астахову это показалось подозрительным. Заметив место, капитан двинулся дальше и вскоре без особых приключений добрался до штаба инженерных войск.

В штабе было пусто. Офицеры ушли ужинать, Наташи тоже не было. За складным походным столом сидел Яценко и лениво подшивал какие-то бумаги в толстую папку. Лицо у него было пасмурное, недовольное.

— Скоро ли придут офицеры? — спросил Астахов.

— Кто их знает, — неопределенно ответил Яценко.

Капитан посмотрел на лампочку над чертежным сто-

лом: она горела значительно ярче всех остальных. Астахов прошелся несколько раз по землянке, то подходил, то отходил от чертежного стола, который был залит ярким светом и, казалось, невольно привлекал внимание капитана. Астахов пошатал его, то опуская, то поднимая рабочую плоскость. Неожиданно возникла смутная догадка. Изменив первоначальное намерение дожидаться кого-нибудь из офицеров, он решил немедленно возвратиться к себе. Прежде чем уйти, спросил Яценко:

— А где же Наташа? Тоже ужинает?

— Может быть, и ужинает, — неопределенно ответил Яценко. — Полковник ее вызвал, так что с ним, может быть, и ужинает.

— С чего это вдруг именно с ним?

— Как — с чего? Очень ее уважает полковник. С братом ее он, оказывается, хорошо знаком. К тому же, видно, нравится она полковнику.

— Не он ли подарил ей эту великолепную лампочку, что над столом висит? — усмехнулся Астахов.

— Совершенно верно, — подтвердил Яценко. — Когда принес эту лампочку в штаб электрик Нефедов, генерал хотел было себе ее забрать, но Наташа убедила полковника, что такая лампочка ей более всего необходима. И вот полковник отвоевал лампочку у генерала для Наташи, а вы понимаете, конечно, каково было ее у генерала нашего отвоевать?

Капитан Астахов действует

На мгновение все смешалось в голове Астахова. Он шел спотыкаясь, не выбирая дороги, испытывая легкое головокружение. Уснувшие подозрения с новой силой проринулись в нем.

«Неужели ошибся?.. Неужели не разгадал ее?»

Не хотелось верить, что Наташа имеет отношение к лампочке, висящей у нее над столом. Яценко явно не в духе сегодня. Мог ведь он поссориться с Наташей и потом по злобе наговорить, будто она специально выпросила эту лампочку у полковника. Не стоит придавать большого значения его словам!

Астахов старался взять себя в руки. Теперь, когда дело шло к развязке, нельзя было терять равновесие... Залп зенитных орудий нарушил ход его мыслей. Капитан остановился и стал прислушиваться. Над поселком кружил фашистский самолет. Пулеметы цветными пунктирами трассирующих пуль чертили небо. Снаряды зениток где-то очень высоко яростно рвали непроглядную мглу. А когда замер вдалеке рокот моторов и утих наконец грохот обстрела, капитан различил далекий, но уже явственно слышимый шум танков и артиллерии, идущих к местам сосредоточения. Это подействовало на него отрезвляюще. Чувство долга с новой силой поднялось в нем, заслоняя и заглушая все остальное.

Астахов вызвал лейтенанта Ершова и приказал ему срочно выяснить несколько вопросов в штабе начальника связи, а сам принялся изучать чертеж стола Кедровой. Когда лейтенант возвратился и доложил, капитан облегченно воскликнул:

— Я так и думал! Теперь нам не следует терять времени, товарищ Ершов. Срочно вызовите два отделения автоматчиков и будьте наготове.

Нужно было немедленно доложить обо всем генералу. Астахов поспешил к Погодину и, пробыв у него всего десять минут, направился к полковнику Белову. Не задержался он и у Белова. Обстановка требовала решительных действий, и капитан не терял даром времени.

Спустя несколько минут он уже был в штабе инженерных войск. Все офицеры находились теперь в сборе.

Наташа тоже была в штабе. Она надевала плащ-накидку, видимо собираясь куда-то.

— Похоже, что вы Кедрову отдыхать отпускаете? — спросил Астахов старшего помощника.

— Да, — ответил майор Рахманов, — я отпускаю ее, так как она работала всю прошлую ночь.

— Жаль, конечно, срывать заслуженный отдых, но ничего не поделаешь, — заметил Астахов, — ей придется изготовить карту вот по этой схеме. — Капитан протянул майору исчерченный лист бумаги и добавил: — Это приказание полковника Белова.

В это время позвонил сам полковник и подтвердил слова Астахова.

Наташа слышала весь разговор и медленно принялась развязывать шнур плащ-накидки.

— Вам не везет, — улыбаясь, обратился Астахов к Наташе.

Наташа внимательно посмотрела на него и, резким движением сбросив плащ-накидку, пошла к чертежному столу.

— Вам придется склеить листы участка нашей армии, — продолжал Астахов.

— Какого масштаба? — спросила Наташа.

— Пятидесятитысячного.

— У меня уже есть склеенные.

— В таком случае, нанесите передний край по последним данным, а границы корпусов и обстановку возьмите с этой вот схемы.

Астахов протянул Наташе схему, и она, беря ее, пристально посмотрела ему в глаза. Капитан был несколько смущен, но твердо выдержал этот взгляд.

— Мне почему-то кажется, — серьезно сказала Наташа, — что вы сегодня в плохом настроении.

— Напротив, у меня сегодня отличное настроение, — ответил Астахов и, попрощавшись, вышел из штаба.

Подозрительная землянка

Как и предполагал Астахов, провода, обнаруженные им вечером, были теперь подключены к электрокабелю штаба инженерных войск.

— Будем осторожно двигаться вперед, — прошептал Астахов лейтенанту Ершову. — Держите людей на некотором расстоянии, но чтобы связь была идеальной.

Провода, скрытые кустарником, лежали почти на земле. Капитан, нащупывая их руками, медленно пошел вперед. Ершов следовал за ним. Было настолько темно, что стоило отнять руку от проводов, как терялась всякая ориентировка. Спустя полчаса Астахов и Ершов прошли склоном оврага около километра. Провода теперь круто поворачивали вправо и уходили в лес.

Хотя и раньше вокруг было очень темно, все-таки в лесу оказалось еще темнее. Ершов вынужден был держаться за полу шинели капитана, чтобы не потерять его из виду. Автоматчики цепочкой двигались вслед за ними. Тишина вокруг была настороженной. Даже артиллерийская перестрелка, доносившаяся совсем недавно с левого фланга, смолкла. Дождичек, начавший было накрапывать и робко шуршать по листьям, тоже прекратился. Слышно было только, как равномерно дышит позади капитана Астахова невозмутимый лейтенант Ершов.

— Вам знаком этот лес? — шепнул капитан лейтенанту.

— Да, я был здесь недавно. Тут стояли когда-то немецкие части, и весь лес изрыт их землянками.

Астахов шел теперь еще медленнее и скоро совсем остановился. Провода, вдоль которых он двигался, ушли вдруг куда-то в землю. Попытка откопать их оказалась безуспешной. Офицеры присели под деревом, не решаясь разговаривать. Было очевидно, что цель их поисков находилась где-то неподалеку.

В лесу попрежнему было тихо. Но вот чуть слышно хрустнула ветка, а затем послышались чьи-то шаги. Кто-то совсем близко прошел мимо. Астахов и Ершов притаились за стволом дерева. Судя по звукам шагов, неизвестный направился к опушке леса. Он шел спокойно, уверенным шагом — видимо, не раз уже совершал эту прогулку.

Спустя несколько томительных минут снова раздались его шаги. Человек возвращался назад и остановился возле дерева, за которым сидели капитан с лейтенантом. Слышно было, как он рылся в карманах. Затем послышался характерный звук трущегося о камень колесика зажигалки. Вспыхнуло желтое трепещущее пламя, вырвав из темноты несколько сырых, морщинистых стволов.

Астахов и Ершов, затаив дыхание, замерли за своим деревом. В свете короткой вспышки они увидели рослого человека в длинном плаще с капюшоном, стоявшего спиной к ним. Судя по отведенным в стороны и слегка приподнятым локтям, он, видимо, прикуривал от зажигалки.

Свет погас, и все снова утонуло в еще более густой и почти осязаемо плотной тьме. Человек двинулся дальше, и путь его теперь был замечен по прозрачному огоньку его папиросы. Он остановился вскоре метрах в пятнадцати от Астахова и Ершова. В это время зашуршали редкие, не опавшие еще листья деревьев и хвоя на соснах под ударами первых капель снова начавшегося дождя. Огонек папиросы медленно опустился куда-то вниз и, казалось, скрылся под землей.

— Наверное, тут землянка где-то, — чуть слышно шепнул капитан.

— Будем действовать? — так же тихо спросил лейтенант.

— Нет. Подождем еще.

Дождь кончился так же неожиданно, как и начался. Спустя несколько минут снова показался из-под земли огонек папиросы и медленно стал подниматься вверх.

— Идите к вашим автоматчикам, — шепнул Астахов. — Постарайтесь бесшумно схватить этого человека, если он дойдет до опушки. У вас есть с собой веревка или шпагат? Оставьте у меня конец для связи. Двумя рывками я дам сигнал, что этот тип прошел мимо меня и направился в вашу сторону. Вы же дайте мне знать тремя рывками, когда все будет сделано.

Ершов ушел, а Астахов принялся напряженно следить за огоньком папиросы. Теперь он был хорошо виден, так как человек направлялся в его сторону. Он шел медленно, не выпуская папиросы изо рта. В тусклом свете ее при затажках можно было заметить продолговатое лицо с острым носом и массивным подбородком.

Подождав, пока он пройдет мимо, капитан подал условный сигнал и стал прислушиваться. Минут через пять ему послышалось приглушенное хрипение, несколько глухих ударов, и все стихло. Три коротких рывка шпата известили его о благополучном выполнении замысла.

Привязав шпагат к дереву, Астахов направился к своей группе. Когда он добрался до места, лейтенант Ершов доложил ему:

— Все в порядке, товарищ капитан.

— Что вы обнаружили у него? — торопливо спросил Астахов.

— В кармане его плаща были резиновые перчатки. Вот посмотрите.

Астахов, пощупав холодную резину, поднес перчатки к носу.

— Нет сомнений, — заметил капитан, — с помощью этих перчаток он подключался к электрокабелю штаба

инженерных войск. Оставьте с ним кого-нибудь, остальные пусть оцепят землянку, из которой он вышел.

Лейтенант отдал приказание автоматчикам и последовал за капитаном. Они прошли несколько шагов и остановились прислушиваясь.

Вокруг все было тихо.

Постояв немного, капитан стал медленно спускаться в землянку, осторожно нащупывая ступени. Лейтенант Ершов и два сержанта шли за ним следом.

На нижней ступеньке Астахов остановился и нащупал деревянную дверь. Она была плотная и не имела щелей.

Капитан приложил к двери ухо и прислушался. За дверью было тихо. Астахов осторожно надавил на нее. Она слегка подалась внутрь, образовала щель.

В землянке был полумрак. Человек в форме советского офицера сидел за столом и наблюдал за каким-то прибором, из которого шел тусклый свет. Видимо, свежий воздух, проникший в землянку через образовавшуюся щель, привлек его внимание. Он поднял голову и взглянул на дверь.

— Кто там? — спросил он.

Капитан Астахов распахнул дверь и стремительно вошел в землянку. Свет мгновенно погас, но Ершов и сержанты, быстро вскочившие в землянку вслед за капитаном, зажгли электрические фонари и направили их на неизвестного.

Астахов счастлив

Генерал Погодин не спал всю ночь. Он взволнованно ходил по своей комнате, ожидая возвращения Астахова. Предчувствие подсказывало ему, что капитан напал на верный след.

Когда Погодину доложили о приходе капитана, он

бросил в пепельницу недокуренную папиросу и велел немедленно впустить Астахова.

В нескольких словах капитан доложил о своей ночной операции. Генерал выслушал его с нескрываемой радостью и пожал ему руку.

— Ну, а теперь, — сказал он, — ступайте спать и постарайтесь отоспаться за все эти лихорадочные дни.

Астахов вышел, но он не спешил отдыхать, как советовал ему генерал. Он торопливо направился к штабу инженерных войск, где Наташа еще должна была работать над ложной оперативной картой, чтобы привлечь ею внимание шпионов. Эту приманку придумал Астахов, когда стал догадываться о способе получения информации фашистами.

Никогда еще не волновался так капитан, подходя к штабу инженерных войск. Здесь ли еще Наташа или ушла, окончив работу? Теперь Астахов шел к ней без подозрений. Он был уверен, что она непричастна ко всей этой истории.

Возле землянки штаба инженерных войск его остановил часовой. Капитан назвал пропуск и стал спускаться по лесенке. В землянке было тихо, большинство лампочек выключено. За чертежным столом склонилась Наташа. Астахов тихо подошел к ней и долго стоял, не окликая девушку. Наконец он дотронулся до ее плеча, и Наташа, вздрогнув, оглянулась.

— Простите, пожалуйста, — сказал смутившийся Астахов. — Я, наверное, напугал вас?

— Ничуть, — улыбаясь, ответила Наташа. — Получайте вашу карту, товарищ капитан, она готова. Не хочу вас ни о чем спрашивать, но у вас такое счастливое лицо, что так и хочется поздравить вас с какой-то удачей.

Капитан весело засмеялся, ничего не ответив, а Наташа спросила:

— Можно мне теперь идти спать?

— Да, конечно! — воскликнул Астахов и спросил, понизив голос: — Не могу ли я проводить вас? Нам ведь по пути.

— Если к человеку пришла большая удача, не стану доставлять ему мелкие огорчения, — смеясь, сказала Наташа. — Идемте.

Они вышли, и Астахов впервые осмелился взять ее под руку. Было свежо и необычно тихо. Легкий ветерок принес откуда-то издалека нежный запах полевых цветов. Небо очистилось от облаков, и тоненький серп месяца осторожно выглядывал из-за острой крыши какого-то сарая.

— Будто и нет никакой войны, — задумчиво произнесла Наташа.

Капитан шел молча. Он был по-настоящему счастлив и жалел лишь о том, что путь до квартиры Наташи был недалек.

Система умозаключения Астахова

В семь часов утра Погодин явился к командарму.

— Вижу по твоим глазам, генерал, что ты пришел ко мне с добрыми вестями, — подымаясь навстречу Погодину, сказал командарм.

— Да, с добрыми. Разрешите докладывать?

— Приказываю докладывать, — усмехнулся командарм.

— Этой ночью, — начал Погодин, — капитан Астахов задержал двух фашистов, великолепно говоривших по-русски и имевших безукоризненные документы. В землянке, в которой их захватил капитан, был оборудован телевизионный приемник. Шпионы были пойманы с поличным, и у них хватило здравого смысла во всем признаться. Вот в основном и все.

— Так, значит, тут телевидение? — оживился коман-

дарм. — Видение на расстоянии? — В раздумье он постучал пальцами по столу и добавил: — Впрочем, применяют же теперь реактивные снаряды «летающие бомбы», которые с некоторой дистанции начинают «видеть» впереди лежащую местность и цель. Такие бомбы снабжены телевизионными передатчиками, которые автоматически передают изображение по радио на экран оператора, сопровождающего их на самолете. В принципе тут нет ничего нового. Мы ведь и похитрее кое-что придумали в этой области. Интересно, однако, как шпионам удалось осуществить телепередачу из нашего штаба?

Погодин вынул из кармана электрическую лампочку и протянул ее командарму.

— Вот эта штука оборудована специальным патроном. Шпионы рассчитывали через электрика Нефедова повесить ее над столом генерала Тихомирова или полковника Белова, но лампочка была повешена над столом чертежницы Кедровой, и это если не погубило все предприятие шпионов, то значительно помогло нам разоблачить их.

— Но позволь, — заметил командарм, — ведь одной только лампочки недостаточно для телепередачи?

— Да, но это была не обычная лампочка — в нее были вмонтированы мельчайшие фотоэлементы и все остальные детали телепередатчика. Таким образом, лампочка освещала объект передачи, а фотоэлементы превращали освещенное изображение в электрические сигналы и передавали их по специальной проводке в землянку с приемной телеаппаратурой.

— Откуда же, однако, появилась у них эта проводка? — спросил командарм.

— Она ниоткуда не появилась. Вы же знаете, что штаб инженерных войск разместился в землянке, в которой раньше был штаб фашистского полка. Уходя, немцы

оставили эту проводку вмонтированной в электрокабель, и поскольку кабель этот был вполне исправен, электрик штаба инженерных войск, не задумываясь, использовал его для освещения штаба. Точно так же была использована брошенная гитлеровцами совершенно исправная динамомашинка. Способствовал ли электрик шпионам невольно или преднамеренно, пока неизвестно. Мы уже арестовали его, но допросить еще не успели.

— Но как же все-таки удалось вам нащупать шпионов?

Генерал Погодин достал из папки фотографию топографической карты с нанесенной обстановкой, положил ее перед командармом и стал объяснять:

— Когда мы проявили снимок, найденный у убитого радиста, о котором я вам докладывал, то нам удалось установить, что он был сделан под углом в семьдесят пять градусов. И вот капитан Астахов, занимавшийся расследованием этого дела, принялся рассуждать. Он допустил, что угол этот мог получиться при двух положениях: во-первых, если бы карта лежала на горизонтальной плоскости, а фотоаппарат при съемке был наклонен к ней под углом в семьдесят пять градусов; во-вторых, он допустил обратное положение, то-есть что аппарат при съемке мог быть строго перпендикулярен к горизонтальной плоскости, а карта наклонена под углом в семьдесят пять градусов. Результат при этом будет один и тот же.

Погодин перелистал какие-то документы в своей папке, нашел чертеж, подал его командарму и продолжал:

— Придя к такому выводу, Астахов принялся изучать вот этот чертеж стола Кедровой и обнаружил, что рабочая плоскость этого стола наклонена как раз под углом в семьдесят пять градусов; электрическая же лампочка, висевшая над столом, являлась в этом случае идеальным

перпендикуляром. Это и заставило его укрепиться в подозрении, что лампочка, служившая сильным источником света, являлась в то же время и телепередатчиком, то есть, по существу, выполняла роль фотоаппарата. Следует отметить, что наклон чертежного стола Кедровой очень мешал шпионам. Они уверяют, что он испортил им многие донесения.

— Молодец капитан! — восхищенно воскликнул командарм. — Вызвать его ко мне немедленно.

Так как Астахов был поблизости, то он тотчас же явился на вызов.

Командарм внимательно посмотрел в его серые глаза и крепко пожал руку.

— Так вот вы какой, капитан Астахов! — сказал он, будто впервые увидел капитана, хотя знал его уже не первый год.

Помолчав немного, все еще пытливо вглядываясь в Астахова, командарм медленно повернулся к генералу Погодину:

— Как хочешь, Михаил Алексеевич, а я совершенно убежден, что глубокая вера в наших генералов, офицеров и солдат очень помогла капитану Астахову верно решить задачу. Ведь если бы он стал подозревать каждого из них, кто знает, сколько бы времени это отняло и как долго смогли бы в связи с этим фашистские шпионы пользоваться своей телевизионной установкой!

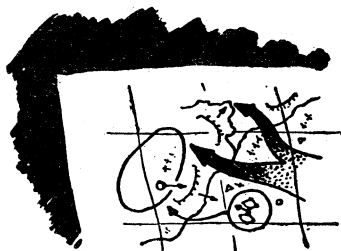
Командарм снова протянул Астахову руку и энергично потряс ее:

— Ну, спасибо же, товарищ капитан!

* * *

А жизнь армии между тем шла своим чередом. По-прежнему войсковые разведчики вели наблюдение за передним краем обороны противника, войска продолжали сосредоточиваться, штабы приступали к разработке новых

операций. И очень мало кто знал о ведущейся каждый день невидимой войне, в которой было не меньше напряжения и опасностей, требовалось не меньше находчивости и смелости, чем в той большой войне, которую вела вся Советская Армия и успех которой очень часто зависел от этой маленькой войны, происходящей в тишине.

ВЗРЫВ ПРОИЗОЙДЕТ СЕГОДНЯ

Предупреждение Хмелева

В дверях появился седой бородатый мужчина в брезентовом плаще. Высокий, слегка сутуловатый, он будто нес на плечах своих непосильную тяжесть. Широкое, с крупными чертами лицо его казалось усталым.

— Разрешите, товарищ Дружинин? — низким, чуть-чуть глуховатым голосом спросил он.

Секретарь райкома партии молча кивнул. Он хорошо знал старика Хмелева еще в довоенное время.

Хмелев твердым шагом подошел к столу, попросил разрешения сесть.

— Да, пожалуйста, — с любопытством разглядывая старика, ответил Дружинин.

— Я не оправдываться к вам пришел, Владимир Александрович, — взволнованно произнес Хмелев, — хотя и знаю, что мне теперь не очень-то доверяют.

Большим клетчатый платком он вытер пересеченный глубокими морщинами загорелый лоб, вздохнул и произнес, чуть понизив голос:

— Я к вам по очень важному делу...

Помолчав, будто собираясь с мыслями, добавил:

— Пришел предупредить вас.

— Предупредить? — Владимир Александрович резко поднял брови.

Хмелев спокойно выдержал пристальный взгляд Дружинина и спросил:

— Я знаю, что вы только что из области вернулись. Надо полагать, директивы важные привезли?

— Какое, однако, это имеет отношение к вашему предупреждению? — насторожился Дружинин.

— Прямое. Я хочу сообщить вам, что один из краснорудских заводов заминирован. А ведь их, наверное, скоро будут восстанавливать.

— То-есть как это заминирован? — удивился Дружинин.

— Фашисты поставили на одном из заводов мину замедленного действия, — пояснил Хмелев.

— Откуда вам известно это?

— Длинная история...

— Рассказывайте.

Дружинин достал папиросы, закурил, предложил Хмелеву. Тот вежливо отказался.

— Попрежнему некурящий, значит?

— Попрежнему, Владимир Александрович. А о замысле фашистов узнал я таким образом... Но тут мне придется рассказать вам, как я жил в те дни. В партиза-

ны, как вы знаете, я не пошел, а остался в городе. Фашисты, видя, что человек я немолодой, беспартийный, к тому же собственный домик имею, решили меня привлечь на свою сторону. Предлагали частную мастерскую открыть или пойти работать в полицию. Хвалиться не буду — в морду за такие предложения я им не плевал, а отвечал очень спокойно, что человек я нейтральный и люблю тишину. На деле-то, впрочем, помогал я кое-чем местным партизанам... Разные сведения полезные им собирал, выполнял кое-какие поручения. Были бы живы командир с комиссаром партизанского отряда, они бы это засвидетельствовали...

Хмелев взглянул на Дружинина, невесело улыбнулся и продолжал:

— Вот видите: обещал не оправдываться, а не сдержался. Уж очень обидно мне, Владимир Александрович!.. Ну да ладно, не будем об этом... А фашисты между тем меня обхаживали. Особенно обер-лейтенант Гербст старался. На квартире у меня он стоял, добряка передо мной разыгрывал. Похлопал раз меня по плечу и говорит: «Папаша, советской власти капут. Надо привыкать к новым порядкам. Местечко тепленькое себе облюбовать, пока не поздно». Вижу я — дело плохо. Надо или врагам служить, или в лес подаваться. Но тут Михаил Петрович, комиссар партизанского отряда, которому я обо всем докладывал, вдруг предложил: «Соглашайся на их предложение, Тихон Егорыч. Открывай частную лавочку, она будет нам хорошим прикрытием. Мы при ней явочную квартиру организуем...»

Однако тут беда случилась. В тот же день в тяжелом бою погиб комиссар, не успев, видимо, сказать о своем замысле командиру отряда, — продолжал Хмелев, переводя дух. — Я, впрочем, о его смерти не знал ничего и удивлялся, почему никто из партизан ко мне не приходит. Только позже стало мне известно, что попал парти-

занский отряд в засаду и потерял многих своих бойцов. Я между тем дал обер-лейтенанту Гербсту согласие открыть частную кузнечную мастерскую. Гербст был инженерным офицером и имел от командования задание организовать механические мастерские. На восстановление заводов у них силенок не хватало...

Хмелев говорил все это задумчиво, низко опустив седую голову. Но вдруг он встрепенулся и тихо спросил Дружинина:

— Не длинно я говорю, Владимир Александрович?

— Нет, ничего, продолжайте.

— Ну так вот, прежде чем отпустить мне средства на предприятие, Гербст потребовал, чтобы я присягнул ему письменно. Писарь прочел мне гербовую бумагу, в которой говорилось о сотрудничестве с германским военным командованием, а обер-лейтенант протянул мне свою автоматическую ручку. Я не задумываясь отверг бы это требование Гербста, если бы не приказание комиссара соглашаться на все. И я подписал документ... Вскоре, однако, гитлеровцам стало не до частных предприятий. Дела у них на фронте с каждым днем ухудшались, а советская артиллерия гремела все ближе. И вот однажды утром узнали мы, что комендант на груженной награбленным добром машине выехал из города. Бежали за ним и остальные фашисты. Только несколько небольших воинских частей да саперная рота Гербста остались в городе. Утром того же дня обер-лейтенант вызвал меня к себе.

«Хмелев, вы, кажется, работали мастером на одном из местных заводов?» — спросил он.

«Работал», — ответил я.

«На каком?»

«На заводе имени Кагановича».

«Это, кажется, один из самых крупных заводов в районе?»

«Да, самый крупный».

«И его при случае русские будут в первую очередь восстанавливать?»

«Восстанавливать-то будут все заводы, конечно», — сказал я.

Но обер-лейтенант Гербст свирепо посмотрел на меня и закричал:

«Отвечайте только на то, о чем спрашивают, чорт бы вас побрал! В первую ли очередь будет восстанавливаться этот завод?»

«Полагаю, что в первую», — ответил я, не снимая, к чему он клонит.

Обер-лейтенант не стал меня больше ни о чем спрашивать. Он набросил на плечи плащ и вышел на улицу с одним из своих унтеров. Подождав немного, я направился следом за ними, держась на приличном расстоянии. Фашисты пришли на завод имени Кагановича. Я не рискнул последовать за ними и спрятался неподалеку, за развалинами дома. Минут через десять к заводу подъехала немецкая военная машина с солдатами. Среди них я увидел ефрейтора Шретера, часто приходившего к Гербсту, и догадался, что это были саперы обер-лейтенанта. Солдаты сгрузили с машины несколько ящиков, в которых обычно паковались немецкие стандартные заряды взрывчатки. Я сообразил, что фашисты затевают что-то недоброе, и хотел было пробраться к заводу поближе, но в это время чья-то цепкая рука схватила меня за плечо. Я обернулся и увидел Гербста.

«Что вы разгуливаете по городу в такую скверную погоду? — раздраженно процедил он сквозь зубы. Потом повернулся к одному из своих подчиненных и добавил: — Ефрейтор, проводите господина Хмелева на квартиру и заприте его там на ключ».

Я просидел взаперти до вечера.

Гербст вернулся домой усталый и злой. Мундир его

был выпачкан глиной и известью. Вскоре за мной пришел денщик Ганс и повел меня в комнату Гербста.

«Хмелев, — строго сказал Гербст, — помните ту бумагу, которую я дал вам подписать?»

«Помню», — ответил я.

«Ну, так вы теперь ею крепко связаны с нами. Мы собираемся оставить русским сюрприз — сотню-другую килограммов тола. Знайте же, что в один из ящиков с толом я положил подписанный вами документ с клятвенным обещанием служить немецкому командованию. Если кто-нибудь найдет нашу мину, он найдет и этот документ. По-моему, вам будет выгодней, если мина спокойно взорвется и уничтожит компрометирующую вас бумагу. Не так ли?»

«Да, конечно, — пришлось согласиться мне. — Но как же я буду оберегать мину, если не знаю, где она поставлена?»

«Ничего, — ответил Гербст, — вам и незачем это знать. Постарайтесь только отвлечь внимание от этой мины, если будут ее разыскивать. Это в наших общих интересах. Вам ведь не сдобровать, если найдут расписку».

На этом наш разговор окончился. Гербст торопливо принялся писать что-то, и я подумал, что, может быть, это донесение коменданту города...

Недописанное донесение

Хмелев облизнул пересохшие губы и попросил воды. Дружинин молча подал ему стакан. Хмелев отпил несколько глотков, вытер платком губы и продолжал:

— В городе между тем все чаще раздавались выстрелы. И вдруг где-то недалеко разорвалась граната. В комнату Гербста с диким криком «Русские автоматчики!»

вбежал денщик. Обер-лейтенант выругался, скомкал бумагу, на которой писал, и сунул ее в карман. Надев шинель, он быстро вышел во двор. Денщик, схватив чемодан, поспешил за ним следом. Тут уж и я не стал больше медлить. У меня в сарае был запрятан немецкий парабеллум. Я вытащил его, проверил обойму и выбежал на улицу. В конце ее мелькали две темные фигуры. В одной из них, высокой и тощей, я узнал Гербста. За ним спешил Ганс с чемоданом. Они направлялись к зданию комендатуры, где их ожидала последняя немецкая машина, уходившая из города. Нагнав фашистов, я, почти не целясь, разрядил пистолет. Гербст упал на землю, а Ганс, бросив чемодан, скрылся за углом. Я не стал его преследовать: сумерки сгустились настолько, что трудно было ориентироваться...

— Ну, а Гербст?

— Гербст лежал без движения. Я нагнулся над ним и пощупал пульс. Пульс не бился. Торопливо обыскав карманы обер-лейтенанта, я вынул все, что там находилось. Среди документов Гербста я нашел его донесение коменданту города майору фон Циллиху...

Хмелев умолк и тяжело вздохнул.

— Что же было в донесении? — нетерпеливо спросил Дружинин.

— Все, кроме самого главного... В нем не было указано место минирования.

— Но что же там, в таком случае, было?

— Вес мины и время, когда она должна взорваться.

— Когда же?

— В нынешнем году.

Взволнованный Дружинин встал.

— Почему об этом вы сообщаете только сегодня? — настороженно спросил он.

— О том, что один из заводов заминирован, — спокойно ответил Хмелев, — я доложил, как только в город

вошли наши войска. Я даже передал командиру саперной части донесение Гербста, полагая, что оно пригодится ему.

Дружинин широкими шагами ходил по комнате, размышляя об услышанном.

— Разве воинская часть не предприняла поисков мины? — спросил он, почти вплотную подойдя к Хмелеву.

Хмелев выдержал его взгляд и совсем спокойно ответил:

— Мину искали. Занимался этим капитан инженерных войск Овсянников. Высокий такой, красивый молодой человек. Обшарил он со своими саперами все три завода и нашел мину в канализационных трубах завода имени Кагановича. Ну, я после этого немного успокоился, решив, что опасность устранена. К тому же до сих пор мина, по сути дела, и не угрожала никому: заводов-то фактически не было. А вот сегодня, узнав, что вы вернулись из области и, возможно, привезли какую-нибудь директиву о восстановлении заводов — об этом ведь давно в городе поговаривают, — я снова встревожился и подумал, что фашисты могли, кроме канализационных труб, и еще где-нибудь мину поставить.

— А расписку-то вашу нашли саперы в трубе? — поинтересовался Дружинин.

— Не знаю... Овсянников ничего не говорил мне о ней. Не нашли, пожалуй...

Дружинин задумался, прошелся несколько раз по комнате и спросил:

— Больше ничего вы не можете мне сказать?

— Это все, что я знаю, Владимир Александрович, — ответил Хмелев, вставая со своего кресла. — Если у вас не будет больше вопросов, я могу уйти?

— Да, конечно, можете идти. Вопросов пока больше нет.

Опасения Шубина

Секретарь Краснорудского райкома партии Владимир Александрович Дружинин давно уже с нетерпением ждал решения центра о восстановлении заводов своего района. дождался наконец этого решения, и вот теперь вдруг такая неожиданная помеха!.. Едва сдерживая раздражение, он барабанил пальцами по настольному стеклу, не зная, что предпринять. Потом встал, открыл дверь в приемную и сказал своему секретарю Варе Воеводиной, читавшей какие-то бумаги:

— Мне нужно с тобой посоветоваться. Зайди на минутку.

Он знал Варю еще девчонкой, так как она была дочерью его друга, погибшего на фронте, и по-отечески называл ее на «ты».

— Варя, ты ведь была в городе после ухода фашистов? — спросил он, когда Воеводина вошла в кабинет.

— Была, Владимир Александрович.

— Не слыхала ли разговора о том, что фашисты будут бы заводы заминировали?

— Нет, не слыхала. А что, разве есть такое опасение? — встревожилась Варя.

Дружинин кратко сообщил ей о своем разговоре с Хмелевым и тотчас же строго предупредил:

— Только об этом никому ни слова!

— Понимаю, Владимир Александрович, не маленькая.

Заметив, что Варя слегка побледнела, Владимир Александрович спросил:

— Чего же ты разволновалась так?

— Как же не волноваться, Владимир Александрович! — Воеводина подняла удивленные глаза на Дружинина: — Ведь дело идет о судьбе краснорудских заводов,

значит и о нашей с вами судьбе. Что за жизнь в городе, да и во всем районе, без этих заводов?

Дружинин успокоил ее:

— Не волнуйся, Варя, страшного тут ничего нет. Если мина и стоит где-нибудь, она не ускользнет от нас. Сегодня же мы начнем искать ее, и это не должно отразиться на восстановительных работах. Забот только у тебя теперь прибавится. Адреса всех бывших инженеров, техников и кадровых рабочих краснорудских заводов завтра должны быть у меня на столе. Справишься?

— Так точно, Владимир Александрович.

Дружинин улыбнулся:

— Ты у меня молодец, Варя! По-военному отвечаешь. Это хорошо. Мы ведь теперь солдаты восстановительной армии, и все у нас должно быть, как на войне, — быстро и четко. Договорились?

Варе нравился этот большой беспокойный человек. Он был неутомим в работе и от других требовал того же, однако с ним легко и весело было делать любую, даже самую трудную, работу.

— Получай тогда, — весело продолжал Дружинин, — еще одно задание: срочно пригласи ко мне капитана Шубина.

...Начальник районного отделения государственной безопасности капитан Шубин зашел к Дружинину спустя полчаса. Это был высокий, худощавый человек с резкими чертами лица. Поздоровавшись с Владимиром Александровичем, он пристально посмотрел на него.

— Чувствую, что вы неспроста меня пригласили, Владимир Александрович. Серьезное что-нибудь? — спросил он, закуривая папиросу.

Дружинин сообщил ему все, что узнал от Хмелева. Капитан слушал его внимательно, делая глубокие затяжки и нервно покусывая кончик папиросы. Сообщение

Хмелева заинтересовало его. Когда Владимир Александрович кончил свой рассказ, Шубин спросил:

— Ну, а что вы сами об этом думаете? Как по-вашему: хитрит или не хитрит старик?

Дружинин ответил не сразу. Помолчав, произнес задумчиво:

— Может быть, и мало оснований доверять Хмелеву, но мне почему-то кажется, что он не обманывает. И в самом деле могло так случиться: старик помогал партизанам, был строго законспирирован, знал об этом всего один человек, и вот его не стало. Ведь комиссар местного партизанского отряда действительно погиб незадолго до освобождения города.

— Все это верно, — подтвердил Шубин. — Я допускаю такую возможность, но есть одно обстоятельство, которое заставляет меня насторожиться.

— Что именно?

— Все, что вам рассказал Хмелев, он сообщил и мне еще в прошлом году, однако почему-то молчал о мне, и это мне кажется подозрительным.

— А мне нет, — возразил Дружинин. — Он не сказал о ней потому, что считал ее неопасной.

— А теперь?

— Теперь другое дело. Раньше почти не было риска, если бы она и взорвалась. Развалины от этого не очень пострадали бы. Я даже допускаю, что он, если так можно выразиться, надеялся на взрыв вхолостую: взрыв уничтожил бы неприятный для него документ. Ведь после смерти комиссара Хмелеву нелегко было бы оправдаться. Но когда до него дошел слух, что заводы хотят восстанавливать и взрыв будет угрожать уже не развалинам, а строительству, людям, занятым на стройке, в нем сказался наш, советский человек. Выходит, он пренебрег личными интересами.

— А может быть, он просто пошел на провокацию?

— На провокацию? — удивился Дружинин.

— Да, на провокацию, — повторил Шубин. — Хмелев мог просто пустить слух о mine, чтобы взвинтить наши нервы, посеять страх перед возможным взрывом, затормозить восстановление заводов.

Шубин задумался, скомкал окурок и добавил, чуть понизив голос:

— Ведь если к делу подойти с психологической точки зрения, то миной замедленного действия может оказаться сама выдумка Хмелева о нависшей над нами опасности.

Капитан налил в стакан воды из графина, но, так и не выпив ее, снова заговорил возбужденно:

— Все это, может быть, очень тонко задумано. Уличить его в обмане почти невозможно. Он ведь ничего не говорит наверняка, ничего не утверждает. Он только высказывает предположение, но вы уже сомневаетесь, уже не можете быть спокойным. А как будут работать на строительстве инженеры и рабочие, все время чувствуя себя на пороховой бочке, которая вот-вот взорвется...

— Но для чего же тогда понадобилось ему рассказывать историю о компрометирующем его документе? — спросил Дружинин.

— Для убедительности. Это ведь тоже чисто психологический прием.

Владимир Александрович задумчиво прошелся по комнате, заложив руки за спину.

— Нет, — заявил он, остановившись перед Шубиным, — не убедили меня ваши доводы. Кто такой был Тихон Хмелев до войны? Старый потомственный рабочий, один из лучших кузнечных мастеров на заводе. Был, значит, честным советским человеком. И вот он оказался в городе, оккупированном фашистами... Вы человек осторожный, недоверчивый. Вам кажется, что Хмелев

поддался уговорам врага и стал предателем, а по-моему, он не мог пойти на это.

Шубин закурил новую папиросу и, посмотрев на Дружинина, сказал:

— А вы думаете, Владимир Александрович, меня самого не огорчает мысль, что он, может быть, провокатор? Однако я должен предусмотреть и эту возможность, тем более что знаю некоторые черты характера Хмелева.

— Что-нибудь порочащее его? — спросил Дружинин.

— Нет, всего лишь болезненное самолюбие. Но в условиях оккупации фашисты могли сыграть и на этом.

— Не думаю, чтобы это было так, — с сомнением покачал головой Владимир Александрович. — Повторяю, я знал его как одного из лучших кадровых рабочих завода. Мы ведь не раз премировали его...

— Да-да, все это так, — перебил Дружинина Шубин. — Он на самом деле хорошо и добросовестно работал и других учил своему искусству. Это я по собственному опыту знаю. Я ведь до того, как меня в органы НКВД откомандировали, кузнецом был и мастерству кузнечному у Хмелева учился. Мастер он был первоклассный. Это я сразу увидел, но увидел также и кое-что другое. Был он человек старого закала, делал все больше по-старинке, новые приемы осваивал туго. Его ведь многие молодые стахановцы с гораздо меньшим производственным опытом часто позади оставляли. И это крепко задевало Хмелева...

Шубин вспомнил наконец о воде, налитой в стакан, и жадно выпил ее.

— Чем дальше, тем больше обиды скоплялось в сердце старика, — продолжал он после небольшой паузы. — Помню, кто-то из руководителей завода посочувствовал Хмелеву: не трудно ли, мол, работать кузнецом в такие годы? Не пора ли на пенсию? А он понял это так, что

им вроде пренебрегают, что он уже не нужен на заводе, и оскорбился, стал мрачен, замкнут. Ну, а тут оккупация... всякие похвалы и посулы со стороны фашистов. Это, пожалуй, могло его подкупить. «Вот когда оценили меня по достоинству!» — мог подумать старик и попасться на удочку. Я рад был бы ошибиться в таком предположении, но бдительность вынуждает меня быть предельно осторожным.

Дружинин долго ходил по комнате, наконец заметил:

— Вы правы, конечно. Хладнокровие и беспристрастность тут необходимы. Хмелевым нужно заняться. Однако мину все-таки начнем искать, и немедленно, сегодня же. Есть ведь у нас в городе саперные части.

— Всего один саперный взвод во главе с полковым инженером. Я знаком с ним. Синицын его фамилия. Совсем еще молодой человек. Боюсь, что невелик у него военно-инженерный опыт, а ведь мины замедленного действия чертовски замысловатые штуки.

— Конечно, тут опытный человек нужен, — согласился Дружинин. — Но что поделаешь! Пока запросишь специалиста, много времени потеряешь. Придется пока поручить это дело Синицыну.

Поиски начались

После переговоров с командиром полка в распоряжение Дружинина было послано три отделения саперов во главе со старшим лейтенантом Синицыным. Синицын в самом деле был очень молод и почти не имел боевого опыта, так как попал на фронт из военно-инженерного училища незадолго до окончания войны.

Владимир Александрович объяснил ему задачу и отпустил лишь после того, как убедился, что он понял серьезность создавшейся обстановки.

Мину начали искать одновременно на всех заводах. И лейтенант и его солдаты работали с большим рвением, однако вечером Синицын доложил Дружину, что обнаружить пока ничего не удалось.

Владимир Александрович был очень озабочен этим обстоятельством и решил посоветоваться с председателем райисполкома о дальнейших действиях. Он уже взялся за телефонную трубку, но тут в его кабинет вошла Варя Воеводина.

— Владимир Александрович, — сказала она, — могу я сегодня уйти пораньше?

— Случилось что-нибудь? — спросил Дружинин. — Вид у тебя какой-то странный.

Варя засмеялась:

— Не странный, Владимир Александрович, а счастливый! Телеграмму мне только что принесли. Алеша с девятичасовым поездом приезжает.

— Алеша? — задумчиво произнес Владимир Александрович. — Это кто же такой — Алеша?

— А вот вспомните-ка, Владимир Александрович! Дружинин наморщил лоб.

— Алеша... — повторил он. — Позволь, это не муж ли твой?

— Он самый, Владимир Александрович, — счастливо засмеялась Варя. — Алексей Воеводин, мой муж.

— Рад за тебя, Варя! — весело отозвался Дружинин. — Поздравляю. Надеюсь, ты познакомишь нас? Я ведь Воеводина только по твоим рассказам знаю. Ну, спешу на вокзал, до прихода поезда полчаса осталось.

Когда Варя была у дверей, Дружинин вдруг окликнул ее:

— Постой-ка, Варя! Воеводин-то твой, кажется, сапер? Капитан инженерных войск?

— Майор инженерных войск, — с гордостью поправила Варя.

— Тот самый майор Воеводин, о котором в газетах писали, как он разминировал Ольшанские шахты?

— Тот самый, Владимир Александрович.

— И он надолго к тебе?

— Нет, наверное, ненадолго. На месяц, не больше, — ответила Варя, вдруг сообразив, почему Дружинин спрашивает об этом. Улыбка невольно сбежала с ее счастливого лица. — Не везет мне, Владимир Александрович, — печально добавила она. — Только-только замуж вышла — война началась. И вот с тех пор, как Алексей ушел на фронт, так и не виделись ни разу...

— Ну-ну, — дружески похлопал ее по плечу Владимир Александрович, — не огорчайся, насмотришься еще на своего Алешу. Я на него посягать не собираюсь, хотя, по правде тебе сказать, такой человек сейчас очень пригодился бы. Ну, торопись! Времени до поезда в обрез. Машину мою можешь взять, она мне пока не нужна.

Майор Воеводин

На следующий день утром, как только Дружинин вошел в кабинет, Варя спросила его:

— Владимир Александрович, когда вы Алексея принять сможете?

— Какого Алексея? — не понял Дружинин. — Твоего, что ли?

— Моего.

— А почему ты таким официальным тоном спрашиваешь? В любое время приму. Вот в выходной день хотя бы приходите ко мне на чашку чая.

— Да нет, Владимир Александрович, я о деле говорю. По делу когда вы его принять сможете?

— Ах, по делу! — воскликнул Дружинин. — Выходит, не выдержала, рассказала ему обо всем?

— Рассказала, Владимир Александрович.

— И решили, значит, вы... — начал было Дружинин. Но Варя не дала ему договорить:

— Решили приняться за дело. Иначе и быть не могло. Лучшего специалиста по минам вам ведь и в военном округе не сыскать.

— А ты, значит, Алешу своего опять целыми днями видеть не будешь? Или ему отпуск большой дали?

— Да где там! — вздохнула Варя. — Всего две недели. Меньше, чем думала. Но что поделаешь!.. Если не возражаете, Алексей сейчас к вам явится.

— Как, уже сейчас? — удивился Дружинин.

— Ну да, он в приемной ждет.

Дружинин хлопнул ладонью по столу:

— Молодец ты у меня! Приглашай своего Алексея!

Вошел высокий и, как показалось Дружинину, немного неуклюжий офицер, с большими руками и добродушной улыбкой.

— Разрешите представиться? Гвардии майор Воеводин.

Владимир Александрович приветливо протянул ему руку.

— Будем знакомы. Дружинин, — весело сказал он и добавил, усмехаясь: — Подполковник запаса. Присаживайтесь, пожалуйста.

Воеводин сел. Дружинин посмотрел на его добродушное, с крупными чертами лицо и спросил:

— Где воевали?

— Под Сталинградом, Белгородом, Невелем. Последние годы — в Прибалтике.

— Знакомые края, — заметил Дружинин, — тоже довелось там побывать. В каком соединении служили?

— У генерала Черкасова.

— Давно в армии?

— Можно сказать, со школьной скамьи. Прямо из семилетки — в военно-инженерное училище. Войну начал командиром взвода. Теперь вот саперный батальон получил.

— Извините, что так экзаменую, — улыбнулся Владимир Александрович. — Серьезная работа предстоит, вот и интересуюсь, с кем придется работать. Знаете, надеюсь, в чем дело?

— Так точно. Варя рассказала мне.

Длинными узловатыми пальцами майор взял папиросу, закурил и добавил:

— Я навел уже кое-какие справки. Познакомился с полковым инженером, старшим лейтенантом Синицыным. Не с того конца, по-моему, принялся он за дело. Приборами такую мину трудно обнаружить. Фашисты, несомненно, поставили химический взрыватель замедленного действия. А такие взрыватели обычно из пластмассы изготавливаются, так что миноискатели против них бессильны.

— Чем же тогда разыскивать их? Ведь не щупами же?

— Собаками-миноискателями, — ответил Воеводин. — Они себя великолепно в этом отношении зарекомендовали. В полку, к счастью, есть несколько таких собак. Если заряд состоит из тола или мелинита и зарыт неглубоко, собаки должны почувствовать его. Но, может быть, фашисты применили вещество повышенной мощности, например тетрил, не имеющий запаха, или гексаген, не имеющий ни запаха, ни вкуса.

Откинув голову на спинку кресла, Воеводин глубоко втянул в себя папиросный дым. Дружинин внимательно присматривался к посетителю. Какое-то противоречивое впечатление производил на него этот майор. Когда он улыбался или отвечал на обычные вопросы, то казался простоватым, не совсем ловким и даже несколько стесни-

тельным человеком. Когда же речь заходила о вещах, видимо очень хорошо знакомых ему, как, например, о подрывной технике, все в нем преображалось вдруг: лицо становилось сосредоточенным, серьезным, менялась даже интонация голоса; движения больших и по виду не очень ловких рук обретали, казалось, несвойственную им точность, жесты делались выразительными.

Владимир Александрович, всегда немного спешивший делать заключения о людях по первому впечатлению, на этот раз благоразумно воздержался от преждевременных выводов.

— Позвольте задать вам вопрос? — обратился к нему Воеводин. — Когда вы намерены приступить к восстановлению заводов?

— Немедленно, — ответил Дружинин. — Но вы, конечно, сами понимаете всю сложность положения. Ведь если один из заводов в самом деле заминирован, то взрыва можно ожидать каждый день, каждый час, а я не могу рисковать людьми. Какое ваше мнение о сроке замедления мины?

Майор бросил окурок в пепельницу и спокойно сказал:

— У всех известных нам типов мин замедленного действия наибольший срок замедления не превышает двенадцати месяцев. Вообще же замедление можно продлить и на несколько лет. Фашисты ушли из Краснорудска в 1943 году; следовательно, мина находится под замедлением почти три года. Срок, конечно, критический.

Дружинин одобрительно кивнул. «Майор, кажется, неплохо разбирается в тонкостях подрывной механики», — подумал он и, поднявшись с места, протянул Воеводину руку:

— Не буду вас больше задерживать, Алексей Сергеевич. Я позвоню сейчас начальнику местного гарнизона

и попрошу его временно подчинить вам саперный взвод. Ставьте меня в известность о всех ваших мероприятиях. Желаю успеха!

Предложение Воеводина

Вечером Алексей зашел к Дружинину доложить, как идут дела.

— Очень кстати! — оживленно произнес Владимир Александрович, направляясь навстречу Воевдину. — Давно вас ожидаю.

— Зайти раньше не имел возможности: весь день работал с собаками на заводах.

— А миноискатели или другие приборы совсем, значит, непригодны?

— Если бы был установлен взрыватель с часовым механизмом, могли бы пригодиться пьезостетоскопы или даже миноискатели. Но, мне думается, нам могут помочь только собаки, если, конечно, заряд находится неглубоко. Они ведь очень чувствительны к запаху тола.

— А может случиться, что и собаки не помогут?

— Может.

— Что же тогда?

— Останется предположить, что заряд или зарыл слишком глубоко, или его нет вовсе.

Дружинин сделал энергичный жест рукой и поднялся с кресла:

— Для меня нет этого «или — или». Все, в конце концов, зависит от точки зрения. Наша точка зрения такова: нужно исходить из худшего, то-есть предположить, что минирование произведено.

— Ну, а если предположить, — заметил Воевдин, — что просто пущен слух, будто где-то что-то заминировано и должно взорваться?..

Спокойным голосом Дружинин ответил:

— Мы сделали и это предположение, но худшее все-таки — взрыв. Есть у вас запасный ход на тот случай, если собаки ничего не найдут?

— Да, есть. Мы прибегнем тогда к детонации.

— Объясните.

Воеводин взял со стола лист бумаги и быстро набросал схему:

— Мы заложим несколько небольших зарядов, расположив их вот таким образом в разных местах фундамента, и произведем взрыв. От этого должна детонировать, то-есть взорваться от сотрясения, вызванного взрывной волной, и сама мина, если только она окажется не-подалеку.

Дружинин внимательно слушал майора. Предложение Воеводина показалось ему заслуживающим внимания, хотя и не было пока необходимости им воспользоваться.

— Это избавит нас, — продолжал майор, — от дамоклова меча — постоянной угрозы взрыва, препятствующей восстановительным работам.

— А эти детонирующие взрывы придется производить на всех трех заводах? — спросил Владимир Александрович.

— Может быть, и на всех трех.

Дружинин задумался. Помолчав, заметил:

— Не спору, возможно это и неплохое средство, однако сначала необходимо обследовать внимательно завод имени Кагановича.

— Но ведь я же докладывал вам, Владимир Александрович, что мы уже обследовали завод и ничего там не нашли, — удивился Воеводин.

— Где же вы искали мину?

— Искали в подвалах и вообще на всей территории завода.

- А в канализационных трубах?
- В канализационных трубах не искали, но вы подали хорошую мысль. Завтра же займемся этим.

Странный читатель

В это утро читальный зал районной библиотеки был почти пуст. За одним из столиков у окна сидел широкоплечий седой старик, перед которым лежала стопка книг. Неподалеку от него молодой человек, видимо студент, просматривал комплект газет и то и дело с любопытством поглядывал на старика. Старик брал по очереди каждую из книг, лежавших перед ним, торопливо перелистывал, откладывал в сторону и что-то отмечал на листке бумаги. Когда вся стопка оказывалась просмотренной, он относил книги дежурному библиотекарю, заменяя их новыми. Затем повторялось то же самое — книги перелистывались и возвращались.

Старик прекратил свое непонятное занятие только в два часа дня. Попрощавшись с библиотекарем, он ушел, предупредив его, что зайдет после обеда. Поднялся и молодой человек, читавший газеты.

— Странный читатель, — кивнул он в сторону только что ушедшего старика.

— Очень странный, — согласился библиотекарь. — Просит Короленко. Даю ему новенький экземпляр, а он не берет, требует старое издание. И вообще, чем потрепанней книга, тем больше она ему нравится.

— Да ведь он и не читает их вовсе, а лишь перелистывает, — сказал молодой человек.

— Я тоже это заметил. Вообще непонятный какой-то старик. Не совсем нормальный, по-моему.

Сдав газеты, молодой человек вышел из библиотеки, походил немного по улицам города и направился в рай-

онное управление государственной безопасности. Подойдя к кабинету Шубина, он постучал в дверь.

— Войдите! — раздался голос капитана.

Молодой человек вошел в кабинет и вытянулся по-военному:

— Разрешите доложить, товарищ начальник?

— Докладывайте, товарищ лейтенант.

— Старик был сегодня в районной библиотеке. Так же как и в городской, он брал книги, перелистывал их и возвращал.

— Делал он при этом какие-нибудь выписки?

— Нет. Только всякий раз, прежде чем взять новую партию книг, сверялся с какой-то запиской.

— Какими же книгами он интересовался?

— Художественной литературой старых изданий.

— Дореволюционными или довоенными?

— И теми и другими.

— Любопытно, — задумчиво произнес Шубин. — Ну, а какой же вы делаете вывод из этого? — обратился он к лейтенанту.

— По-моему, он ищет что-то.

— Это совершенно бесспорно, — согласился капитан. — Сможете вы достать список тех книг, которые он уже просмотрел?

— Попытаюсь.

— Узнайте также, откуда эти книги поступили. Местные библиотеки были ведь разграблены фашистами и комплектовались заново совсем недавно.

— Слушаюсь, товарищ начальник, все будет выполнено, — ответил лейтенант.

...В тот же день Шубин встретился с Владимиром Александровичем Дружининым.

— Удалось вам узнать что-нибудь новое о Хмелеве? — спросил Владимир Александрович.

— Пока нет, — ответил Шубин. — Роль Хмелева в дни

оккупации все еще неясна нам. Формально, правда, как будто не к чему придаться, однако многое в поведении Хмелева вызывает подозрение. Ну вот, к примеру, хотя бы его заявление о том, что он сообщил воинским частям, освободившим город, о минировании заводов. Части эти, по свидетельству краснорудцев, в самом деле производили разминирование, но они в основном снимали мины-сюрпризы на перекрестках дорог и в городских зданиях. О поисках же мин замедленного действия никому в городе не известно.

— Я согласен с вами, — заметил на это Дружинин. — Обстановка замысловатая. Но ведь не бывает такого положения, которое нельзя было бы распутать, если смотреть на дело трезво. Хмелев говорил мне, что саперы нашли мину в канализационных трубах завода имени Кагановича. Завтра проверим, так ли это. Следы разминирования, если оно действительно было произведено, должны ведь остаться.

В канализационной трубе

На следующий день утром помощнику Воеводина удалось раздобыть в городском коммунальном отделе схему давно уже бездействующей канализационной системы завода, и саперы тотчас же приступили к раскопкам труб. Когда работа была в полном разгаре, один из сержантов доложил Воевдину, что его хочет видеть какой-то старик.

Майор хотя и удивился этому, но приказал пропустить его. Старик был рослый, бородатый, держался непринужденно.

— Думается мне, что вы канализационную трубу разыскиваете, в которой немецкая мина была поставлена? — спросил он Воеводина.

— А вам-то какое до этого дело? — нахмурясь, спросил майор.

— Я, видите ли, Хмелев, — спокойно заявил старик, — и вы обо мне, должно быть, уже слышали. Позвольте мне указать вам канализационную трубу, в которой когда-то нашли мину. Ход в нее, прорытый нашими саперами, обрушился во время весенней распутицы, так что найти его теперь нелегко.

— А откуда вы знаете, что мы ищем именно эту трубу? — подозрительно покосился майор на Хмелева.

— Потому знаю о ней, товарищ майор, — ответил Хмелев, — что о трубе этой я же и сообщил товарищу Дружинину. А что вы теперь именно ею интересуетесь, нетрудно было сообразить. Я ведь живу недалеко отсюда и видел, как в сторону завода имени Кагановича проехала машина с вашими саперами... Ну, так как же, позвольте мне трубу вам показать?

— Показывайте, — согласился Воеводин и последовал за Хмелевым мимо разрушенных стен.

Старик шел уверенно: видимо, местность была ему хорошо знакома. Возле неглубокой воронки, поросшей сорной травой, он наконец остановился и произнес:

— Вот, товарищ майор, тут был когда-то ход к центральной трубе заводской канализации.

— Спасибо, — поблагодарил его Воеводин. — Можете теперь быть свободны, дальше мы сами разберемся.

— Счастливо оставаться! — Хмелев по-военному козырнул майору и не спеша стал выбираться из развалин.

Солдаты Воеводина между тем расширили воронку, указанную Хмелевым, и вскоре добрались до канализационной трубы, в которой имелось небольшое отверстие, ведущее внутрь. Майор зажег электрический фонарь, приказал двум самым опытным саперам взять миноискатели и щупы и полез в трубу.

Центральная труба была довольно широка, однако не настолько, чтобы в ней можно было свободно двигаться. Приходилось сгибаться почти пополам, с трудом преодолевая каждый метр. Видимость тоже была неважная: серая поверхность трубы поглощала свет, и луч фонаря не мог пробить густую мглу. Он освещал лишь ближайшие два-три метра и терялся в темноте. Саперы тщательно просматривали и ощупывали каждую пядь пути.

Во многих местах верхняя часть трубы была повреждена, и в образовавшиеся отверстия просыпалась земля. Она лежала кучками на дороге, мешая движению. Длинные полосы теней возникали на пути луча за каждой такой кучкой.

Сержант Полунин был ростом меньше других. Ему не приходилось так сгибаться, как остальным, поэтому и двигаться было легче.

— Впереди что-то виднеется! — взволнованно воскликнул он.

Майор поднял фонарь выше и увидел квадратные предметы. Оказалось, что на дне трубы лежали стандартные ящики из-под толовых шашек. Воеводин тщательно осмотрел их, определил размеры и приказал вынести все наружу, а сам начал измерять длину, диаметр и глубину залегания трубы под фундаментом завода. Потом, сделав какие-то расчеты в своем блокноте, ушел в райком партии.

Следы минирования

Капитан Шубин сидел в кабинете секретаря райкома и нетерпеливо поглядывал на часы.

— Вы, значит, надеетесь, что это даст нам что-нибудь? — с сомнением спрашивал он Владимира Александровича.

— Надеюсь, что даст, — отвечал тот. — Если в трубе обнаружат следы минирования — значит, фашисты в самом деле собирались ее минировать и в словах Хмелева есть, стало быть, доля правды.

Они сидели некоторое время молча, но каждый из них думал об одном: удалось ли майору Воеводину узнать что-нибудь новое?

— Вы, конечно, понимаете, товарищ Шубин, как для нас это важно, — произнес наконец Дружинин. — Из обкома мы получили разрешение отозвать к себе инженеров, техников и квалифицированных рабочих, работавших раньше на краснорудских предприятиях, если они, конечно, будут согласны. Во время войны многие из них переехали в другие города, но мы уже списались с некоторыми, чьи адреса удалось раздобыть. И вот теперь представьте себе положение: инженеры, техники и мастера увольняются с работы и едут к нам, а мы вдруг заявляем им: «Извините, товарищи, вам придется отдохнуть некоторое время — заводы наши, к сожалению, нельзя еще восстанавливать...»

— Будем надеяться, что этого не случится, — заметил Шубин. — Воеводин производит впечатление опытного специалиста. Если ему не удастся найти следов мины — значит, ее не было вовсе и Хмелев просто провоцировал нас.

— Я все еще не думаю этого, — ответил Дружинин. — Однако поживем — увидим.

— Вы, конечно, поставили обком в известность об этой мине? — немного помолчав, спросил Шубин.

— А как же иначе? — удивился Дружинин. — Доложил в тот же день, как только самому стало кое-что известно.

— Ну, а какое это там произвело впечатление?

— Спросили о наших планах. Предлагали помочь, но я заявил, что справимся собственными силами...

В это время отворилась дверь, и Варя доложила:

— Воеводин.

— Наконец-то! — воскликнул Дружинин и пошел на встречу майору.

Воеводин не сразу начал свой рассказ. Он молча сел в кресло против Дружинина и достал из планшетки блокнот. Владимир Александрович и Шубин внимательно следили за его неторопливыми движениями и терпеливо ждали.

— Канализационную трубу завода имени Кагановича действительно кто-то минировал, — произнес наконец Воеводин.

— Ну, я так и думал! — с облегчением проговорил Дружинин.

— Мы нашли в ней шесть пустых ящичков из-под шашек, — продолжал Воеводин. — Ящички стандартные. Вмещается в них по сто сорок четыре германских подрывных шашки, весом в двести граммов каждая, или по двести сорок буровых шашек, весом по сто граммов каждая. Всего, стало быть, либо сто семьдесят три килограмма, либо сто сорок четыре. Вот и судите: можно ли таким количеством взрывчатки взорвать завод?

— А что, разве этого мало? — поинтересовался Шубин.

— Мало, — ответил Воеводин. — Взрывчатки потребовалось бы для этого гораздо больше.

— Но, может быть, там были еще ящички? — предположил Дружинин. — Часть их могли ведь вынести при разминировании.

— Едва ли, — усомнился майор. — Их очень неудобно вытаскивать через то отверстие в трубе, которое проделали саперы, снимавшие мины. Фашисты же внесли их туда каким-то другим ходом.

— Какой же вывод из этого? — спросил Дружинин.

— Вывод таков: либо фашисты начали минировать

трубу, да передумали, найдя другой, более удобный объект, либо произвели это ложное минирование для отвода глаз, чтобы отвлечь внимание от главного объекта.

— Значит, и в том и в ином случае мину нужно искать в другом месте? — снова задал вопрос Дружинин.

— Да, — твердо ответил Воеводин.

Наступило короткое гнетущее молчание; слышен был только скрип сапог Владимира Александровича, ходившего по кабинету. Воеводин задумчиво курил папиросу, Шубин машинально вертел в руке портсигар.

— А что, если это все же трюк Хмелева? — произнес вдруг капитан. — Может быть, для большей убедительности своего рассказа он сам втащил в трубу пустые ящики из-под взрывчатки? Мог он один проделать все это?

— Дело не хитрое, — сказал майор. — Мог и он начинить трубу пустыми ящиками, но я не думаю, чтобы это было так.

— Почему же?

На вопрос Дружинина майор ответил вопросом:

— По словам Хмелева, минирование производил, кажется, обер-лейтенант Гербст?

— Совершенно верно.

— Мне довелось познакомиться с каким-то Гербстом, вернее с его работой, в Ольшанских шахтах. Там место установки мин тоже было ложными следами запутано. Так что маневр с фиктивным минированием вполне в его стиле.

— Значит, по-вашему, поиски мины нужно продолжать? — спросил Шубин.

— Непременно.

— Как же вы намерены искать ее теперь?

— До сих пор мы искали в местах, наиболее вероятных для минирования, — ответил майор. — Теперь начнем сплошное обследование.

— А это надолго?

— Да, дело нескорое. Территория заводов очень захламлена, работать на ней нелегко. Боюсь, что времени на это понадобится много.

— А нам дорога каждая минута! — возбужденно воскликнул Дружинин. — Завтра начнут прибывать строительные рабочие. Уже сегодня приедет бывший главный инженер одного из наших заводов. Вскоре ожидается и начальник восстановительных работ, назначенный министерством. Нам бы очень не хотелось охлаждать их пыл. Нельзя ли как-нибудь ускорить поиски этой проклятой мины?

— Тогда позвольте осуществить мой проект с детонирующими взрывами, — предложил Воеводин.

— Я полагаю, что теперь это дело решенное, — подумав немного, заявил Владимир Александрович. — Ваш проект осложнит восстановление и вызовет дополнительные расходы, но ждать больше невозможно. На всякий случай я уже запросил на этот счет разрешение области. Действуйте, Алексей Сергеевич!

Еще одна неудача

У окна в приемной райкома за небольшим письменным столом сидела Варя и разбирала какие-то документы. Вошедший в приемную майор Воеводин с удовольствием смотрел на ее золотившиеся на солнце густые волосы. Видя, что Варя не обращает на него никакого внимания, он подошел ближе и, улыбаясь, произнес:

— Ты так увлеклась своей работой, что даже меня замечать перестала.

Варя подняла голову, улыбнулась:

— Ничего удивительного в этом нет, Алеша. Мы так редко видимся, к тому же ты ухитряешься так перепач-

каться в заводских подвалах, что сразу узнать тебя, право, мудрено.

— Мы же условились не упрекать друг друга, — смущенно проговорил Алексей. — Не делать того, что я делаю, не могу, да и не имею права, ты это прекрасно понимаешь...

— Я не о том, Алеша, — перебила его Варя. — Искать мину, конечно, нужно, но ведь ты обещал мне найти ее быстро.

— Что подделаешь, Варя! — вздохнул Алексей. — Я и так стараюсь изо всех сил. Доложи-ка обо мне Владимиру Александровичу.

Варя застала Дружинина у телефонного аппарата. Он разговаривал с секретарем обкома партии.

— Все в порядке, товарищ Егоров! — говорил Владимир Александрович в трубку. — Нет-нет, никакой помощи не требуется. У вас ведь и своих хлопот достаточно. Справимся своими силами. Сегодня мы должны поднять эту мину на воздух...

Он слушал некоторое время, поддакивая собеседнику, и вдруг оживился:

— Как, уже приехали? Кто?.. Инженер Серов?.. И Демченко тоже? Это здорово! Немедленно направляйте их к нам!.. Квартиры?.. Да, все готово. Можете не беспокоиться. Всего хорошего, товарищ Егоров!

Дружинин положил трубку и весело взглянул на Варю:

— Ну, как дела с квартирами?

— Все в порядке, Владимир Александрович. Тимофеев просил доложить вам, что все готово. Да я и сама их осматривала. Не очень шикарно, конечно, но уютно.

Дружинин потер руки:

— Очень хорошо! А где же Тарасенко?

— На совещании в горсовете.

— Вернется — пусть ко мне зайдет. Да, передай еще

Ковалевой, что совещание агитаторов проведем завтра. Пусть она зайдет ко мне.

— Разрешите доложить... — вспомнила Варя об Алексее, но Дружинин перебил ее:

— Погоди! Позвони в горono и скажи, что я жду Иванова в девятнадцать ноль-ноль. Из гортотгортадела мне снова звонили. Опять у них с промтоварами неладно. Передай Свирскому: пусть сегодня же разберется во всем... Ну, что там у тебя?

— Майор Воеводин пришел.

— Воеводин? Да что же ты об этом сразу не сказала, ведь он мне нужен вот так! — Дружинин провел ладонью по горлу и добавил: — Зови же скорее!

Майор, громко стуча каблуками, вошел в кабинет. Сегодня он шел как-то особенно неуклюже.

Дружинин пристально всматривался в лицо Воеводина, пытаясь по выражению его угадать, с какими новостями явился майор.

— Ну-с, чем порадуете? — нетерпеливо спросил он.

— Радовать нечем, — мрачно ответил Воеводин. — Плохие дела...

Дружинин заметно изменился в лице:

— Вы, значит, произвели уже детонирующие взрывы?

— Произвел.

— На всех трех заводах?

— На всех трех.

— И?..

— Никакого эффекта.

Дружинин нахмурился.

— Может быть, Хмелев в самом деле решил поиздеваться над нами? — раздраженно произнес он и бросил давно уже потухшую папиросу. — Но нет, не выйдет это!

Вошла Варя.

— Владимир Александрович, — сказала она, — к вам Строгановы — отец и сын.

— Вот это здорово! — Дружинин повернулся к Воеводину: — Вы знаете, кто такие Строгановы? Это лучшие в области специалисты по монтажу заводского оборудования. Мастера высокого класса. Артисты!.. Зови их, Варя!

Воеводин поднялся, собираясь уйти.

— Нет-нет! — запротестовал Дружинин и, взяв его за плечи, усадил на место. — Я прошу вас остаться. Не мешает и вам послушать наших кадровых рабочих.

Совет Строгановых

Распахнулась дверь. Вошли рослые, широкоплечие отец и сын Строгановы.

— Иван Прокофьевич! Илья Иванович! — радостно воскликнул Дружинин. — Спасибо, что не забыли. Откуда же вы? Я адреса вашего раздобыть не мог. Ходили даже слухи, будто погибли вы на фронте.

Строганов-старший сказал степенно, с легкой усмешкой:

— Погибать-то погибали, и не раз, да вот, как видите, не погибли. Я партизанил, а Илья в армии был. Гвардии старшина, полный кавалер ордена Славы. Можете поздравить.

Владимир Александрович крепко пожал руку Илье Строганову, и тут взгляд его упал на Воевину.

— Прошу познакомиться, — обратился он к Строгановым, кивая в сторону Алексея: — гвардии майор Воеводин.

Строгановы пожали майору руку.

— Ну, а теперь присаживайтесь и рассказывайте, — сказал Дружинин, подвигая Строгановым стулья.

— Мы к вам, Владимир Александрович, прямо из областного центра, — начал Иван Прокофьевич. — Только

что кончили там монтаж оборудования. Работа, скажу я вам, была мелкая, а мы прямо-таки истосковались по большому делу.

Илья Строганов поддержал отца:

— Что верно, то верно. Уж я бывало на фронте не раз бойцам своим о вас рассказывал. Вспоминал горячие денечки, когда вы на трансформаторном секретарем парткомитета работали. Боевое было время!

— Верно говоришь, — подтвердил Строганов-старший и обратился к Дружину: — Вот и теперь, Владимир Александрович, хотим мы так поработать. Узнали, что вы всем районом командуете, и решили к вам податься. Пошли в обком, думали — драться придется за путевку к вам, а нам говорят: «К Дружину? Пожалуй-ста!»

Владимир Александрович улыбнулся и спросил с любопытством:

— Ну, а как догадались-то, что у меня дело большое? Говорят, что ли, много об этом в области?

Илья Строганов собрался ответить, но отец опередил его:

— Да что говорить! И без того каждому ясно. Сами посудите: заводы у нас в Краснорудске транспортного машиностроения. А на транспорт в послевоенной пятилетке отпущена одна шестая капиталовложений в народное хозяйство. Как же тут не сообразить, что заводы эти будут в первую очередь и в широком масштабе восстанавливаться? — Старик подкрутил усы и усмехнулся: — Мы ведь в политике малость разбираемся.

— Все, значит, будем на ноги ставить? — удалось наконец Илье вставить словечко. — Всю районную промышленность?

— Всё и всю, — весело ответил Дружинин. — Но только теперь придется работать еще быстрее, чем до войны.

— Когда прикажете в строй становиться? Мы готовы, — серьезно ответил Строганов-старший.

— Успеете еще, — уклончиво ответил Владимир Александрович. — Устраивайтесь пока с квартирами.

— Да что нам устраиваться-то? Мы уже у родичей своих определились.

— Устраивайтесь, устраивайтесь обстоятельнее. С работой все равно придется повременить.

— Как же это так — повременить? — удивился Иван Строганов.

— Не в вашем это характере, Владимир Александрович, — поддержал отца Илья. — Непонятно это...

Иван Прокофьевич нахмурился и сказал строго:

— Вы уж выкладывайте все начистоту. Мы свои люди, скрывать от нас нечего. Поговаривают, будто фашисты с заводами что-то натворили. Мины вроде поставили. Правда это, Владимир Александрович?

— Правда, — угрюмо ответил Дружинин. — Один из заводов враги заминировали. Пока не отыщем мину, работу начинать нельзя. Я не могу рисковать людьми.

— А ее ищут?

— Ищут. Да вот майор Воеводин со своими саперами и ищет.

— Очень хорошо, — одобрительно отозвался Строганов-старший. — Искать ее, конечно, нужно, но зачем же восстановительные работы из-за этого приостанавливать, непонятно. Выходит, нас мина страшит? А разве не ходили мы в годы войны по минным полям? Не таскали эти мины в вещевых мешках, уходя на боевые задания в тыл противника?

Дружинин повернулся к окну, избегая взгляда Ивана Прокофьевича.

— Оно, может быть, и не гоже простому рабочему самого секретаря райкома партии учить, — продолжал взволнованно старик, — но я тебе все же, как коммунист

коммунисту, скажу: собери ты, Владимир Александрович, народ, скажи ему прямо, что завод заминирован, и предложи идти работать тем, кто не боится этой мины. Вот увидишь, все пойдут! А майор между тем пусть делает свое дело.

Дружинин протянул руку Строганову:

— Спасибо, Иван Прокофьевич, спасибо за совет! Поверьте моему слову — недолго осталось ждать. Вопрос всего нескольких дней.

Илья легонько толкнул отца локтем:

— Не пора ли нам?

Иван Прокофьевич решительно поднялся:

— Ну, мы пойдем! Извините, если чего лишнего наговорили, но ведь мы свои люди, на нас нельзя быть в обиде. А совет наш помните.

Проводив Строгановых до дверей, Дружинин вернулся к Воеводину и сказал восхищенно:

— Какой народ! Да ведь с таким народом чорт знает что можно совершить! Разве испугаешь его какой-то вражеской миной!

Попрежнему все в тумане

Следующий день был спокойным. С утра Дружинин ездил в горсовет по неотложным делам, потом совещался в райисполкоме с прибывшими инженерами, принимал у себя заведующего горно. А когда наконец немного освободился и взялся за газеты, вошла Варя и доложила, что пришел инженер Орликов.

— Сергей Сергеевич? — удивился Дружинин. — Да ведь он был у меня сегодня! Что там у него такое?

— Говорит, по неотложному делу.

— Ну что ты будешь делать со стариком! — вздохнул Дружинин. — Пригласи его.

Пожилой, седоволосый инженер Орликов вошел, слег-

ка прихрамывая и опираясь на толстую палку с массивным набалдашником.

— Извини, Владимир Александрович, что я надоедаю, — густым басом начал он, — но я к тебе с жалобой на саперов. Что же это такое! Оцепили все заводы и никого не подпускают. Как же я смету составлять буду?

— Ну-ну, успокойся! — улыбнулся Дружинин. — Раскипятился! Ничего, дорогой Сергей Сергеевич, не поделаешь. Ты же знаешь, что заводы заминированы и могут в любой момент взорваться?

— Ну, так что же из того, что заминированы? — не успокаивался Орликов. — А когда я мост через Дон строил, так нас день и ночь бомбили и обстреливали, а я его все-таки построил. И ничего, жив-здоров, как видишь.

— Ну, тогда была война, а теперь другое дело, — заключил Дружинин.

— Как «другое дело»? Разве дух боевой уже выветрился?

— Не узнаю тебя, Сергей Сергеевич! Очень ты ершистым стал! — засмеялся Дружинин и серьезно добавил: — Дело тут, конечно, не в боевом духе, а в простом благоразумии, так что ты два-три дня воздержись от посещения заводов. Я тебе просто запрещаю это. И не будем больше портить настроение друг другу. У тебя всё?

— Все, — мрачно отозвался Орликов.

Дружинин подал ему руку:

— Ну, будь здоров!

Когда инженер ушел, Владимир Александрович снова взялся за газеты. Но тут Варя доложила о приходе капитана Шубина.

Хмурое лицо капитана не предвещало ничего хорошего. Это отметил Дружинин еще до того, как Шубин вымолвил слово.

— Ну, что новенького? — спросил Владимир Александрович и, не дождавшись ответа, сказал: — Попрежнему,

значит, плывем в тумане? Интересно все-таки, как же Хмелев ведет себя теперь?

— Очень странно, — ответил Шубин, закуривая папиросу. — Все свободное время проводит в библиотеках, хотя, по наведенным мною справкам, он никогда особенно не увлекался чтением.

— Что же привлекает его в библиотеках, какая литература?

— Берет разнообразные книги по какому-то списку, перелистывает их и, не читая, возвращает.

— Да... — согласился Дружинин. — В самом деле, все это странно!

Чего ищет Хмелев

Владимир Александрович давно уже не имел представления об отдыхе. Он терпеть не мог безделья. А теперь, в дни великой восстановительной страды, выходные дни были для него особенно тягостны. Дружинину тяжело и больно было смотреть на остановившиеся станки, опустевшие комнаты учреждений. Начинало казаться, что все вокруг замерло, перестало двигаться и совершенствоваться. Владимир Александрович забыл не только об отдыхе, но и о сне. Он видел в лице коварного и хитрого врага, который не наносил пока осязаемого удара — слышь ежечасно, ежеминутно грозил им, но уже в одной только этой угрозе таилась опасность.

Дружинин был волевым, темпераментным человеком. Он принимал всегда быстрые и смелые решения, но теперь нужна была другая тактика. Он обязан проявить особую осторожность, выдержку и тщательно проанализировать создавшуюся обстановку. Владимир Александрович хорошо понимал необходимость этого, но сильно досадовал на то, что приходится терять драгоценное время.

В газетах уже сообщалось о первых успехах соседних промышленных районов. Во всех уголках страны шла стройка, а в Краснорудске работа застопорилась из-за угрозы взрыва. Дружинин верил в искусство Воеводина и не сомневался, что рано или поздно он найдет мину. Вопрос только в том — когда.

Шубин шел к той же цели своим путем. Он видел разгадку тайны в самом Хмелеве, который не договаривает чего-то. Дружинин был с ним отчасти согласен в этом, но ему казалось, что Шубин ошибается, исходя из одних только подозрений. Владимир Александрович решил сходить к Хмелеву и вызвать его на откровенный разговор.

Небольшой аккуратный домик бывшего кузнечного мастера находился в конце тихой, безлюдной улицы. Владимир Александрович вышел из машины неподалеку от него и пошел пешком. Еще издали увидел он сидевшего у окна Хмелева. Подойдя поближе, Дружинин заглянул в низкое окошко. Его удивил беспорядок, царивший в комнате: пол ее был завален книгами, тетрадями и какими-то бумагами.

«Уж не сошел ли с ума старик?» — мелькнула у Владимира Александровича мысль. Он хотел было отказаться от своего намерения зайти в дом, но в это время Хмелев поднял глаза и увидел Дружинина. Старый мастер поспешно вскочил на ноги и, крикнув что-то, побежал открывать дверь.

— Здравствуйте, Владимир Александрович! — приветливо сказал он. — Заходите, пожалуйста. Вот уж не ожидал вас у себя увидеть! Премного вам за это благодарен.

— Вы ведь не знаете, зачем я пришел к вам. Может быть, зря благодарите-то, — заметил Дружинин.

Хмелев улыбнулся:

— Если бы кто-нибудь другой пришел, я бы не ре-

шился, пожалуй, так вдруг благодарить, а вас вот благодарю.

— Почему же?

— Я знаю, мне теперь не доверяют. Однако таким людям, как вы, легче, чем другим, разобраться — сломлен во мне дух советский или не сломлен. Вам, мне кажется, знать человека глубже полагается, чем другим, и верить в него крепче, чем другим.

— Любопытно рассуждаете, — произнес Дружинин, дивясь неожиданной логике Хмелева. — Вот только ведете себя не совсем понятно. Если бы дух советский не был в вас сломлен, вы не примирились бы с недоверием, которое к вам питают, старались бы рассеять его. — Он обвел глазами пол, заваленный книгами, и добавил раздраженно: — Чорт знает, что у вас тут творится! Прямотаки погром какой-то...

Хмелев, казалось, не обратил никакого внимания на это замечание и спросил:

— А откуда это видно, что дух советский во мне сломлен? Нет, Владимир Александрович, я еще не отказался от надежды защитить свое достоинство. Ход мыслей у меня такой: перво-наперво нужно было решить, что у нас сейчас самое главное. Прикидывал я и так и этак, и выходило, что главное сейчас — это судьба заводов. Значит, если я помогу решить главное, то буду действовать по-советски, а люди потом пусть уж сами решат, что я за человек. Короче говоря, хочу я помочь мину найти, а что при ней, может, документы, порочащие меня, окажутся, так это уж дело второстепенное.

Увидев, что Дружинин все еще стоит посреди комнаты, Хмелев спохватился вдруг и подал ему стул.

— Садитесь, пожалуйста, — смущенно проговорил он. — Простите, что сразу не предложил вам присесть. Тяжело мне, Владимир Александрович, на старости лет

недоверие видеть... Об этом день и ночь неотступно думаю, потому, может быть, чудачком стал казаться. Вот эти книги почему разбросаны? Перевод донесения Гербста ищу. Оно ведь по-немецки было написано, и я не мог разобраться в нем. Попросил племянника, ученика восьмого класса, перевод сделать. Он перевел донесение на русский язык, а я для памяти записал все на бумажку и, помнится, сунул ее в какую-то книгу. У меня ведь целая библиотека после сына осталась. Совсем недавно я передал ее горсовету на пополнение городских читален, разграбленных фашистами. Вот и хожу теперь по библиотекам, ищу свои книги, а в них — листок с переводом. Подлинник-то я капитану Овсянникову передал, когда он стал мину разыскивать. Донесение хотя и не дописано, но в нем есть кое-какие цифры, которые, возможно, пригодились бы.

— Что же это за цифры? Вы разве не помните? — спросил Дружинин.

— Нет, не помню. Забыл за три года.

Владимир Александрович посмотрел на часы и поднялся со стула.

— Ну, мне пора, Тихон Егорович, — произнес Дружинин. — Листок тот, если вы его найдете, покажите мне обязательно.

— А как же иначе, Владимир Александрович! — возбужденно воскликнул Хмелев. — Для чего же тогда и искать его?

Взрыв произойдет сегодня

Едва Владимир Александрович пришел в райком, как к нему явился капитан Шубин.

— Вы, кажется, от Хмелева только что? — спросил он.

— А вы откуда знаете?

— У секретаря вашего навел справку, — ответил капитан. — Любопытно, что поведал вам старик?

Владимир Александрович рассказал ему о встрече с Хмелевым. Выслушав его, Шубин неторопливо развернул какую-то бумажку и произнес:

— Ну, я, кажется, опередил Хмелева, раньше его нашел перевод донесения.

— Неужели уже нашли? — удивился Дружинин. — Но как же вы догадались, что он именно перевод донесения разыскивает?

— Должен вам признаться, я об этом и не догадывался вовсе. Ясно мне было лишь, что Хмелев упорно разыскивает что-то в книгах, которые, как нам удалось выяснить, сам же пожертвовал местным библиотекам. Раздобыв список всей пожертвованной им литературы, мы по абонементным листкам Хмелева установили, какие из своих книг он уже просмотрел, а остальные перелистали сами. И вот в одной из них нашли копию донесения Гербста.

— Выходит, что Хмелев не обманывал нас, — с облегчением сказал Дружинин, но так как Шубин ничего не ответил на это, спросил: — Вы разве еще сомневаетесь в чем-то?

— Я просто не тороплюсь с таким выводом. Если перевод донесения Гербста поможет нам отыскать мину, никаких сомнений у меня уже не останется. Не думаю, впрочем, что можно будет извлечь что-нибудь из этих скудных данных. Вот взгляните-ка сами.

С этими словами капитан протянул Дружинину листок бумаги. Владимир Александрович подошел к окну и не без труда прочел потускневшую от времени карандашную запись:

«Господину майору фон Циллиху.

В соответствии с вашим распоряжением, минирование произведено 12 мая 1943 года. Поставлено 168 кг

взрывчатого вещества (6 зарядов по 28 кг). Замедление взрывателя рассчитано на три года. Исходя из идеи вашего замысла и будучи уполномочен на самостоятельные действия, я решил...»

На этом донесение обрывалось. Дружинин дважды перечитал его и вдруг воскликнул:

— Позвольте, какое же у нас сегодня число? Двенадцатое мая? Чорт поberi, как раз ровно три года с тех пор, как была установлена мина! Взрыв-то, значит, произойдет сегодня!..

Снова поиски

Варя, взволнованная и возбужденная, встретила Воеводина у дверей приемной.

— Как хорошо, что ты пришел, Алеша! А я уже хотела тебя разыскивать.

— Случилось что-нибудь? — спросил Воеводин.

— Я не знаю подробностей, — ответила Варя, — но то, о чем говорили при мне Владимир Александрович и Шубин, показалось мне очень важным. Тебя они пока не спрашивали, но я не сомневаюсь — ты им скоро понадобится. Подожди минутку, я доложу о тебе.

Оказалось, Воеводин в самом деле был очень нужен Дружинину, и он приказал тотчас же пригласить его. Поздоровавшись, Владимир Александрович ввел Алексея в курс дела и подал донесение обер-лейтенанта Гербста.

— Сможет это пригодиться вам? — спросил он.

Майор внимательно прочел донесение. Подумав немного, ответил:

— Пригодится, конечно. Я попытаюсь сделать кое-какие расчеты, хотя должен признаться, что и на этот раз общий вес зарядов меня очень смущает.

Дружинин взволнованно ходил по комнате. Шубин

сидел у окна. Возле него стояла пепельница, переполненная окурками.

— В конце концов, обстановка, по-моему, разряжается, — произнес наконец Дружинин. — Пусть эта мина, черт бы ее побрал, взрывается сегодня! С этим, видно, ничего не поделаешь, но зато завтра мы сможем спокойно приняться за работу.

— Не думаю, чтобы она взорвалась так скоро, — заметил Воеводин.

— Как? Вы разве сомневаетесь в точности даты? — удивился Шубин.

— Нет, дело тут не в точности даты, — ответил Воеводин. — Если бы взрыв должен был произойти ровно через три года, то он уже произошел бы еще одиннадцатого мая, так как из этих трех лет один год был високосным. Но дело в том, что Гербст вообще не мог указать точного срока взрыва. Это ведь совершенно невозможно. Двенадцатое мая может быть только теоретической датой. Практически же совершенно неизбежны отклонения в сторону уменьшения или увеличения этого срока.

— Это ваше предположение, — спросил Шубин, — или существует какая-то закономерность?

— Нет, не предположение. Даже такие точные взрыватели, как, например, часовые, имеют отклонение в ту или иную сторону, — пояснил Воеводин. — Финский восьмисуточный взрыватель с часовым механизмом имеет точность установки плюс-минус один час. У немецкого часового двадцатисуточного взрывателя при установке его на предельный срок точность хода плюс-минус шесть часов. А в электрохимическом взрывателе при установке его на сто двадцать суток возможно отклонение до пятнадцати процентов в сторону увеличения этого срока. Вот и судите, каково может быть отклонение при трехгодичном сроке замедления.

— Давайте все-таки хладнокровно во всем разберемся, — предложил Дружинин. — Выходит, что взрыватель на заминированном заводе должен сработать двенадцатого мая или в промежутке между двенадцатым мая и, допустим, двенадцатым августа. Так?

— Да, так, — поддержал его Воеводин.

— Если бы он сработал сегодня или завтра, — продолжал Владимир Александрович, — это еще полбеды. Но ждать три месяца, три месяца жить в неизвестности, в ожидании взрыва — невозможно. Что же делать, в таком случае?

— Искать, — твердо ответил Воеводин. — Снова искать!

— Но как же мы будем теперь искать? — спросил Дружинин.

— Теперь искать будет легче, — убежденно заявил Воеводин.

— Почему же легче?

— Потому, Владимир Александрович, что у нас есть сейчас некоторые данные: количество установленных зарядов и их вес. Сложное уравнение со многими неизвестными превращается, таким образом, в уравнение с одним неизвестным. Я тотчас же приступаю к его решению и, если у вас нет ко мне больше вопросов, прошу отпустить меня.

Майор ушел.

Следом за ним поднялся и Шубин. Дружинин остался один. Невесело думал он о сложившейся обстановке. Ну чем, в самом деле, могут помочь Воевдину эти жалкие данные?..

Размышления Дружинина неожиданно прервала Вара. Она вошла со стаканом чая и бутербродом.

— Вы ведь не обедали сегодня, Владимир Александрович, — сказала она, ставя стакан на стол. — Выпейте хоть чаю.

— Спасибо, Варя! С удовольствием выпью. Никакие потрясения не убивают во мне аппетита.

Он отпил несколько глотков горячего чая и, остановив Варю, направившуюся к двери, спросил:

— Знаешь, как дела-то обстоят?

— Догадываюсь.

— Выходит, в самом деле эта проклятая мина стала нам поперек дороги. Но, черт побери, не так-то просто нас остановить!.. Ты раздобыла подробные схемы наших заводов?

— Раздобыла, Владимир Александрович, — ответила Варя. — Пришлось все Архивное управление перевернуть и переругаться со всеми архивариусами, но схемы я все-таки отыскала. Сейчас принесу их.

Спустя несколько минут Варя принесла три больших, сильно помятых свертка и положила перед Дружининым. Владимир Александрович развернул их и с интересом стал рассматривать. Варя, смотревшая на них через плечо Дружинина, заметила:

— А что, если мы дадим эти схемы Алексею? Ведь тут все мельчайшие детали видны.

— Это идея, — согласился Дружинин. — Непременно нужно передать их Алексею. Поезжай к нему немедленно.

У рыбака Рощина

Капитан Шубин продолжал напряженно обдумывать создавшееся положение, хотя ему и казалось, что теперь он мало чем может помочь Воеводину.

Еще вчера он вызвал всех своих оперативных работников и дал им задание: расспросить краснорудцев, проживающих в районе заводов, не замечали ли они немецких солдат на заводской территории в день эвакуации фашистов из города.

Помощники Шубина навели необходимые справки. Выяснилось, что никто из краснорудцев не видел в тот день на территории заводов немецких солдат. Более того: некоторые из опрошенных уверяли даже, что сами бродили в этот день по заводам в поисках топлива и, следовательно, не могли не встретиться с фашистами, если бы они там находились.

Сведения оказались мало утешительными. Но это не остановило Шубина. Несмотря на неясность обстановки, капитан решил действовать. После разговора в кабинете секретаря райкома партии он вызвал одного из своих офицеров.

— Помнится, товарищ Никитин, — обратился он к нему, — вы докладывали мне о рыбачке Рощине, у которого гитлеровцы отобрали лодку в тот день, когда эвакуировались из города. Как, по-вашему, для чего она могла им понадобиться в такой момент?

— Да уж не для увеселительной прогулки, конечно, — ответил Никитин. — Старик Рощин, вспоминая об угнанной лодке, говорил, что фашисты на ней куда-то поспешно направились. Я слышал об этом от его сына.

— Не удирать же они на ней вздумали? — продолжал размышлять Шубин.

— Да вряд ли, товарищ капитан. Река течет на восток, а фашистам это явно не по пути было, а против течения грести просто нелепо, — заметил Никитин.

— Где живет Рощин, вы знаете? — спросил Шубин.

— Так точно, знаю. Пригласить его?

— Нет, зачем же старика беспокоить. Мы сами поедем к нему. Вызовите мою машину.

...Рощина Шубин застал за просушкой сетей на берегу реки. Старик приветливо поклонился ему, сняв белый парусиновый картуз.

— Ну, как жизнь, папаша? Как рыбачите? — приветствовал его капитан.

— Ничего себе, жаловаться не на что.

Присмотревшись, Шубин заметил старую лодку, до половины вытащенную на берег, и сказал сочувственно:

— Лодочка у вас плоховата.

— Верно говорите, — согласился старик. — Хорошую-то фашисты угнали при отступлении. Офицер ихний вдобавок еще по зубам мне надавал.

— А зачем же им лодка понадобилась?

— А кто их знает! Ящиками они ее какими-то нагроузили. Помнится, очень уж осторожно они их укладывали, будто посуду хрупкую. Я так и подумал тогда: не иначе, как добро награбленное куда-то переправляют.

— Ну, а еще у них было что-нибудь, не помните? Может быть, инструменты какие-нибудь?

— Было, кажись, и еще что-то, да я уж запомнил. А вот ящики запомнились, потому как уж больно они церемонились с ними.

Капитан Шубин слушал рыбака, задумчиво прохаживаясь вдоль развешанных на шестах сырых сетей. Остановившись перед стариком, он спросил:

— А направились-то они куда: вниз или вверх по течению?

— Вниз, — уверенно ответил рыбак. — Это я точно помню.

— Ну, спасибо папаша! — Шубин протянул Рошину руку. — Извините за беспокойство.

В поисках решения

За столом, заваленным справочниками, таблицами и номограммами, сидел майор Воеводин. На книгах лежала целая стопка исписанной бумаги, но дело не шло на лад. Расчет на подрывание заводов совершенно не совпа-

дал с цифрами отчета, составленного Гербстом. Вес зарядов был ничтожно мал. Что можно взорвать таким количеством взрывчатки? К тому же было непонятно, почему поставлено именно шесть зарядов одинакового веса.

В подрывном деле есть свои жесткие правила, пренебречь которыми может только человек, незнакомый с техникой подрывания. Но Воеводин знал: минирование производил саперный офицер, к тому же немец, следовательно он должен был с особенной педантичностью соблюдать эти законы. Не мог же он начинить фугас 168 килограммами взрывчатого вещества и рассчитывать на то, что мощный заводской корпус разрушится? Чтобы подорвать завод, ему потребовались бы многие сотни килограммов. Даже если допустить, что он применил взрывчатые вещества повышенной мощности, как, например, гексаген, то и этого оказалось бы недостаточно. Гексаген лишь в два раза сильнее тола и хотя химически довольно стоек, но зато весьма чувствителен к удару и трению.

«Нет, — решил майор, — так далеко не уйдешь. Вес нужно пока оставить в покое...»

И снова принялся размышлять о количестве зарядов. Целесообразно ли было минировать завод шестью одинаковыми по весу зарядами?

Майор развернул схемы и попытался разместить в фундаменте завода шесть зарядов, но убедился в полной неосуществимости этой затеи. Да и вообще, был ли смысл так расставлять их? Воеводин знал все способы подрывания каменных и железобетонных зданий, но способ, примененный Гербстом, был беспрецедентным. Он больше подходил к минированию мостов.

И тут на мгновение мелькнула мысль: «А что, если в самом деле мост?»

Нет, это нелепо... Какой мост? Река огибала город

в двух километрах от его восточной окраины, и лишь в трех местах ее стояли деревянные четырехпролетные мосты. И затем, какое отношение имели мосты к заводам? Нет, уж если допустить, что заминирован не завод, а какой-то другой объект, то он непременно должен иметь отношение к заводам. К тому же, если тут действовал тот же самый Гербст, со стилем которого он познакомился в Ольшанских шахтах, то именно так запутанно оберлейтенант и заминировал бы все: разными хитрыми ходами отвел бы он внимание от главного. Ведь скольких трудов стоило тогда, в Ольшанских шахтах, нащупать участки минирования! Вначале все казалось очень простым. Были и следы какие-то и очевидцы, уверявшие, что именно здесь саперы зарывали что-то. А на деле мины оказались совсем в другом месте. Надо, значит, и теперь идти не прямым, а окольным путем...

Телефонный звонок нарушил ход мыслей Воеводина. Он снял трубку и услышал голос Шубина:

— Ну, как у вас дела, товарищ Воеводин? Все еще не удалось решить задачу? А у меня догадка одна мелькнула. Не допускаете ли вы возможности, что минированы не заводы, а что-то другое, имеющее к ним прямое отношение? Я проверю еще кое-что и заеду к вам, выскажу свои соображения поподробнее.

«Выходит, что и Шубин пришел к такому же заключению, — подумал майор, вешая трубку. — Не случайно это...»

Конечно, и здесь Гербст пошел на хитрость. Но что же все-таки он заминировал? Воеводин перебрал в памяти все предприятия города, однако не нашел ни одного, имеющего непосредственное отношение к заводам. Майор, впрочем, плохо знал Краснорудск.

Он хотел было позвонить Дружинину и посоветоваться с ним, но тут внимание его привлек шум машины. Воеводин подошел к окну и увидел автомобиль, остано-

вившийся у его дома. Дверца его открылась, и вышла Варя.

— Варя! — окликнул ее Алексей и поспешил ей навстречу. — Уж не за мной ли ты?

— Ну, как у тебя дела? — спросила Варя, входя в комнату.

— Без изменений.

— Перепробовал ли ты все на свете и поставил ли на ноги всю свою военно-инженерную науку? — Варя села ближе к столу. — Как таинственно и страшно все получается! Ведь где-то там, под землей, спрятана смерть. Я бы даже сказала — консервированная смерть...

— В mine — консервированная смерть! — воскликнул Воеводин. — Ты очень метко выразилась.

— Эта смерть притаилась, — продолжала Варя, — и ждет своего часа. Никто не знает, когда он пробьет, и это делает смерть особенно страшной. Но ты должен схватить ее за горло. И схватишь, я уверена в этом!

— Конечно, я схвачу ее, — убежденно заявил Воеводин. — Ведь в противном случае она схватит за горло меня. И не только меня, но и будущий завод, его машины, людей... Этого, Варя, я никогда не забываю.

Сжав его руку, Варя вдруг прильнула к нему и прошептала:

— По правде сказать, я очень боюсь за тебя, Алеша. Мина ведь может взорваться совсем неожиданно. Разве могу я не думать об этом каждый день, каждый час?..

Воеводин нежно обнял ее и ласково утешил:

— Ну-ну, Варюша, не будем говорить об этом... Я ведь не первую снимаю. Все будет хорошо.

И, чтобы успокоить ее, он стал рассказывать, как снимал мины на переднем крае обороны и в глубине пози-

ций противника. Его бомбили, обстреливали из минометов, а он лежал на сырой земле и ночью на ощупь вырывал жало у злых, настороженных мин. Одно неверное движение — и все было бы кончено. Не только собственная жизнь, но и успех готовящейся операции зависел от его умения. Подорвись он на минах — враги тотчас поняли бы, что делается проход в минном поле и, значит, готовится наступление. И он научился быть безошибочно точным, научился находить мины шестым чувством сапера.

Однажды фашисты заминировали городской театр. Предполагалось, что они поставили мину замедленного действия. В помещении театра нужно было срочно разместить бойцов, а в батальоне вышли из строя все стетоскопы, которыми такие мины обнаруживаются.

И вот тогда, без приборов, обдирая в кровь уши и щеки, почти целые сутки прослушивал он стены театра и уловил наконец стук часового механизма. Стук этот был так тих, что ощутил он его скорее сердцем, чем ухом.

— Ну, а теперь-то как же? — спросила Варя, взволнованная рассказом мужа. — Теперь-то не поможет разве сердце?

Она посмотрела Алексею в глаза и, не дождавшись ответа, протянула ему длинный сверток плотной бумаги.

— Вот, привезла подробные схемы заводов. Пригодятся они тебе?

Воеводин развернул схемы, внимательно просмотрел их и ответил:

— Если бы ты мне подробный план города и его окрестностей раздобыла, он, пожалуй, больше бы мне пригодился. Я ведь мало знаком с Краснорудском.

— Зачем же план? — удивилась Варя. — Ведь это

мой родной город, и я в нем каждую улицу, каждый дом знаю. Девочкой я бегала по этим улицам, училась здесь и никуда отсюда не выезжала. Все заводы, все большие здания на моих глазах строились. Это же совсем молодой город, почти ровесник мне. С чего же начать, Алеша?

— Перечисли все предприятия города.

— Хорошо, начнем с предприятий. В окрестностях у нас две крупные мельницы, элеватор, три МТС... Дай-ка мне лист бумаги. Я тебе все сейчас наглядно изобразю.

Воеводин подал ей лист трофейной топографической карты и предложил писать на оборотной его стороне.

Варя стремительно вычертила границы города, широкой линией обозначила реку и сказала:

— В пяти километрах от города, на реке, вот в этом месте примерно, гидроэлектростанция.

— Гидроэлектростанция? — воскликнул Воеводин. — А ты была на ней после войны?

— Конечно, и не раз. Ее ведь восстановили сразу после освобождения города.

— Плотину ее помнишь?

— Помню. Очень красивая плотина, совсем как...

— А сколько бычков у этой плотины? — нетерпеливо перебил ее Алексей.

— Ну, этого я не знаю точно. Пять или шесть, кажется. Но что же ты так разволновался, Алеша?

Воеводин, не ответив, спросил ее:

— Не могу ли я воспользоваться машиной? Мне срочно нужно побывать на этой электростанции.

— Машина Владимира Александровича, — ничего не понимая, сказала Варя. — Но если она нужна для дела, то я беру на себя смелость разрешить тебе воспользоваться ею.

Подвиг Воеводина

Спустя пятнадцать минут майор Воеводин был уже за городом. Машина почти на полной скорости неслась по шоссе вдоль реки. Было около шести часов вечера, и Алексей торопился. Конечно, невероятно, чтобы мина взорвалась именно двенадцатого мая, но чем чорт не шутит!..

Воеводин всегда ругал шоферов за лихачество, но сегодня ему казалось, что машина идет недостаточно быстро. От волнения стало душно. Он снял фуражку. Ветер, со свистом врываясь в машину, ожесточенно трепал его волосы. Склонявшееся к закату солнце, ударяя в ветровое стекло, слепило глаза. Река сверкала золотой чешуей легкой зыби.

— Эх, и денек сегодня, товарищ майор! — восхищался шофер.

— Да, денек... — согласился Воеводин и вытер платком потный лоб.

Наконец показалось белое здание Краснорудской гидроэлектростанции. Майор на ходу сосчитал количество бычков плотины. Их было шесть.

— Стоп! — крикнул он шоферу, когда они поравнялись с электростанцией.

Выскочив из машины, Воеводин поспешил к дежурному инженеру.

— Какова толщина бычков вашей плотины? — без всякого предисловия начал он.

— Четыре метра, — ответил инженер, с удивлением смотря на майора. — Но зачем это вам?

— Одну минутку! — взволнованно произнес Воеводин и поспешно раскрыл блокнот.

Формулу расчета сосредоточенного заряда Алексей знал наизусть. На чистом листе блокнота он написал: $C = \alpha^3 R^3$. «С» — это вес заряда. Воеводин обозначил его

через икс и начал расшифровывать вторую половину уравнения. Ему был известен радиус бычка плотины: он составлял два метра. Кубическая степень его равнялась числу 8. Коэффициент альфа для бетонной кладки бычка при двухметровом радиусе был равен 3,5.

Каково же значение коэффициента бета? Воеводин задумался. Какой могла быть забивка и как расположены заряды? Несомненно, немецкие саперы должны были избрать самый верный способ: заряд в центре бычка и обязательно с забивкой. Тогда коэффициент бета должен быть равен единице.

Майор быстро заменил в своей формуле буквы цифрами:

$$X = 3,5 \times 1 \times 8 = 28 \text{ кг.}$$

Это и был вес заряда, указанный в донесении оберлейтенанта Гербста. Теперь не могло быть сомнений: он стоит на верном пути. Воеводин с облегчением вздохнул и тут только заметил, с каким изумлением смотрит на него инженер.

Все еще не объясняя ему, в чем дело, он попросил разрешения позвонить и побежал к телефону. В дверях почти столкнулся с капитаном Шубиным.

— Как, и вы здесь? — удивился Воеводин.

— Да, как видите, — ответил он с улыбкой. — Я хотя и не сапер, но тоже почувствовал, что тут что-то есть. Кому звонить собираетесь?

— Дружинину, да и саперов своих хочу вызвать.

— Саперов вызывайте, а Дружинину я уже позвонил, — сказал Шубин.

Воеводин торопливо набрал нужный ему номер. Подошедшему к телефону командиру взвода приказал немедленно выслать на машине два отделения саперов с инструментами...

Саперы прибыли первыми, за ними — Дружинин и Варя.

В нескольких словах Воеводин рассказал Владимиру Александровичу о своем намерении обследовать бычки плотины.

— Вы полагаете, что заминирована только плотина? — спросил его Шубин.

— Судя по указанному в донесении количеству и весу зарядов — да. Им, собственно говоря, и незачем было минировать здание электростанции — все равно оно без плотины никуда не годится. На всякий случай мы проверим конечно, всю территорию.

— Мне непонятно одно, — заметил Дружинин: — как же они заминировали плотину, когда она, так же как и электростанция, была взорвана нашими саперами при отступлении?

— А по-моему, тут все ясно, — ответил Воеводин. — Плотину взрывали наши саперы. Они учитывали, что рано или поздно нам же придется все это восстанавливать, поэтому взорвали только верхнюю часть бычков, а фашисты заложили мины в уцелевшую нижнюю часть.

— Тогда позвольте еще один вопрос, — продолжал Дружинин: — как получилось, что речь все время шла о заводах, а заминированной оказалась электростанция?

— И это объясняется просто. Ведь нам ничего определенного не было известно об объекте минирования. Мы только знали, что заводы находятся под угрозой взрыва. Так оно и было в действительности. Судьба заводов, в случае если бы они были восстановлены, зависела бы от состояния питающей их электростанции. Теперь все понятно, но для этого нам пришлось размотать весьма запутанный клубок.

— Выходит, Гербет неточно выполнил приказание Циллиха?

— От него и не требовалось точного выполнения, — заявил Воеводин. — Ведь Циллих поручил ему произвести минирование по собственному усмотрению.

Когда Дружинин с Шубиным отошли немного в сторону, Варя с тревогой спросила Алексея:

— Что же ты намерен теперь делать?

— Вскрою бычки и обезврежу взрыватель мины.

— Это опасно?

— Как тебе сказать...

Варя нахмурилась и строго прервала его:

— Только говори всю правду, как другу. Я хочу знать, опасно ли это.

— Опасно.

— Мина ведь должна взорваться, кажется, сегодня? Можно ли трогать ее в такой момент?

— Она может взорваться и через три месяца.

— Ты не отвечаешь на мой вопрос, Алексей. Разрешается проводить разминирование в такой критический момент?

— Видишь ли...

— Ты же всегда говорил мне правду, — снова перебила его Варя. — Разрешается ли разминирование?

— Не разрешается.

— И ты будешь разминировать ее сам?

— А кто же? — удивился Алексей. — Кому я доверю это дело? И как ты можешь меня спрашивать об этом!

— Не кричи на меня, — еле сдерживая слезы, прошептала Варя. — Я твоя жена и хочу знать, на что ты идешь. Это не значит, что я удерживаю тебя. Ты здесь лучший сапер, значит тебе и идти на этот подвиг...

Между тем саперы обнаружили в нижней части бычков плотины неоднородность кладки. Прослушивание подозрительных участков пьезостетоскопом не дало никаких результатов, и Воеводин приказал осторожно проделывать брешь.

Лишь спустя час во всех шести бычках удалось разобрать заделку. Когда все приготовления были закончены, Воеводин пробрался к первому бычку. В углублении его лежала мина замедленного действия. Она была заключена в желтый деревянный ящик. Он протянул к нему руки, но взял не сразу. Одного прикосновения могло оказаться достаточно, чтобы все мгновенно взлетело на воздух.

Конечно, было страшно. Но разве мог Воеводин допустить взрыв плотины, не попытавшись спасти ее? Разве он мог допустить, чтобы город снова погрузился во тьму, как в мрачные дни фашистской оккупации, чтобы остановились уже начавшие действовать предприятия и затормозилось восстановление краснорудских заводов?..

Собрав все свое мужество, с затаенным дыханием Воеводин осторожно приподнял ящик. Руки его дрожали, и он ничего не мог с этим поделать. Челюсти сами собой стиснулись, и на скулах вздулись мускулы. Во рту пересохло. Он опирался правым коленом о край выемки, проделанной саперами в стене бычка, левую ногу держал на выступе, почти у самой воды. Река, переливаясь через плотину, шумела за спиной, обдавая его холодными брызгами, от которых мороз пробежал по коже.

Мина была теперь у него в руках, груз тянул их вниз, а Алексею нужно было сделать движение на себя, чтобы вытащить мину из ниши. Дорога была каждая секунда, но он будто окаменел от напряжения.

По заранее обдуманному плану, он должен был опустить мину на плотик, привязанный у основания бычка, и пустить его вниз по течению, чтобы саперы расстреляли мину из винтовок вдали от гидростанции.

Желтый ящик, который Воеводин держал в руках, был плотно закупорен, но майору казалось, что он отчетливо видит цилиндрический корпус взрывателя с до отказа завинченной крышкой, раздавившей ампулу с кисло-

той. Едкая жидкость, в течение трех лет разъедавшая металлический стержень, вот-вот завершит свою долгую работу. Боевая пружина взрывателя расправит тогда стальные суставы, готовясь вонзить жало ударника в капсуль-воспламенитель...

Часы или минуты оставались до взрыва — узнать невозможно. Ясно одно: время до этого рокового мгновения сокращалось с каждым ударом сердца, бившегося все учащенное.

Сделав над собой усилие, Воеводин стал медленно поворачиваться всем корпусом. Будто сведенные судорогой, окостеневшие руки, описав дугу, медленно вынесли мину из ниши. Теперь нужно было осторожно снять колесо с упора и, выправив ногу, поставить ее на самый нижний выступ бычка.

То, что так легко проделал бы Воеводин без мины, теперь казалось почти неосуществимым. Тяжелая ноша тянула вниз, нарушая равновесие. Скользили намокшие подошвы сапог. Рябило в глазах от быстро текущей воды. Хотелось разжать руки и бросить мину в воду, но майор, стиснув зубы, страшным напряжением воли подавил минутную слабость.

Плотно прижавшись боком к стенке бычка, Воеводин медленно сполз вниз. Вскоре он уже сидел на корточках, и мина была теперь у самой воды. Не разжимая рук, майор осторожно опустил ее на плотик и тогда только перевел дыхание и рукавом гимнастерки вытер со лба холодный пот.

Остальные мины Воеводин извлекал уже спокойнее. Движения его стали решительнее, точнее. И хотя, поскользнувшись, он чуть было не упал в воду с третьей миной, уверенность в окончательной победе больше его не покидала. Только после того как все было сделано, он почувствовал вдруг, что колени его подгибаются и руки трясутся мелкой, противной дрожью.

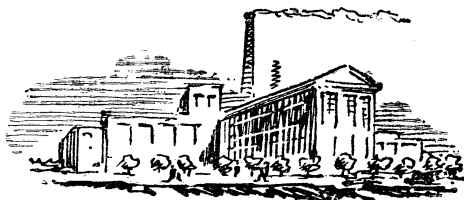

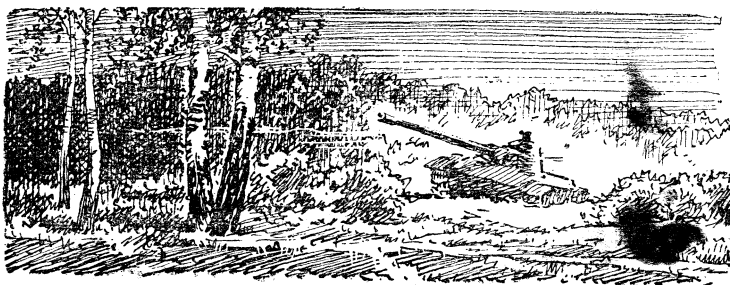
После он вспомнил: первой к нему подбежала Варя, но что она говорила, что он отвечал ей, не осталось в памяти. Никто, кроме Вари, не заметил, однако, как Алексей волновался.

На другой день Дружинин пригласил к себе Хмелева и сообщил ему, что нашлась наконец злосчастная мина. Старый мастер вздохнул облегченно и спросил:

— А как же документ немецкий с моей подпиской? Нашли его, Владимир Александрович?

— Э, да чорт с ним, с этим документом! — весело ответил Дружинин. — Не нашли мы документа. Да, видно, и не клали его туда фашисты, а хотели только запугать вас. Они надеялись, что страх заставит вас оберегать их тайну. Ничего не вышло. Дух советский победил в вас этот страх. — И он крепко пожал руку старому кузнецу.

СЕКРЕТ „КОРОЛЕВСКОГО ТИГРА“

У подбитого танка

В лесу было тихо, лишь тяжелые ветви деревьев шелестели слегка от слабых порывов ветра. Косые утренние лучи солнца, с трудом пробиваясь сквозь густую чащу листвы, разбрасывали по лесу золотистые блики.

Легко ступая по высокой траве, комсомольское отделение разведчиков старшего сержанта Нечаева пробиралось кратчайшим путем к своему полигону. Чем ближе подходили разведчики к опушке леса, тем больше попадалось им молодых, стройных березок. Будто девушки в веселом хороводе, обступали они морщинистые стволы больших, потемневших от старости деревьев.

— Эх, и хорошо же в лесу! — восхищенно произнес веснушчатый рыжеволосый разведчик Ефетов.

Старший сержант Нечаев, глубоко вдохнув пахучий воздух, отозвался:

— Да, в эту пору тут одно удовольствие.

Деревья вскоре начали редеть, и сквозь их листву теперь все чаще проступали голубые просторы неба.

Разведчики прошли еще около двухсот метров, минув низкорослые заросли молодняка, и наконец вышли на опушку.

Перед ними лежали полуобвалившиеся, размытые весенними водами траншеи с заросшими травой защитными насыпями — брустверами и траверсами. Кое-где явно различались следы воронок. В одной из них торчал скелет противотанковой пушки. То там, то здесь виднелись подбитые танки и бронетранспортеры с облупившейся защитной краской.

— Всего около года прошло, а как ловко природа следы войны зализывает! — задумчиво произнес кто-то из разведчиков.

— Ну, для опытного-то глаза тут еще все свежо, — заметил на это старший сержант.

Взгляд его остановился на помятом корпусе немецкого танка, возле которого расположились разведчики. Почти ежедневно проходил Нечаев мимо этой подбитой машины, и ничто не привлекало его внимания, но сегодня он насторожился. Глаз у него был верный, безошибочно схватывал он мельчайшие детали, неприметные другим.

На фронте командир разведывательного подразделения, в которое попал Нечаев, сразу же почувствовал в нем прирожденного разведчика.

«Просто удивительно, — заметил он, — откуда у вас, городского жителя, такой талант следопыта?»

Нечаев объяснил способность безошибочно подмечать вражеские укрепления и огневые точки цепкостью глаза, выработанной на ответственной государственной

службе, — на приемке готовых заводских деталей (Нечаев работал на заводе приемщиком).

Большой опыт накопил Нечаев в разведке за время войны. Терпеливо учил он теперь своих солдат безошибочно читать местность, подмечать мельчайшие изменения знакомых предметов.

— А ну-ка, товарищ Ефетов, — обратился Нечаев к размечтавшемуся разведчику, — дайте-ка не анализ вон того фашистского зверя, — и он кивнул в сторону подбитого танка.

Ефетов обошел вокруг машины и хотел уже было заглянуть внутрь ее, но старший сержант остановил его:

— Хватит, товарищ Ефетов. Разведчик должен все мгновенно схватывать. Ну, какого же типа этот танк?

— Похож на «королевского тигра», товарищ старший сержант.

— А что вы скажете о его шкуре?

Разведчик бросил еще один беглый взгляд на корпус танка:

— Окраска камуфлированная. Серьезных повреждений на броне незаметно...

— Так-так! — Старший сержант укоризненно покачал головой. — Серьезных повреждений незаметно, однако хищник сложил все же голову. А что вы скажете, товарищ Казарин? — обратился он к другому разведчику.

Ефрейтор Казарин, высокий спокойный парень, привыкший все делать обстоятельно и не спеша, медленно обошел подбитую машину и доложил степенно:

— На танке есть следы нескольких попаданий снарядов, но нет ни одной пробойны. Наверное, шкура этого «королевского тигра» на редкость прочная. Полагаю, что его таранили наши танкисты. Вот ясные следы вмятин на корпусе. От этого мотор, видимо, вышел из строя.

— Объяснение верное, — согласился Нечаев, — однако наблюдение неполное. Вы ничего больше не заметили?

Казарин молчал. Ему казалось, что он ничего не оставил без внимания, а разведчик Ефетов сказал неуверенно:

— На броне танка бубновый туз нарисован...

— Ну, это пустяки, — возразил Нечаев, — а вот главное-то вам и не бросилось в глаза, хотя мы мимо танка почти каждый день по два раза ходим. На люк его обратите внимание. Вчера еще был он плотно закрыт, а теперь крышка его открыта и лежит слегка на боку, будто одна из петель ее оторвана. А ну, Ефетов, взбирайтесь на танк!

Ловкий маленький Ефетов быстро взобрался на громоздкий корпус танка и потрянул крышку люка:

— Так точно, товарищ старший сержант. Правая петля крышки люка подпилена. Следы подпилки свежие. Вот даже опилки видны. — Он потер что-то между пальцами, понюхал и добавил: — Олифой пахнет. Ножовкой, видно, кто-то орудовал и олифой ее смазывал, чтобы закалка стали не отпускалась от трения... Я ведь слесарем до армии работал, знаю эти вещи.

«Странно, — подумал Нечаев, — кому это могла вдруг понадобиться крышка люка? Подбитые танки начали уже свозить на трофейные склады. Возят их туда целиком. Зачем же нужно было отпиливать крышку?»

Выходило, что интересовался ею кто-то из людей посторонних, и это насторожило Нечаева.

Три буквы

Темой сегодняшних занятий была «техника наблюдения за полем боя». Но, прежде чем расположить свое отделение в специально отрытых окопчиках, с тем чтобы

проверить глаз разведчиков на движущихся макетах, Нечаев обратил их внимание на пустую консервную банку, валявшуюся в зарослях ельника.

— Поднимите-ка эту штуку, — приказал он Ефетову.

Разведчик проворно выполнил его приказание.

— Так-с! — Старший сержант внимательно рассматривал банку. — Что вы можете сказать о ней, товарищ Ефетов? Давно ли она валяется здесь?

Ефетов бросил беглый взгляд на ржавую жечь и уверенно кивнул:

— Давно, товарищ старший сержант. Если даже в сухую погоду заржаветь успела, значит не первый день лежит здесь.

— Так ли? — усомнился Нечаев, хитро прищурясь. — А вы как думаете, Казарин?

Ефрейтор ответил:

— По-моему, банка недолго здесь пролежала. Ржавчина-то лишь наружную часть ее покрыла, а внутри ни одного пятнышка нет. Выходит, что вскрыли ее недавно.

И этот ответ не удовлетворил старшего сержанта.

— А разве не могла вскрытая банка долго пролежать и не заржаветь? — снова спросил он.

— Могла, — согласился Казарин.

— Что же требовалось для этого?

— Нужно, чтобы в ней были жирные мясные консервы.

— Теперь подведем итог, — предложил старший сержант и вопросительно посмотрел на ефрейтора.

— Итог такой будет, — Казарин помедлил. — Либо консервы были мясные — тогда банка могла пролежать тут долго и не заржаветь, либо рыбные, тогда банка лежит здесь недолго, так как рыбные консервы почти все с томатом или соусом, от которых жечь моментально ржавеет. На прованском же масле бывают только шпро-

ты да сардины, а они в разнарядке армейского сухого пайка не числятся.

— Что же гадать — вы понюхайте, — предложил старший сержант.

Казарин взял банку у Ефетова, деловито поднес ее к носу и несколько раз с шумом втянул в себя воздух.

— Определенно рыбные консервы в ней были, — доложил он, — и их не раньше как утром сегодня кто-то опорожнил. Запах совсем еще свежий.

— И это все? — спросил Нечаев, в свою очередь понюхав консервную банку.

— Нет, не все. Консервы в этой банке были не армейские.

— А какие же?

— Гражданские, — убежденно заявил Казарин. — Кильки ведь, как известно, не подходят для сухого армейского пайка, так что определенно лакомился ими не военный человек — не солдат во всяком случае. А офицеру тоже нет нужды закусывать в такую раннюю пору здесь под кустиком.

Нечаев улыбнулся, сказал одобрительно:

— Правильный анализ дали вы этой посудине, товарищ Казарин. Учитесь у него тонко мыслить, Ефетов.

Так умел старший сержант Нечаев случайную консервную банку, спичечный коробок или окурочок папиросы обратить в наглядное пособие и учить на нем своих разведчиков аналитическому мышлению.

Возвращаясь с полигона и проходя мимо подбитого немецкого танка, Нечаев снова остановил свое отделение.

— А ну, товарищ Ефетов, — сказал он, — обследуйте-ка еще раз «труп» этого «королевского тигра». Не нравится мне что-то его подпильная крышка.

Вслед за Ефетовым и сам Нечаев взобрался на танк. Вдвоем они легко подняли крышку и сразу же заметили, что теперь и вторая петля ее была слегка подпильна.

— Так-с, так-с, — пробормотал старший сержант — выходит, что и второй петлей кто-то занялся. Как, по-вашему, Ефетов, с добрыми ли намерениями это делается?

— Трудно сказать, товарищ старший сержант...

— Вовсе не трудно, — перебил его Нечаев. Нагнувшись, он поднял небольшой обломок стальной пластинки и протянул ее Ефетову: — Что это, по-вашему?

— Обломок полотна ножовки! — удивленно воскликнул Ефетов. — В прошлый раз его тут не было. Я ведь с этого места опилки сгребал.

— Вот и получается, — заключил Нечаев, — что первую петлю отпиливал кто-то спокойно, не поломав ножовки, а вторую только начал — сломал ножовку. Выходит, что торопился. Не нравится мне это.

Всю дорогу до части подпиленная крышка люка не выходила у старшего сержанта из головы. Раза два он вынимал из кармана обломок ножовки и внимательно рассматривал его. На ножовке, видимо, было написано название завода, но на обломке остались только три буквы. Их сочетание показалось старшему сержанту необычным.

— Товарищ Казарин, — обратился он к ефрейтору, — вы у нас немецким свободно владеете. Не сообразите ли, что это за слово тут было написано?

И он протянул разведчику обломок полотна ножовки, на котором стояли три буквы — ТНЕ...

Казарин посмотрел на них, наморщил лоб, почесал затылок и наконец ответил:

— Не соображу что-то, потому как слово тут явно не полное. Скорее же всего не немецкое, а английское, и тогда эти буквы могут означать определенный артикль, который в английском языке употребляется перед именами существительными.

Старший сержант задумался. Чутье разведчика под-

сказывало ему, что дело тут нечистое. Уж очень непонятно было, кому и зачем могла понадобиться крышка люка. Однако профессия разведчика приучила Нечаева во всех подозрительных случаях принимать самостоятельные решения, и он, остановив свое отделение на небольшой полянке, распорядился:

— Товарищ Ефетов, возвращайтесь назад и наблюдайте за «королевским тигром». Может быть, придет кто-нибудь за крышкой люка.

Прибыв в часть, Нечаев тотчас же доложил командиру взвода лейтенанту Львову о своих подозрениях и показал обломок ножовки. Лейтенант выслушал его внимательно.

— Поступили вы правильно, — сказал он, — хотя дело-то, может быть, и не такое уж таинственное. Могла ведь эта крышка понадобиться кому-нибудь из танкистов, что стоят неподалеку от нас. Или, может быть, из трофейного склада кто-нибудь заинтересовался ею.

— Но тогда им незачем было делать это украдкой, — заметил Нечаев. — А тут кто-то тайком действует. К тому же эти странные буквы на ножовке.

— Ну, в них, положим, тоже нет ничего удивительного, — усмехнулся лейтенант. — Могут ведь эти три буквы — ТНЕ — войти и в состав русского слова?

— Едва ли, — с сомнением покачал головой Нечаев. — Я что-то не могу придумать такого слова, которое бы подходило по своему смыслу для надписи на полотне ножовки. Все отделение мое над этим голову ломало, а ведь мои комсомольцы-разведчики Казарин и Максимов — лучшие кроссвордисты у нас в роте.

— Ну, тогда вот что, товарищ Нечаев, — решил лейтенант, — я свяжусь с танкистами и наведу справку в трофейном складе, а вы тем временем сходите к Ефетову.

Неудавшаяся засада

Когда Нечаев подошел к подбитому танку, то не заметил возле него Ефетова. Лишь после того, как старший сержант негромко крикнул кукушкой, Ефетов вылез из-за кустов.

Старшему сержанту понравилось, что разведчик замаскировался так ловко, но, прежде чем похвалить его, он приказал:

— Докладывайте о происшествиях, товарищ Ефетов.

— Происшествий, можно сказать, почти не было, так как я, кажется, спугнул этого типа, — смущенно ответил Ефетов.

— То-есть как это — спугнул? — удивился старший сержант.

— Нечаянно спугнул. К танку ведь подойти незамеченным совершенно невозможно. Пришлось сделать большую петлю и зайти со стороны вон тех кустов. А когда я подошел к ним, то вдруг заметил сидящего человека. Увидев меня, он ничуть не смутился, поздоровался и спросил, который час. Потом встал и хотел идти, но я попросил у него закурить, чтобы лучше разглядеть его. Он дал мне папиросу и на мой вопрос, далеко ли путь держит, ответил, что идет в местную МТС. Хотел было я документ у него проверить, да решил, что этим только все дело испортить можно. Он поймет, что его подозревают и насторожится. А ведь его надобно с поличным поймать. Правильно я рассудил, товарищ старший сержант?

— Пока правильно. Рассказывайте дальше.

— Потом, когда он скрылся за деревьями, забрался я на танк и осмотрел крышку люка. Она была все в том же положении. Выходило, что крышку никто не трогал с тех пор, как мы ее в последний раз осматривали. Я решил замаскироваться в кустах и посмотреть, не вернется ли этот человек. Но он больше не появлялся.

Нечаев не сказал ничего, но Ефетов слишком хорошо знал своего командира, чтобы не заметить его досады.

— Я и сам теперь понимаю, что не так нужно было действовать, — сокрушенно вздохнул он.

— Конечно, не так, — недовольно произнес Нечаев. — Не нужно было вам на танк взбираться. Вы бы лучше сделали вид, что уходите, а сами из-за прикрытия повели бы наблюдение. Этот «прохожий» хитрее вас оказался. Он спрятался, повидимому, и наблюдал за вами, а когда вы на танк полезли, сразу же сообразил, чем вы интересуетесь. Теперь, известное дело, — ищи ветра в поле!

Ефетов был самым молодым в отделении разведчиков, и хотя старался он больше всех, военная наука нелегко ему давалась. Он постоянно совершал ошибки и, по убеждению командира взвода, был мало пригоден для специальности разведчика. Только по просьбе Нечаева его до сих пор не отчислили из разведвзвода. Ефетов знал об этом и изо всех сил старался оправдать доверие старшего сержанта, который дал слово командиру взвода сделать из молодого солдата настоящего разведчика.

Теперь Ефетов был настолько подавлен своим промахом, что на вопросы старшего сержанта отвечал не вполне уверенно.

— Какие же, однако, приметы у этого «прохожего»? — спрашивал Нечаев.

— Особых примет не заметил что-то... Роста он высокого, блондин... Лицо обыкновенное, непримечательное. Костюм поношенный, серенький, тоже без особых примет... Да, вот во рту у него нескольких зубов не хватает. Это уже совершенно точно.

Старший сержант отвернулся от расстроенного Ефетова и подошел к танку. Осмотрев его со всех сторон,

взобрался на броню, откинул крышку люка и спустился внутрь. Ефетов между тем сокрушенно вздыхал, поглядывая по сторонам и прислушиваясь к движениям старшего сержанта в танке. Минут через пять Нечаев показался из отверстия люка и окликнул Ефетова.

— Какими папиросами угощал вас этот «беззубый»? — спросил он. — Не «Первомайскими» ли?

— «Первомайскими». Как это вы догадались?

Старший сержант выбрался из люка и спрыгнул на землю.

— Знакома вам вот такая штука? — спросил он, подавая Ефетову окурочек.

Ефетов внимательно посмотрел на мундштук папиросы и воскликнул:

— Точно такой я недавно выбросил. «Первомайская»!

— Какой же вывод из этого следует сделать?

— Ясно, товарищ старший сержант, что подпиливал крышку этот самый «беззубый».

— А может быть, совпадение? Мог же и другой кто-нибудь курить такие папиросы?

— Вряд ли, — усомнился Ефетов.

— А доказать это вы не можете? — упорно допытывался старший сержант.

— Нет, — замаялся Ефетов.

Нечаев укоризненно покачал головой:

— Эх, Ефетов, Ефетов, много еще вам работать над собой придется! Как же вы не сообразите, что если папиросы «Первомайскими» называются, то и выпущены они к Первому мая и, стало быть, в небольшом количестве, так что их теперь ни на одной базе уже не осталось, наверное. У нас в Военторге да и на железнодорожной станции их вообще не продавали. Может ли быть при таких обстоятельствах совпадение?

— Да, здорово вы рассудили! — восхищенно сказал Ефетов. — И, главное, до чего просто! Аж зло меня

на себя берет — как это сам я до всего не додумался! Нет, не получится, видно, из меня настоящего разведчика...

Нечаев посмотрел на опечаленного Ефетова, и ему стало жаль парня:

— А вы не сокрушайтесь так, Ефетов. Мне ведь эта наука тоже не сразу далась.

— Что же делать-то теперь будем?

— В полк пойдем. Караулить этого «королевского тигра» теперь, пожалуй, бесполезно. Вряд ли сегодня придет к нему кто-нибудь.

Всю дорогу старший сержант поучал молодого разведчика, рассказывая ему боевые эпизоды из своей богатой происшествиями фронтовой жизни. Слушая Нечаева, Ефетов заметил:

— Хорошую вы школу прошли, товарищ старший сержант, только вам ведь теперь все это ни к чему.

— То-есть как это — ни к чему? — удивился Нечаев.

— Вы же демобилизуетесь скоро.

— Ну так что же из этого? Разве только на войне да на военной службе глаз разведчика нужен? Нет, Ефетов, не по-комсомольски вы рассуждаете. Советскому человеку в любой профессии острый глаз требуется. На гражданской службе, как вы знаете, работал я приемщиком на заводе. И вот, как вы думаете, Ефетов, сможет ли проскользнуть теперь мимо меня деталь с изъяном? — улыбаясь, закончил Нечаев.

— Ну что вы, товарищ старший сержант! — воскликнул Ефетов. — Совсем немыслимое это дело!

Прошли еще немного. Вдруг Нечаев остановился.

— Товарищ Ефетов, — сказал он, — теперь осторожно возвращайтесь назад к танку, замаскируйтесь там в кустах и наблюдайте. Имейте все время в поле зрения крышку люка. Ведь я вас увел, чтобы успокоить «беззубого», который, может быть, следил за вами.

— Слушаюсь, — ответил Ефетов.

Когда Нечаев пришел в свою часть, дежурный приказал ему срочно явиться к командиру роты.

Шифровка штаба дивизии

Командир роты капитан Карпов был в канцелярии, когда к нему явился Нечаев. Он тотчас же принял старшего сержанта.

— Расскажите мне, товарищ Нечаев, возможно обстоятельнее о подбитом «королевском тигре».

Докладывая Карпову мельчайшие подробности странного посягательства на крышку танкового люка, старший сержант посматривал на обломок полотна ножовки, лежавший на столе. Заметив пристальный взгляд Нечаева, капитан спросил:

— Узнаете эту штуку?

— Так точно, товарищ капитан.

— Подобранный вами осколок ножовки оказался весьма любопытным, — заметил Карпов. — Он не от русской и не от немецкой ножовки. Это, бесспорно, английское или американское изделие. Инженер-майор Тюльпанов уверяет, что такой ножовкой можно пилить даже очень твердую сталь. Он говорит, что она называется «THE JAW CUTTING», что означает по-английски: «режущая (или секущая) челюсть».

В это время раздался телефонный звонок. Капитан снял трубку.

Разговор был короткий.

— Меня вызывает майор Вольский, но вы еще понадобитесь мне. Не отлучайтесь никуда из канцелярии, — приказал Карпов разведчику.

Нечаев сел за стол и принялся перелистывать свежий номер «Красноармейца».

— Фотографию-то свою в окружной газете видали? — спросил его ротный писарь.

— Какую фотографию? — не понял Нечаев.

— Ну, вы таким героем на фотографии получились, — улыбнулся писарь. — А под снимком подпись: «Комсомолец, отличник боевой учебы». Вот я вам сейчас газету покажу.

Однако Нечаеву так и не удалось посмотреть на собственный портрет. Снова раздался звонок. Писарь подошел к телефону и передал трубку Нечаеву.

— Товарищ Нечаев, — услышал старший сержант голос капитана, — немедленно явитесь в штаб батальона.

— Слушаюсь! — ответил Нечаев и поспешно вышел из ротной канцелярии.

На крыльце штаба ждал его дежурный офицер.

— Нечаев? — спросил он

— Так точно.

— Срочно к майору.

Майор Вольский, пожилой мужчина с коротко подстриженными волосами и глубоким шрамом на щеке, повернулся в сторону вошедшего.

— Здравствуйте, товарищ Нечаев, — приветливо сказал он и подал сержанту руку. — Поздравляю вас с высоким званием отличника боевой учебы. Портрет свой в окружной газете видели? Вот полюбуйтесь. — С этими словами он протянул Нечаеву газету и уже официальным тоном добавил: — Ну-с, а теперь к делу. Номер подбитого немецкого танка запомнили?

— Так точно, товарищ майор, — сто пятнадцать дробь ноль четыре.

— И бубновый туз?

— Так точно, товарищ майор, бубновый туз.

— Так-с, — удовлетворенно произнес майор, — это как раз то, что нам нужно. Возьмите, товарищ Нечаев, кого-нибудь из своих разведчиков и немедленно поставь-

те возле танка охрану. Вечером, при смене караулов, я прикажу установить там постоянный пост.

— Я уже поставил секретное наблюдение возле этого танка, товарищ майор, — доложил старший сержант.

— Правильно поступили, — одобрил майор действия Нечаева. — Снимите теперь этот секрет и установите официальный пост.

— С чего это такой интерес проявляют в дивизии к подбитому немецкому танку? — спросил Вольского капитан Карпов, когда Нечаев ушел выполнять приказание.

— Сам удивляюсь, — недоуменно пожал плечами майор Вольский. — Шифровка штаба дивизии очень лаконична. В ней только предписывается немедленно поставить охрану возле подбитого танка, похожего по типу на «королевского тигра», с номером сто пятнадцать дробь ноль четыре и бубновым тузом. Будем ждать разъяснений.

Крышка люка исчезла

Нечаев взял с собой ефрейтора Казарина и поспешил к подбитому танку.

«Все ли там в порядке у Ефетова?» — тревожно думал Нечаев, поняв после разговора с майором, что подбитый немецкий танк представляет какой-то особый интерес.

Только выбравшись на опушку леса и заметив откинутую, слегка покосившуюся крышку люка, возвышавшуюся над корпусом танка, Нечаев облегченно вздохнул и подал условный сигнал Ефетову.

Ефетов тотчас же выбрался из кустарника и доложил:

— Все в порядке, товарищ старший сержант. Крышка на месте. Я на этот раз умнее был. Спрятался в кустах

подальше от танка, но крышку верхнего люка все время на прицеле держал.

— Теперь нет нужды прятаться, — заметил Нечаев. — Официальный караул возле танка устанавливаем. Идите, товарищ Казарин, примите от Ефетова пост.

Ефрейтор не спеша обошел вокруг танка, присматриваясь ко всему. Затем взобрался на него и через люк спустился внутрь машины, но почти тотчас же выскочил назад, встревоженно воскликнув:

— Крышка нижнего лаза исчезла, товарищ старший сержант! Точно помню — была на месте, когда я в первый раз машину осматривал.

Нечаев торопливо вскочил на танк и бросился к отверстию люка — крышка нижнего лаза в самом деле исчезла.

— Опять, значит, я прошляпил! — сокрушенно прошептал Ефетов. — А ведь глаз не сводил с танка... Позицию, видно, неверную выбрал. За верхней крышкой только наблюдал, а весь корпус танка был от меня кустами скрыт. Что же делать-то теперь будем?.. — закончил он совсем жалобным голосом.

— Это что еще за причитания? — вспылил Нечаев. — Действовать нужно, а не причитать!

Он сначала тоже несколько растерялся, но теперь взял себя в руки. Это ободряюще подействовало на Ефетова и Казарина.

— Как по-вашему, товарищ Казарин, — спросил Нечаев, — почему этот тип не сразу взял крышку нижнего люка, а пытался сначала верхнюю подпилить?

— Думается мне, что у него гаечного ключа не было, — ответил Казарин, — а нижняя-то крышка на болтах. Потому он и решил верхнюю ножовкой отпилить, а когда ножовка сломалась, поневоле пришлось идти за ключом в МТС.

— А почему он сразу не сходил за ключом? — спро-

сил Ефетов. — Ведь нижняя-то крышка гораздо легче и удобнее.

— Это понятно, почему он сразу за ключом не пошел, — ответил Казарин: — не хотел, наверно, рисковать без крайней нужды. А вес верхней крышки вряд ли мог его смутить. Не обязательно ведь было тащить ему эту крышку на себе. Он мог спрятать ее где-нибудь в кустах, а потом ночью незаметно увезти. Но когда у него сложмалась ножовка и когда, видимо, заметил он, что и мы на верхнюю крышку обратили внимание, ему пришлось торопиться и поневоле идти на риск.

— Я тоже так думаю, — сказал Нечаев. — Однако хотя нижняя крышка и не такая тяжелая, как верхняя, но и ее на себе далеко не унесешь. Проверьте-ка ближайшие кусты, товарищ Ефетов, может быть, она спрятана где-нибудь. А вы, товарищ Казарин, присмотритесь, нет ли где поблизости свежих следов лошади или какой-нибудь тележки. Хотя, мне кажется, что он днем не осмелится на лошади сюда приехать.

Разведчики бросились выполнять приказание старшего сержанта, а Нечаев, взобравшись на танк, осмотрелся по сторонам.

«Удивительная вещь, — уже в который раз подумал он, — кому могла эта крышка понадобиться? Будь бы какая-нибудь деталь орудия или пулемета, а то крышка люка... Чудеса!»

Он прошелся по широкому, длинному хоботу орудия и даже плюнул с досады. Сверху ему видно было, как шевелились кусты, из которых то там, то здесь появлялся вдруг штык винтовки Ефетова.

Поиски длились минут десять. Старшему сержанту стало ясно, что найти ничего не удастся. Нужно было что-то срочно предпринять. Подумав, Нечаев пришел к выводу, что неизвестный был здесь совсем недавно: путь в МТС и обратно занимал немало времени. С тяжелой

ношей этому субъекту далеко не уйти. Если не терять времени на бесполезные поиски, можно еще настичь его. Но куда он направился? Вряд ли решил пойти в поселок... Тогда на железнодорожную станцию, может быть?..

Из кустов вышел Ефетов, держа в руках скомканную страницу какой-то газеты.

— Вот, — сказал он, протягивая старшему сержанту газету. — Нашел это в кустах, на том месте, где заметил того типа, который крышку отпиливал. Полагаю, что это его газета.

— Полагаете только или можете доказать? — с сомнением спросил Нечаев.

— Могу и доказать.

— Ого! — невольно улыбнулся старший сержант. — Выкладывайте, в таком случае, ваши соображения.

Ефетов расправил скомканную газетную страницу, понюхал ее и уверенно заявил:

— Кильками пахнет.

— Ну, так что же из этого? — удивился Нечаев.

— А баночку из-под килек, которую мы утром в кустах неподалеку отсюда обнаружили, помните? — спросил Ефетов.

— Мысль толковая, — одобрил догадку Ефетова Казарин.

— Ну, хорошо, — согласился Нечаев, — допустим, что в самом деле вытирал руки этой газетой именно тот самый человек, который ел здесь консервы. Однакож разве следует из этого, что именно он украл крышку люка?

— По-моему, следует, — ответил Ефетов, — вот только объяснить я этого не могу.

— Разрешите мне, товарищ старший сержант, — попросил Казарин.

— Пожалуйста.

— Мы ведь в прошлый раз решили, что кильки не мог здесь есть военный человек, гражданские же лица, как вы знаете, очень редко тут бывают, особенно в такую раннюю пору. Значит, если допустить, что независимо друг от друга были здесь почти одновременно два гражданских лица — человек, евший кильки, и другой, отпиливший крышку люка, то это будет слишком уж невероятным совпадением. К тому же, зачем вообще второму человеку приходить сюда? Разве только кильки под кустом покушать? Жилья ведь близко нигде нет, даже дорог никаких тут не пролегает — делать, стало быть, в этом месте ему нечего.

— А не кажется ли вам странным, — спросил Нечаев, — что ел он именно кильки? Это ведь не те консервы, которыми голод утоляют.

— Нет, мне это не кажется странным, — ответил ефрейтор Казарин. — Человек этот, видимо, не имел, что покушать (ему не до того было) и рассчитывал, наверно, купить что-нибудь на вокзале. А там вчера, кроме килек, ничего не было. Я это хорошо знаю, так как сам был в буфете.

— По всему, значит, получается, — воскликнул Ефетов, — что человек этот приезжий! Газета-то, которой он руки вытирал, в Калининграде печаталась.

— А мы разве не получаем калининградских газет?

— Получать-то получаем, да только они к нам вечером на следующий день с почтовым поездом приходят, а эта утром сюда попала, хотя стоит на ней вчерашнее число. Вот и выходит, что привез ее кто-то утренним или ночным поездом. В общем, я этого типа на станции стал бы искать.

— А вы что скажете, товарищ Казарин? — обратился Нечаев к ефрейтору.

— Прав, пожалуй, Ефетов, — ответил Казарин. — У меня тоже такая догадка имеется, так как я обнару-

жил глубокие следы, идущие от танка в сторону железнодорожной станции. Земля тут влажная: следы хорошо видны. А глубокие они потому, что человек, который их оставил, видимо, тяжесть какую-то нес.

Нечаев задумался. Доводы, приведенные его разведчиками, казались ему разумными. Он и сам почти не сомневался теперь, что человек, евший консервы и укравший крышку люка, был одним и тем же лицом. А то, что он прибыл из Калининграда и туда же, видимо, уедет, тоже представлялось ему вполне вероятным.

Прикинув все это в уме, Нечаев решил действовать на свой страх и риск. Спрыгнув с танка, он заявил разведчикам:

— Слушайте меня внимательно. Решение мое такое: ефрейтор Казарин остается возле танка на посту, рядовой Ефетов следует в часть и докладывает обо всем командиру роты. Я направляюсь на железнодорожную станцию. Этот тип в самом деле попытается, пожалуй, перебросить куда-нибудь крышку танка товарным порожняком. До станции отсюда недалеко, может быть я еще настигну его.

Одно только смущало Нечаева: ни он, ни его разведчики не имели пистолетов, а винтовку свою старший сержант передал Ефетову — действовать с нею в такой обстановке было неудобно, да и в глаза слишком уж она бросалась.

Отдав все необходимые распоряжения, Нечаев торопливо пошел по хорошо заметному на мягкой земле следу. Однако метров через триста земля стала тверже, отпечатки подошв на ней не были уже так четки, как раньше, а вскоре и вовсе пропали. Напрасно смотрел старший сержант под ноги и по сторонам в надежде обнаружить пропавший след. Пришлось идти дальше наугад.

Когда показались дома железнодорожного поселка и вокзальное здание, Нечаев ускорил шаг. Местная станция была небольшая, но на ней из-за загруженности соседней, узловой станции часто стояли товарные составы, среди которых было много порожняка. Сесть незамеченным на один из таких составов не представляло никакого труда. Нечаев не сомневался поэтому, что «беззубый», как мысленно называл он похитителя крышки люка, непременно так и поступит.

На железнодорожной станции

С тревожно бьющимся сердцем пришел старший сержант на станцию. На этот раз на ней стояло всего два поезда, и оба — товарные порожняки. Один из них направлялся в сторону Каунаса, другой — в Калининград.

Нечаев осмотрелся. Длинные, из пятидесятитонных вагонов и платформ, составы невозможно было охватить одним взглядом. Старший сержант быстро пошел вдоль первого, направляющегося в Каунас.

Большинство вагонов было с закрытыми дверями. Нечаев, не задерживаясь возле них, шел все дальше.

Первые две платформы были совершенно пусты. На третьей сидело несколько солдат. Потом опять пошли крытые вагоны, саморазгружающиеся хопперы и гондолы, цистерны и ледники.

Обойдя хвостовой вагон с тормозной площадкой и сигнальными знаками, старший сержант перешел через несколько путей, направляясь к калининградскому поезду. Уже когда он начал обходить новый состав, ему показалось, что в одном из вагонов каунасского поезда кто-то торопливо задвинул дверь.

Нечаев не мог бросить осмотр состава и вернуться к каунасскому эшелону: калининградский поезд, по всем

признакам, вот-вот должен был тронуться. К тому же Нечаев считал, что похититель крышки люка вероятнее всего находился именно в калининградском эшелоне. Следовало торопиться с осмотром его состава.

На платформах и площадках калининградского поезда народу было гораздо больше, чем на каунасском. Приходилось подолгу останавливаться возле каждой платформы и присматриваться к людям. На одной из них ехали два моряка с баянами. Они весело крикнули Нечаеву:

— Садись, братишка, подвезем!

Осматривая состав, старший сержант напряженно думал, как бы он поступил на месте «беззубого». Пожалуй, тот, кого он ищет, не сядет на платформу, на которой уже находятся другие люди. Ведь тогда пришлось бы объяснять, зачем он везет крышку танкового люка...

А паровоз калининградского эшелона между тем опробовал тормоза, дал протяжный гудок, осадил слегка состав и медленно двинулся вперед.

Нужно было быстро принимать решение: либо прыгать на одну из площадок, либо возвратиться к каунасскому составу.

Пока Нечаев раздумывал, перед ним медленно поплыл саморазгружающийся вагон-хоппер с огромной воронкой кузова. Под одним из откосов этой воронки, возле лестницы, ведущей наверх, ссутулившись, сидел плотный мужчина с рыжеватыми волосами.

Человек этот показался Нечаеву подозрительным. Он будто прятался от кого-то. И хотя выдавший виды костюм его был скорее бесцветным, чем серым, старший сержант решительно схватился за железные перекладины лестницы и прыгнул на небольшую площадку под откосом кузова.

Первая встреча

— Здравствуйте, — к удивлению Нечаева, приветливо улыбнулся ему человек в выцветшем костюме. — Далеко путь держите?

— В Калининград, — коротко ответил старший сержант.

— Вот и хорошо, попутчиками, значит, будем. Давайте познакомимся. Моя фамилия Дергачев, механик калининградской автобазы.

— А моя фамилия Нечаев, — отозвался старший сержант, удивляясь разговорчивости Дергачева. — Краткосрочный отпуск получил, к дяде в Калининград на выходной день отпросился.

— А я брата ездил навестить. На станции он тут работает, в железнодорожной мастерской, — объяснил Дергачев, добродушно улыбаясь и уступая Нечаеву место рядом с собой.

Старший сержант стал незаметно осматриваться. Крышки люка не было видно; впрочем, ее легко спрятать в лажах под бункером хоппера. Зубы соседа Нечаеву тоже никак не удавалось рассмотреть, так как тот сидел к нему вполоборота.

Ритмично постукивая на стыках рельсов, поезд быстро набирал скорость. По сторонам мелькали телеграфные столбы, линуя голубое небо тонкими штрихами проводов. Тянулись вдоль железнодорожного пути типичные в этих краях аллеи лиственных деревьев. Медленно разворачивалась перед глазами холмистая равнина, мелькали утопающие в фруктовых садах поселки и хутора.

— Не хуже курьерского мчимся, — усмехнулся Дергачев.

«Какие же у него зубы все-таки?..» — напряженно думал Нечаев, начиная сомневаться, правильно ли он по-

ступил, сев на этот поезд. Нужно было предпринять что-нибудь, чтобы узнать, с кем он имеет дело.

— Я, по-моему, встречался с вами где-то, — неожиданно заявил старший сержант. — И совсем недавно к тому же.

— Ну, что вы, товарищ Нечаев! Вряд ли мы где-нибудь могли встретиться. Разве случайно на вашей станции. Я ведь, как крот, вечно сижу на своей базе и даже по Калининграду редко прогуливаюсь.

Дергачев повернулся к Нечаеву и, широко улыбнувшись, обнажил свои крупные, крепкие зубы. Все они были в превосходной сохранности. Это открытие сильно разочаровало старшего сержанта.

Между тем солнце садилось. Оно почти совсем скрылось за горизонтом. Лишь небольшая часть раскаленного диска, будто зацепившись за колючие гребни далекого леса, озаряла медленно плывущие перистые облака.

— Обратите внимание, каков закат! — прервал Дергачев размышления Нечаева. — Говорят, что перистые да кучевые облака — к хорошей погоде. Сегодняшний-то день отменным был.

Дергачев говорил беспечно. Казалось, он любил поболтать о пустяках и, пожалуй, был рад неожиданному попутчику. Вид у него был самый безобидный.

— Нет ли у вас закурить? — спросил Нечаев Дергачева. — Не успел купить папирос на станции.

— Пожалуйста, угощайтесь, — радушно предложил Дергачев, доставая из кармана пачку папирос. — Я курю преимущественно «Беломор».

Нечаев взял папиросу. Видимо, он ошибся, приняв Дергачева за «прохожего», угостившего Ефетова «Первомайскими» папиросами.

«Нужно будет на первой же станции пересесть на встречный поезд, — решил Нечаев. — Может быть, успею

вернуться на нашу станцию до отхода каунасского поезда. Товарный порожняк подолгу иногда стоит».

Поезд шел теперь под уклон по крутой высокой насыпи. Густые клубы пара, смешанного с дымом, стлались по откосу, цепляясь за кроны деревьев, оседая в курчавом кустарнике.

Встречный ветер рвал с головы Нечаева пилотку. Без шинели становилось прохладно. Дергачев, поеживаясь, застегнулся на все пуговицы, поднял воротник пиджака.

— А не забраться ли нам в бункер хоппера? — предложил он старшему сержанту. — Там от ветра можно будет укрыться, а то свежо становится.

— Ну что ж, это можно, — согласился Нечаев и, поднявшись на ноги, хотел было взяться за лесенку, ведущую вверх хоппера.

Но в это время Дергачев быстро вскочил и ударил старшего сержанта в подбородок.

Нечаев пошатнулся, стараясь сохранить равновесие, судорожно ухватился левой рукой за перекладину лестницы. Но Дергачев не дал ему прийти в себя. Ударом ноги он оторвал руку старшего сержанта от лестницы и нанес ему сильный удар в челюсть. Взмахнув руками, разведчик полетел под крутой откос насыпи.

В тени посадок

Нечаев не решился шевельнуть ни рукой, ни ногой. Ему казалось, что все кости его переломаны. В голове стоял страшный шум, в глазах рябило. Старший сержант не сразу даже сообразил, где он, как попал сюда и что делал до этого. Но забытие длилось лишь мгновение, а затем все отчетливо всплыло в памяти.

С трудом поднял Нечаев голову, посмотрел вверх, на

насыпь железнодорожного полотна. На фоне вечернего неба он увидел быстро уменьшающиеся огоньки последнего вагона поезда.

Нечаев лежал под кустами на толстом слое свеженакошенного сена. Приподняв правую руку, он попробовал согнуть ее. Она ныла, но свободно сгибалась в локте. Зато левая рука казалась совсем безжизненной. Особенно сильная боль ощущалась в плече.

Опираясь правой рукой о землю, старший сержант попробовал приподняться. Не без труда удалось ему сесть, и он стал ощупывать ноги. Брюки были порваны и выпачканы кровью. Кровь сочилась из неглубокой раны на колене.

Заметив неподалеку грабли, Нечаев оперся на них и, преодолевая сильную боль во всем теле, встал на ноги. Километрах в двух с половиной — трех увидел он рошу и несколько домиков какого-то хутора.

«Добраться бы до них... — невольно мелькнула мысль, но другая, более властная, перебила ее: — А как же с Дергачевым? Теперь ведь нет сомнения, что это он украл крышку люка...»

Стало вдруг до боли обидно, что он не разгадал вовремя этого бандита. Все бы тогда по-другому повернулось... Но что же делать?..

Дергачев теперь далеко, уже к соседней станции подъезжает... Хотя нет! Вряд ли он решится ехать до станции. Ведь из эшелона могли увидеть, как он сбросил с поезда человека, и тогда бандиту не сдобровать. К тому же на соседней станции стоит батальон железнодорожных войск, и там очень строгий контроль. Дергачев знает, конечно, что незаметно с крышкой танкового люка ему там никак не проскочить.

«Нет, — напряженно думал старший сержант, — если уж этот мерзавец решил сбросить меня с поезда, значит он собирался предпринять что-то и я ему, видимо,

мешал. Да ведь он, пожалуй, мог просто спрыгнуть с поезда, сбросив предварительно крышку люка! Тут, кстати, совсем недалеко, километрах в двух, должен начаться крутой подъем, на котором поезда всегда замедляют ход. Я хорошо знаю это место. Конечно, он задумал спрыгнуть на этом подъеме и избавился от меня, чтобы я не помешал ему...»

Старший сержант попробовал пройтись немного. Это удалось ему, хотя ноги сильно болели, а левой рукой нельзя было шевельнуть. Что же делать, однако? Добираться до хутора, где перевяжут руку и окажут помощь, или, не теряя времени, попытаться настичь Дергачева?

Не раздумывая долго, Нечаев решил сделать последнее, хотя понимал, что если он и догонит Дергачева, ему нелегко будет справиться с рослым и, видимо, вооруженным противником.

Сделав из рукоятки грабеля нечто вроде посоха, сержант медленно двинулся вперед. Сильно болели ноги, особенно раненое колено. Ныло все тело. Не прекращалось и головокружение.

«Ничего, — ободрял себя Нечаев, — надо только «разойтись» — и все обойдется...»

После первого километра старший сержант решил, что благоразумнее будет идти не по открытому месту, а ельником, посаженным вдоль железнодорожного пути для защиты его от снежных заносов. Сумерки все более сгущались. Нельзя было терять ни минуты времени. Но ночная тьма не успела еще сгуститься, как на небе появилась луна.

Даже в посадках ельника стало светлее.

Было тихо. Где-то крикнул филин. Из-под елочки выскочил заяц и понесся в сторону леса.

Вдруг тонкий слух разведчика уловил глухой звук. Вот еще...

Нечаев пошел медленнее, боясь задеть неосторожно сухой сучок, и наконец, раздвинув ветви, увидел человека, зарывавшего что-то в землю.

Смелый ход

«Что делать? — мучительно думал Нечаев. — броситься на него — безрассудно». Каждое движение левой рукой вызывало резкую боль. К тому же Нечаев сильно устал за дорогу и не смог бы выстоять против рослого Дергачева.

«Есть ли у него оружие? — лихорадочно думал старший сержант. — Что это у него в руке? Нож, кажется... Нет, сук. Он им яму закапывает».

Лунный свет хорошо освещал плотную фигуру Дергачева. Заметно было, что он очень торопится. Пиджак его висел неподалеку на сучке. Дергачеву, видно, стало жарко от поспешной работы, и он его снял, чтобы быть свободнее в движениях.

Старший сержант внимательно присматривался к врагу. Намокшая от пота рубашка прилипла к хорошо развитому, мускулистому телу. Брюки, явно узковатые, плотно облегали сильные ноги. Незаметно, чтобы в карманах брюк лежало что-нибудь громоздкое. Во всяком случае, пистолета в них не было — его очертания не ускользнули бы от внимания Нечаева. Если Дергачев и имел оружие, то оно могло находиться только в пиджаке.

Что ж делать? Кинуться к пиджаку Дергачева и выхватить из его кармана пистолет? А если пистолета в пиджаке не окажется? Тогда враг сразу догадается, что у старшего сержанта нет оружия. Он, не задумываясь, бросится на Нечаева и без особого труда справится с ним. Разве сможет старший сержант долго сопротивляться, владея только одной рукой?

А может быть, дать Дергачеву уйти? Крышку-то люка он не унесет с собой, она останется здесь, зарытая в земле. Позже Дергачев, наверное, вернется за крышкой, раз уж он похищал ее с таким риском.

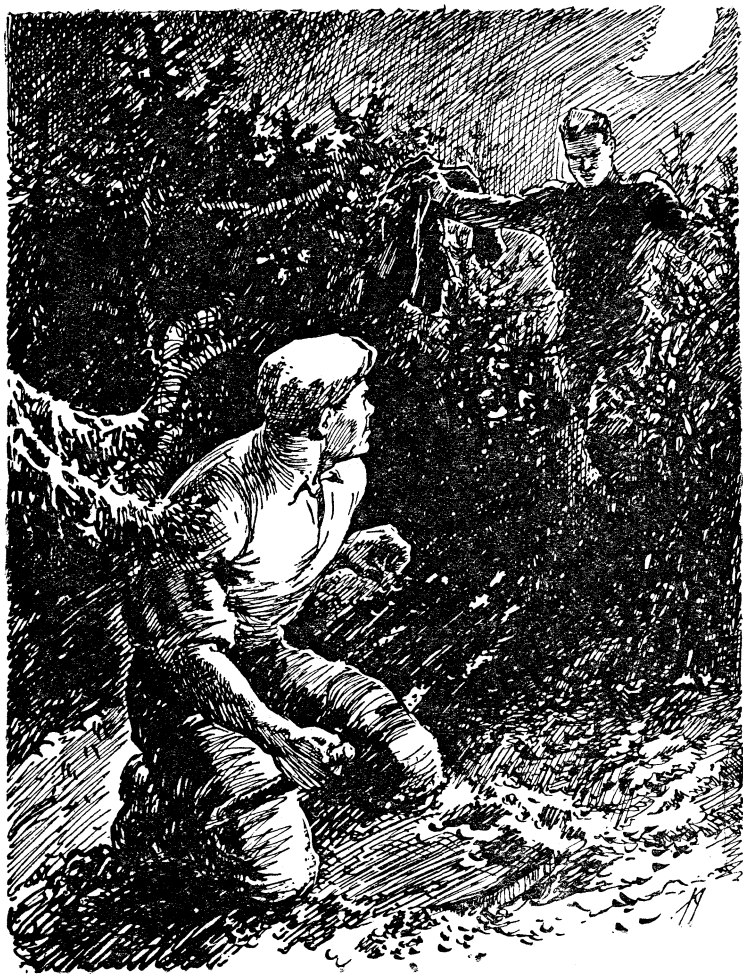
Ну, а если он не вернется? Если Дергачеву помешают или он заподозрит засаду? Тогда выйдет, что комсомолец-разведчик Нечаев упустил этого бандита. А ведь тут не простая кража. Кому могла понадобиться крышка люка, добывать которую нужно с таким трудом и скрывать с такими предосторожностями? Ведь на недавних полях сражений еще сколько угодно подбитых немецких «пантер», «тигров», «фердинандов» и даже «королевских тигров». Нет, здесь, видно, была не простая кража, а нечто посерьезнее. Нечаев должен выяснить, в чем тут дело, и во что бы то ни стало задержать этого человека.

«У меня нет оружия, — думал старший сержант, — но я первый внезапно нападу на Дергачева, и в этом будет мое преимущество. Что же еще привлечь на свою сторону, что еще использовать в борьбе с врагом? Свет луны... — мелькнула вдруг мысль. — Если выйти из кустов так, что луна будет светить сзади, значит лицо, грудь, руки будут в тени. Дергачеву не удастся сообразить сразу, есть ли в руках у меня оружие. К тому же Дергачев стоит спиной ко мне, и если обернется, луна будет светить ему в глаза».

Раздвинув кусты, Нечаев выпрямился и решительно шагнул в сторону Дергачева, схватив здоровой рукой его пиджак.

— Кончайте работу и не шевелитесь, Дергачев! — внушительно произнес старший сержант. — Руки назад — и ни одного лишнего движения!

Неожиданное появление Нечаева подействовало на врага ошеломляюще. Сбросив разведчика с крутой, высокой насыпи, Дергачев, видимо, не рассчитывал встретить его живым.

— Руки назад! — снова крикнул Нечаев.

Дергачев медленно заложил руки за спину.

— На шоссе! Дорогу шагом марш! — командовал старший сержант.

Шоссе была недалеко. Только бы добратся теперь до нее, а там Нечаев остановит какую-нибудь машину и попросит оказать содействие.

А Дергачев все еще медлил, не трогаясь с места.

— Ну! — грозно крикнул старший сержант.

Дергачев, спутываясь, медленно двинулся в сторону шоссе. Последовав за ним, Нечаев торопливо нащупал в кармане пиджака, снятого с куста, твердый предмет. Это был пистолет системы «Вальтер». Едва разведчик извлек его, как Дергачев кинулся ему под ноги и чуть не опрокинул в канаву.

— Бросьте эти штучки! — строго сказал старший сержант, отпрыгивая в сторону. — Еще один такой трюк — и я вынужден буду применить оружие.

Щелчок взведенного курка подействовал на Дергачева отрезвляюще. Он поднялся на ноги и медленно зашагал по шоссе. Нечаев шел теперь на некотором расстоянии от него, напряженно следя за каждым движением врага.

Вскоре Нечаев увидел свет машины, мчавшейся им навстречу. Старший сержант поднял руку — и машина остановилась.

Из кабины вышел лейтенант. Нечаев коротко объяснил ему, что задержал подозрительного человека, и попросил помочь доставить его в часть майора Вольского.

Секрет «королевского тигра»

На следующий день Дергачева ввели в кабинет полковника Есаулова. Полковник пристально посмотрел на арестованного и спокойно произнес:

— Так вы, значит, стоите на своем и уверяете, что фамилия ваша Дергачев и работаете вы будто бы на калининградской автобазе?

— Вы же проверяли мои документы, — дерзко ответил Дергачев. — Они у меня все в порядке. В Калининград вы тоже, наверное, звонили, и там вам, конечно, ответили, что я в самом деле работаю на автобазе и числюсь там не на последнем счету.

— Да, действительно, на автобазе работает механик Дергачев, поразительно на вас похожий, — спокойно ответил полковник. — Только у того Дергачева не хватает четырех зубов в верхней челюсти. Если же у вас настоящие зубы, а не протезы, мне нелегко будет поверить, что вы тот именно Дергачев, за которого себя выдаете.

При этих словах Дергачев слегка побледнел, но более ничем не выдал своего волнения.

— Шевелитесь же! — строго заметил полковник. — Вынимайте свои протезы.

Дергачев нехотя вытащил зубные протезы и хотел было спрятать их в карман, но полковник остановил его:

— Дайте-ка мне взглянуть на них.

Забрав протезы, он отошел с ними к окну и удовлетворенно заметил:

— Ну да, я так и полагал. В искусственных зубах ваших запрятаны либо инструкции вашего начальства, либо ваши же донесения начальству. В этом, однако, мы разберемся попозже, а вам, Людвиг Штарке, я полагаю, нечего больше притворяться. Кстати, привет вам от Фридриха Поггендорфа.

Дергачев-Штарке угрюмо молчал.

— Да-с, — все так же неторопливо продолжал полковник. — Поггендорфу не повезло на пиковом тузе. Он даже признался мне, что всегда считал пиковую

масть роковой. Вам, впрочем, не повезло и на бубновой масти.

Помолчав, он добавил:

— Вы что же, задание от майора Шеффера получили или от самого Гудериана? Танки — это ведь по его специальности.

Штарке, стиснув зубы, продолжал молчать.

— Напрасно так упорствуете, Штарке, — нахмурился полковник. — Ваш приятель и коллега по немецкой разведывательной организации «Абвер» Фридрих Поггендорф, попавшийся на «королевском тигре» номер сто пятнадцать дробь ноль три пиковой масти, дал о вас исчерпывающую информацию.

Полковник не спеша закурил и добавил, усмехнувшись:

— Нам известно, что вы не очень-то щепетильны и недолго ходили безработным. Не задумываясь сменили вы немецкого фюрера на американского босса. Ведь теперь общеизвестно, что американские оккупационные власти создали в городе Оллендорфе немецкий разведывательный штаб во главе с бывшим генерал-полковником Гудерианом. Многие ваши коллеги из «Абвер» нашли себе у него приют. Поггендорф уверяет, правда, что американцы скуповаты насчет гонорара и дают свои доллары только за успешную работу... Перейдем, однако, к делу. Вы что же, очной ставки желаете с Поггендорфом или вызовете все и без этой процедуры?

— Дайте закурить, — хрипло произнес наконец Штарке.

Полковник протянул ему коробку папирос. Штарке закурил и сказал сдавленным голосом:

— Спрашивайте.

— Что вам известно о «королевском тигре» сто пятнадцать дробь ноль четыре бубновой масти?

— Танки, похожие по типу на «королевского тигра»,

под дробными номерами: ноль один, ноль два, ноль три и ноль четыре с четырьмя тузами — трефовым, пиковым, бубновым и червонным, — были пробными экземплярами и по внешнему виду своему мало чем отличались от обычных танков этого типа, созданного немцами к концу войны. Секрет же их состоял в том, что они были сделаны из сверхпрочной стали, полученной профессором Иоганном Шлоссером. После первой же выплавки этой стали на металлургический завод и находившуюся при нем лабораторию Шлоссера произвели ожесточенный налет советские самолеты, и все полетело к чорту. Секрет этой стали погиб вместе с профессором Шлоссером и его лабораторией, а опытные экземпляры четырех мастей пропали где-то на полях Восточной Пруссии во время разгрома третьей немецкой танковой армии под Кенигсбергом в апреле 1945 года. — Штарке глубоко затянулся папиросным дымом. — После нашего поражения нам было не до секретов этой стали. Но вот американские разведчики из Си-Ай-Си раскопали в каких-то секретных документах немецкого генерального штаба сведения об этих четырех опытных экземплярах и дали задание агентам Гудериана раздобыть образцы их брони. Вот и все. Будут еще вопросы?

— А зачем же понадобилось вам таскать громоздкую крышку люка? — спросил полковник. — Неужели не было чего-нибудь полегче?

— Более легкую деталь брони отпилить ножовкой не было возможности. Сталь этих «королевских тигров» чертовски крепкая. Я, впрочем, рассчитывал потом, в укромном месте, отпилить от этой крышки кусочек полегче. Зная, что за мной начали следить, я ведь очень спешил.

Полковник приказал увести Штарке из кабинета. Затем он снял телефонную трубку и вызвал штаб майора Вольского.

— Здравствуйте, товарищ Вольский, — приветствовал он майора. — Как здоровье старшего сержанта Неёнова? Крупного зверя помог он нам изловить. Очень приятно сознавать, товарищ Вольский, что воспитали мы в наших людях такое острое чувство бдительности. Нужно только, чтобы теперь, когда иностранные разведки особенно рьяно засылают к нам своих агентов, чувство это было еще более острым.

СОДЕРЖАНИЕ

На прифронтовой станции	5
Что происходит в тишине	148
Взрыв произойдет сегодня	221
Секрет «королевского тигра»	283

ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва 47, ул. Горького, 43, Дом
детской книги.*

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор М. Брусиловская.

Художественный редактор Н. Яцкевич.

Технический редактор Т. Добровольнова.

Корректоры

Е. Кайрукштис и Р. Мишелевич.

Сдано в набор 5/II 1952 г. Подписано к
печати 5/VIII 1952 г. Формат $70 \times 108 \frac{1}{2}$ —
5,0 бум. = 13,7 печ. л. (13,54 уч.-изд. л.).

Тираж 30 000 экз. А06210. Заказ № 202.

Цена 5 р. 10 к.

Номинал — по прейскуранту 1952 года.

**Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сушевский вал, 49.**

5р. 10к.